КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КИРГИЗСКОЙ ССР

ЧАСТЬ 1-я

С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Фрунзе КИРГИЗГОСИЗДАТ 1952

КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

Напечатано для обсуждения

№ [illegible]

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КИРГИЗСКОЙ ССР

ЧАСТЬ 1-я

С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КИРГИЗГОСИЗДАТ 1952

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Предисловие		3
Введение		13
Глава I.	Первобытно-общинный строй и его разложение на Тянь-Шане и Енисее	29
Глава II.	Дофеодальные государства на Тянь-Шане и у енисейских киргизов	49
Глава III.	Киргизстан и киргизы в период развития феодальных отношений	63
Глава IV.	Киргизы и Киргизстан под игом монгольских и калмыцких завоевателей	86
Глава V.	Киргизы в первой половине XIX в. Кокандская колонизация Киргизии	107
Глава VI.	Присоединение Киргизии к России	142
Глава VII.	Киргизия во второй половине XIX в	165
Глава VIII.	Киргизия в период первой русской революции, столыпинской реакции и нового революционного подъема	207
Глава XI.	Киргизия в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции	226
Хронологический указатель		255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Киргизская ССР расположена в северо-восточной части Средней Азии и граничит на юго-востоке с Китайской народной республикой, на юге — с Таджикской ССР, на севере и северо-востоке — с Казахской и на юго-западе — с Узбекской ССР. Её протяжение с севера на юг — 415 км, с востока на запад — 900 км.

Площадь Киргизской ССР составляет 198,7 тыс. кв. км. По размерам территории она занимает третье место среди советских республик Средней Азии.

Киргизия — высокогорная страна. В ее состав входит Центральный и весь Западный Тянь-Шань и на юго-западе часть Памиро-Алая. Величайшая вершина Тянь-Шаня — пик Победы (7439 м.) — вторая по высоте в Советском Союзе[1]; в Заалайском хребте находится пик В. И. Ленина — третья по высоте вершина в СССР (7127 м).

Горные хребты Киргизии чередуются с долинами и котловинами. В северной части на подступах к Тянь-Шаню раскинулась Чуйская долина. С севера долина отграничена Чу-илийскими горами и отрогами Заилийского Ала-Тоо, с юга — мощным хребтом — Киргизским Ала-Тоо с вершинами, покрытыми вечными снегами. К Чуйской долине склоны Киргизского хребта спускаются широкими предгорьями, между которыми лежат долины, поросшие богатой травянистой растительностью. На востоке к ней примыкают сравнительно узкие, лежащие на значительной высоте большая и Малая Кеминские долины, разделенные отрогами Заилийского Ала-Тоо.

На западе к Чуйской долине примыкает Таласская долина, замкнутая с юга Таласским Ала-Тоо.

Из Чуйской долины в Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульскую котловину путь лежит через узкое, с крутыми склонами Боомское ущелье, по дну которого мчит свои воды река Чу.

Иссык-Кульская котловина, в центре которой лежит бирюзовое озеро Иссык-Куль, с севера замкнута Кунгей Ала-Тоо, а с юга

---

[1] Наивысшая точка Советского Союза — пик И. В. Сталина на Памире — достигает 7495 м.

еще более высоким, сверкающим вечно снежными вершинами хребтом Терской Ала-Тоо.

К югу от хребтов Киргизского и Терской Ала-Тоо лежит обширная высокогорная область, которая замкнута хребтами: на юго-востоке Как-Шаал, а на западе Ферганским. В самой восточной части Киргизии возвышается высочайший горный узел Мустаг, или Хан-Тенгри, почти сплошь покрытый снегами и ледниками. От этого горного узла расходятся многочисленные хребты, протягивающиеся далеко на запад. Между хребтами лежат высокогорные долины и котловины: Атбашинская, Кочкорская, Сусамырская, Аксай, Арпа, Нарынская, Тогуз-Тороо и др. Многие из них имеют богатые луга и служат пастбищами для скота.

Во многие долины можно попасть лишь через горные перевалы. Перевалы лежат на значительных высотах. Некоторые из них находятся за линией вечных снегов и достигают высоты 4000 м и более.

В северо-западной части Киргизии, к юго-западу от Таласского хребта, простирается местами покрытый ореховыми лесами Чаткальский хребет; между ним и Пскемским хребтом залегает богатая пастбищами Чаткальская долина.

На подступах к Тянь-Шаню с юга лежит Ферганская долина. В состав Киргизии входят лишь некоторые её предгорные части. С юга Ферганская долина ограничивается значительными по высоте Алайским и Туркестанским хребтами. Перевалы через Алайский хребет ведут в Алайскую долину, на юге которой высокий Заалайский хребет как бы охраняет подходы к Памиру.

Большинство горных хребтов и вершин Киргизии покрыты вечными снегами. Снега скапливаются в ледники, которые, медленно сползая вниз, оттаивают и дают начало многочисленным горным потокам. Последние, пополняясь водами источников, образуют реки, питающие долины Киргизии и равнины Средней Азии.

В горах и ледниках Тянь-Шаня зарождаются реки: Нарын, истоки Сыр-Дарьи, Чу, Талас. С ледников массива Мустаг и Как-Шаала собирают воды Сары-Джас, Чоп-Узгенгегуш, Аксай, которые, прорезав горные цепи, уходят в пустыни Центральной Азии, в бассейн реки Тарима.

Часть воды, протекающей по горным ущельям, фильтруется в рыхлых породах и в долинах выходит на поверхность. В этих местах обычно образуются сазы—болота, которые встречаются во многих долинах Киргизии и дают начало небольшим речкам, обычно называемым «карасу» («черная вода»), в отличие от «аксу» («белая вода»), как называют реки, берущие начало из ледников.

Среди гор в котловинах Тянь-Шаня встречаются озера. Самое большое из них озеро Иссык-Куль — «горячее озеро», получившее, повидимому, такое название от горячих лечебных источни-

ков, находящихся в окружающих его горах. Озеро, как изумруд, залегает в оправе высоких, сверкающих снегами гор. Оно лежит на высоте 1621 м. Озеро бессточное, слабо солёное. С окружающих гор в него стекают свыше 70 речек. В нем водится рыба: чабак, чабачок, осман, маринка, сазан. Ещё на большей высоте лежат озера Чатыр-Куль и Сон-Куль, окруженные богатыми пастбищами.

Удаленная от морей Киргизская ССР в целом характеризуется резко континентальным климатом с жарким летом, сравнительно суровыми зимами, малым количеством выпадающих осадков. Нередко, когда в долинах стоит солнечная жаркая погода, на самых вершинах, за линией вечного снега, бушуют метели. Там, климат напоминает Арктику.

Большие разницы в высотах в пределах республики создают значительные различия в климатических условиях.

Высокие склоны гор и котловины вполне благоприятны для летних пастбищ. Сочные травы, прохлада, обилие воды — все это благоприятствует нагулу скота.

В долинах и котловинах края раскинулись поля пшеницы, риса, новолубяных культур, хлопчатника, плодоовощных культур, картофеля, сахарной свеклы, а также сады и виноградники.

7% территории Киргизии занято лесами. По составу пород они делятся на северные и южные.

Северные леса в республике занимают северные склоны хребтов: Киргизского, Таласского, Кунгей Ала-Тоо, Терскей Ала-Тоо. Они встречаются кое-где по течению реки Нарын. Преобладающими породами являются тяньшанская ель, арча и между ними масса кустарников: барбариса, шиповника, алчи, малины, смородины и др.

Южные леса занимают склоны Ферганского и Чаткальского хребтов. Там преобладают широколиственные породы: грецкий орех, яблони, груши, дикие абрикосы, фисташка, чинар, клены, встречаются ели и арча. Многочисленны также и кустарники барбариса, алчи, малины, смородины и т. п.

Богат и разнообразен животный мир Киргизии. В её горах и долинах водятся зайцы, лисицы, волки, медведи, рысь, горностай, козуля-елик. По склонам гор встречаются иногда стада тоо-теке (козерог, или горный козел), архаров (горный баран) — прародителей современных домашних коз и баранов. Здесь же водится барс.

В хвойных лесах еще и теперь изредка можно увидеть оленя-марала (по-киргизски — бугу). До середины XIX в. в камышах Чуйской долины обитали тигры.

Пернатый мир представлен многими видами, в том числе промысловыми птицами. В горах водится горная куропатка (кекилек), у самых снегов обитает улар — горная индейка. Водятся в Киргизии стрепеты, дрофы, фазаны. В водоемах из диких водопла-

вающих птиц много уток, гусей, лебедей; особенно богато ими озеро Иссык-Куль. У озер Чатыр-Куль и Сон-Куль гнездится индийский гусь.

* * *

Природные богатства края — разнообразная фауна и флора, удобные горные и долинные пастбища, обилие водных ресурсов издавна привлекали сюда человека. Материалы археологических исследований свидетельствуют о высокой культуре края и развитых взаимоотношениях между Киргизией и отдельными странами древности. Находки микролитов и орудий бронзового века говорят о большом разнообразии и высокой для того времени технике производства предметов труда и средств охоты первобытного обитателя здешних мест. Обнаруженные кельты, вислообушные топоры и другие памятники бронзового века по своей конструкции перекликаются с орудиями подобного рода, найденными на Алтае, в Казахстане, Западной Сибири, на Урале и в европейской части СССР.

Множество памятников изобразительного искусства в виде высеченных на скалах рисунков, обнаруженных в Киргизии, являются подтверждением заселенности в глубокой древности горных районов края. Здесь на большом опыте охотничьей деятельности древнего обитателя возникло и получило широкое развитие приручение животных, за которым следовало образование стад и переход людей к пастушеской жизни. В древности Киргизия являлась одним из очагов развития скотоводства. К VI в. до н. э. особенно большого развития достигло разведение лошадей. Известно, что саки, населявшие в то время территорию Киргизии и часть Ферганской долины, располагали лучшей конницей, широко известной за пределами Средней Азии. Усуни, населявшие Киргизию с конца III в. до н. э., поддерживали оживленные связи с населением Китая.

В средние века Чуйская и Таласская долины, Иссык-Кульская котловина и юг Киргизии были густо заселенными районами Средней Азии.

В VII — VIII вв. на территории Киргизии начали складываться феодальные тюркские государства. Тогда же в Чуйской долине, на юге Киргизии, получило дальнейшее развитие поливное земледелие.

Развитие производительных сил в VIII — IX вв. способствовало формированию феодальных государств. В X в. на территории юга Казахстана, Узбекистана и Киргизии складывается феодальное государство Караханидов. Киргизия в истории этого государства играла важную роль, а средневековые города Киргизии — Узген и Баласагун (ныне развалины у гор. Токмака) — являлись столицами его. В караханидский период (X—XII вв.) в Киргизии возникает ряд по тому времени крупных культурно-политических

центров. Своими ремесленными изделиями как очаги крупной торговли славились города: Узген, Шельджи (развалины у селения Кировское, Таласской области), Баласагун, Сарыг (развалины у селения Красная Речка, Фрунзенской области) и др. Через город Узген в X в. шел торговый путь из Византии в Китай. В XI — XIII вв. через Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину шел торговый путь из устьев Дона (Танаис) в Западный Китай. Город Узген в X — XII вв. являлся крупным торговым центром Средней Азии.

О высоком уровне развития культуры народов, населявших Киргизию в средние века, свидетельствует ряд памятников архитектуры и письменности. Недалеко от гор. Токмака стоит величественная башня Бурана, выстроенная в XI в. В городе Узгене возвышаются блестящие памятники архитектуры XII в. — три мавзолея и минарет. В Таласской долине удивляет взоры человека мавзолей, известный в народе под именем кумбеза (усыпальницы) Манаса, сооруженный мастерами Киргизии в XIV в. в честь Кенизек-Катун. Немалая доля искусства и труда заложена в этом замечательном сооружении средневековья. Одним из редких памятников архитектуры в Средней Азии является также постройка Таш-рабат в Атбашинском районе.

О развитии науки и письменной культуры в Киргизии XI — XII вв. свидетельствуют сочинения Махмуда Кашгарского и Хаджиба Юсуфа Баласагунского, киргизстанцев по происхождению. В общей истории и создании культурных ценностей народов, населявших Киргизию к X—XIV вв., видную роль играли киргизские племена, отдельные группы которых населяли этот край уже в то время.

В конце XII в. и в XIII в. в Киргизию так же, как и в соседние с ней районы Средней Азии, устремляются массы кочевников-скотоводов, сначала каракитаев, а потом монголов. Изменения в хозяйственном быту народов, населявших Киргизию в XIII — XIV вв., понизили роль земледелия, способствовали значительному сокращению торговли и ремесла. Средневековые города перестали играть роль культурно-политических центров. Они стали приходить в запустение и разрушались. Разрушению средневековых городов Киргизии способствовали также феодальные войны завоевателей, не прекращавшиеся в период господства монголов.

В начале XIX в. на киргизский народ обрушился гнет кокандских ханов. В это же время к богатым землям Средней Азии стали протягивать свои лапы английские захватчики. Исключительно пагубны для киргизского народа были разорительные феодальные войны и междоусобия, несшие нищету для трудовых масс и усиление кабалы над ними со стороны манапов.

В первой половине XIX в. для киргизского народа создалось

чрезвычайно тяжелое как международное, так и внутреннее положение. В этих условиях среди киргизов началось движение за присоединение к России. Немалый интерес к Киргизии проявлял царизм. В результате к концу 70-х гг. XIX в. вся Киргизия — Южная и Северная — была присоединена к России.

Присоединение Киргизии к России было для киргизского народа единственным условием выхода его на широкую дорогу истории.

В конце XIX в. в России сложился «революционнейший в мире пролетариат» (Сталин). Россия стала центром мирового революционного движения. Во главе рабочего класса и революционного движения в России стояли гениальные вожди русского пролетариата и всех трудящихся и угнетенных масс России — *В. И. Ленин и И. В. Сталин.*

При братской помощи и под руководством русского рабочего класса в революционную борьбу за свое национальное и социальное освобождение включился и киргизский народ.

Тяжела была борьба. Лучшие сыны Киргизии отдали жизнь за счастье своего народа. Царские палачи с баями и манапами мучили певца народного горя и борца за народное счастье, революционера-демократа Токтогула Сатылганова. Однако царским чиновникам и манапам не удалось задушить стремление народа к свободе. В бурные дни революции 1905 — 1907 гг. киргизский народ под руководством героического русского рабочего класса поднялся на штурм царизма и против баев и манапов. Революция 1905 г. положила начало дальнейшей борьбе за свободу.

В памятные дни Великого Октября 1917 г. русский рабочий класс под руководством партии Ленина — Сталина возглавил революционную борьбу угнетенных масс России.

Имея опыт 1905 — 1907 гг. и февральской революции 1917 г., теперь смелее и организованнее вступил в борьбу и киргизский народ.

Русский рабочий класс, воспитанный партией Ленина — Сталина в духе глубокого и подлинного интернационализма, протянул руку братской помощи трудовым массам киргизского народа.

Долгим мучениям и горю пришел конец.

* * *

Великой революционной бурей в Октябре 1917 года власть всяких поработителей и эксплуататоров была свергнута. Победил народ, победили Советы.

Киргизский народ при братской помощи великого русского народа встал на путь создания своего счастья — строительства социализма.

Власть Советов, гениальная ленинско-сталинская национальная политика, укрепившая дружбу народов, спасли киргизский народ от гибели, вывели его на широкую дорогу экономического и культурного процветания.

За годы советской власти в Киргизии созданы промышленность и крупное социалистическое сельское хозяйство, оснащенные передовой техникой.

До Октябрьской революции в Киргизии не было ни одной киргизской школы. Сейчас в республике насчитывается 1650 начальных, семилетних и средних школ, в которых обучается 300 тыс. детей. Тысячи юношей и девушек обучаются в 10 вузах и 34 средних специальных учебных заведениях республики. Киргизский филиал Академии наук СССР возглавляет широкую сеть научно-исследовательских институтов и учреждений. В Киргизии ликвидирована, в основном, неграмотность, созданы многочисленные кадры интеллигенции средней и высшей квалификации — учителей, врачей, инженеров, агрономов, техников и др.

Расцвело национальное по форме, социалистическое по содержанию искусство киргизского народа. Создана художественная литература. Произведения Аалы Токомбаева, Тугельбая Сыдыкбекова и др. переведены на многочисленные языки СССР (русский, латышский, украинский, белорусский, казахский и др.) и стран народной демократии (чешский, польский).

До Великой Октябрьской социалистической революции киргизский народ не имел своей не только печати, но и письменности. Сейчас в Советском Киргизстане издается 87 газет, в том числе 62 на киргизском языке, выходит 7 журналов. Киргизский народ читает на родном языке великие творения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина.

Под руководством партии Ленина — Сталина, при бескорыстной помощи великого русского народа киргизский народ создал свою культуру — социалистическую по содержанию, национальную по форме — и сложился в социалистическую нацию, минуя мучительный этап капиталистического развития.

Нищета, культурная отсталость, моральная подавленность, что являлось уделом многих народов, в том числе и киргизов, в бывшей империи царизма, канули в вечность.

Киргизский народ, выражая свою искреннюю благодарность Советам, большевистской партии, великому Сталину за свою прекрасную жизнь и счастье, в день 25-летия Республики в письме своему другу, учителю и вождю писал:

«Забыты времена, когда седой бедняк
Устраивал в земле свой нищенский очаг.
Теперь он — садовод. Он в сад выходит рано,
Снимает спелый плод рабочая рука,
Позволь и нам сказать словами старика:
Ты счастье подарил народу Киргизстана!

Растут в горах стада, цветут внизу поля,
И повторяет вся счастливая земля:
Спасибо Сталину от сердца Киргизстана!»

Больших успехов достиг киргизский народ в развитии научных знаний, в том числе исторической науки.

Изучение прошлого киргизского народа и Киргизстана носило до Октябрьской революции чаще всего случайный, любительский характер. Царизм не был заинтересован в разработке не только истории киргизского народа, но и вообще всех народов, населявших Российскую империю. Царизм душил всякую передовую мысль, умышленно тормозил развитие науки в России.

Вопреки воле царизма, передовая часть русской дореволюционной интеллигенции в России развивала передовую науку, в том числе об истории её народов.

Коренным образом изменились условия исследования истории киргизского народа и Киргизстана после Великой Октябрьской социалистической революции. Великие корифеи науки В. И. Ленин и И. В. Сталин создали все условия для разработки истории народов СССР и, в том числе, киргизского народа. Они вооружили всех советских историков всепобеждающей теорией марксизма-ленинизма.

Выдающееся значение в деле развития исторической науки в Киргизии имеют гениальные труды И. В. Сталина по национальному вопросу и его указания большевикам Киргизии, изложенные в приветственной телеграмме от 14 марта 1925 г. первой областной партконференции. В этой телеграмме были определены не только задачи большевиков Киргизии в деле строительства социализма, но и пути исследования общественных отношений в Киргизии дореволюционного и первых лет революционного времени.

Так, в советское время, при помощи русских ученых, на основе марксистско-ленинской теории, в Киргизии начала создаваться подлинная наука об истории киргизского народа и Киргизии.

Уже в 1923—1924 гг. Туркомстарис (Туркестанский комитет по охране памятников искусства, старины и природы), впоследствии преобразованный в Средазкомстарис, провел 3 историко-археологических экспедиции по исследованию Киргизстана. В работах экспедиции приняли участие крупные ученые, такие, как П. П. Иванов, В. Д. Городецкий, В. П. Денике, Б. Н. Засыпкин и др. Эти экспедиции подвергли исследованию некоторые памятники Таласской и Чуйской долин и Юга Киргизии.

В 1925—1927 гг. памятники Таласской и Чуйской долин и гор Узгена исследует советский ученый профессор М. Е. Массон; в 1928 — 1930 гг. подвергаются исследованию памятники Иссык-Куля, Чуйской долины и Южной Киргизии М. П. Грязновым, М. В. Воеводским, А. И. Терепожкиным и вновь М. Е. Массоном. В этот период вопросам истории киргизского народа уделяет вни-

мание талантливый советский ученый Г. Е. Грумм-Гржимайло, а также проф. Л. В. Ошанин, член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов, И. И. Умняков и др. советские ученые.

Дело изучения истории киргизского народа начинает возрастать и расширяться с образованием Киргизской республики в 1926 г. В то же время во Фрунзе был создан Музей краеведения. В 1928 г. при СНК республики был организован Научно-исследовательский институт краеведения. Все это способствовало тому, что изучение истории Киргизии стало приобретать целеустремленный и планомерный характер. Вскоре, в 1932 г., на основе общего подъема экономики и культуры республики, было открыто первое высшее учебное заведение — Киргизский государственный педагогический институт, который сыграл решающую роль в подготовке местных научных кадров историков. Большим вкладом в дело исследования истории края явилось создание в 1936 г. Комитета наук при СНК Киргизской ССР.

Работники и аспиранты Пединститута: Г. Куранов, А. Зимма, Б. Джамгерчинов, Г. Зайцев, Ю. Федоров и др. занялись разработкой материалов архивных фондов. В результате были обнаружены весьма ценные материалы по истории Киргизии дореволюционного и особенно послереволюционного периодов. Так местными историками было положено серьезное начало исследованию истории Киргизии XIX — XX вв. Другая группа работников и аспирантов Института приступила к изучению древних этапов истории края.

Киргизский пединститут в 1937 г. организовал историко-археологическую экспедицию, которая дала ценные материалы по исследованию древней и средневековой истории Киргизии. С 1938 г. Комитет Наук при СНК Киргизской ССР организует глубокое и систематическое археологическое исследование Киргизии. Эту работу под руководством А. Н. Бернштама в широких масштабах с 1943 г. проводит Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР.

Значительно продвинулась вперед историческая наука в Киргизии, как и во всех республиках нашего Союза ССР, после разгрома антиленинской «школы» Покровского. Замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории были положены в основу научной разработки истории Киргизии, как и истории всех народов СССР.

Гениальный труд И. В. Сталина «История ВКП(б). Краткий курс» — дал историкам Киргизии, как и всех других республик СССР, могучее оружие в разрешении сложнейших научных проблем.

Заметно перестроили свою работу историки Киргизии после постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы.

В исследовании истории киргизского народа и Киргизстана исключительную роль играют гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Широкий размах историко-археологических исследований, опирающихся на сокровищницу человеческих знаний — теорию марксизма-ленинизма, — позволил советским историкам воссоздать картину богатого исторического прошлого народов, населявших Среднюю Азию с древнейших времен.

Советскими историками повержена в прах культивируемая фашиствующими «учеными» легенда о «неполноценности» народов Советского Востока. Такие утверждения реакционной англо-американской «науки» являются насквозь лживыми. Они нужны англо-американским империалистам для того, чтобы оправдать свою захватническую, колониальную политику на Востоке.

Киргизы, один из народов Средней Азии, внесли значительный вклад в культуру человечества. Это неопровержимо доказано советской наукой.

Киргизский народ под руководством партии Ленина — Сталина, при братской помощи великого русского народа, вышел на широкую дорогу мировой истории. В братском содружестве всех народов Союза ССР киргизский народ успешно построил социалистическое общество и уверенно идет к коммунизму.

* * *

Показать на конкретных материалах славную историю киргизского народа с древнейших времен до 1917 г. — такова главная задача предлагаемых вниманию читателей «Очерков по истории Киргизской ССР», том 1.

Составителями тома являются: доктора исторических наук М. П. Вяткин, А.Н. Бернштам и Б.Д. Джамгерчинов, кандидаты исторических наук А. Г. Зимма, С. М. Абрамзон, А. Х. Хасанов, Д. М. Меджитов, Б. М. Зимма, Х. Ю. Юсуров и научный работник К. У. Усенбаев.

Археографическая обработка материалов проведена младшими научными сотрудниками: К. И. Антипиной, В. Л. Коротенко, Н. М. Камалетдиновой, А. К. Каниметовым и Т. Д. Дуйшемалиевым.

В редактировании тома участвовал Б. М. Зимма. При написании первой части предисловия (географического обзора) использованы материалы кандидата географических наук Б. А. Лунина.

Макет «Очерков» предназначается для обсуждения научной общественностью. После внесения соответствующих исправлений, том будет выпущен в свет с иллюстрациями, библиографией, географическим, этническим и именным указателями.

Институт языка, литературы и истории
Киргизского филиала Академии Наук СССР

ВВЕДЕНИЕ.

Значение трудов классиков марксизма-ленинизма для истории киргизов и Киргизстана.

Основы для подлинно научной разработки истории Киргизии были заложены трудами классиков марксизма-ленинизма. Буржуазная историография для истории Киргизии даже в области простого накопления фактического материала сделала немного.

Значение трудов классиков марксизма-ленинизма заключается не только в разработке подлинно научных и методологических основ всякого научного знания — диалектического и исторического материализма: в трудах классиков марксизма-ленинизма содержится много конкретных указаний, имеющих самое непосредственное отношение к истории Киргизии. Разработанное В. И. Лениным и И. В. Сталиным учение об общественно-экономических формациях создает основы для научной периодизации истории всякого, в том числе и киргизского народа. Первобытно-общинный строй, длившийся много тысячелетий, пережил сложную эволюцию. Разработка этого периода в истории человечества Ф. Энгельсом в его классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была дополнена и углублена И. В. Сталиным. В классической работе «История ВКП(б). Краткий курс» с исчерпывающей полнотой вскрыто содержание производственных отношений этого периода, как и других общественно-экономических формаций. В труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин сформулировал те этапы, которые прошло человечество в своем развитии после первобытной семьи: род, племя, племенные союзы. Товарищу Сталину историческая наука обязана разработкой сложнейшей проблемы происхождения народности. И. В. Сталиным указано на процесс классообразования как основу, на которой происходило превращение кровно родственных союзов в народность. В связи с этим был вскрыт антагонистический характер процесса образования народности. Этим была внесена ясность в проблему этногенеза, крайне запутанную ранее благодаря порочной «теории» Н. Я. Марра.

Важнейший вопрос в истории каждого народа — вопрос о характере производственных отношений в буржуазной историографии в отношении кочевых народностей не только не был разрешен, но даже не поставлен сколько-нибудь в удовлетворительной форме. Вышедшая в 1933 г. работа акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» нанесла серьезный удар по националистическим теориям сохранения у кочевых народов вплоть до последнего времени первобытно-общинных, доклассовых отношений. Но Б. Я. Владимирцов не вскрыл специфики классовых отношений у кочевых народов. Его теория кочевого феодализма совершенно закрывала возможности для понимания своеобразия классовой борьбы у кочевников. В тезисах к докладу по национальному вопросу на X съезде партии товарищ Сталин дал четкое определение общественных отношений у ряда народов Советского востока, в том числе и у киргизов, как патриархально-феодальных. Очень важны для понимания производственных отношений киргизского общества указания товарища Сталина, изложенные в приветственной телеграмме от 14 марта 1925 г. первой областной партконференции. В этой телеграмме были определены не только задачи большевиков Киргизии в деле строительства социализма, но и пути исследования общественных отношений в Киргизии дореволюционного и первых лет революционного времени. В то же время в работе «Марксизм и вопросы языкознания», в учении об активной роли надстройки, товарищем Сталиным даны руководящие указания для выяснения той роли, которую в развитии общественных отношений играли пережитки патриархально-родового быта. Эти работы товарища Сталина, как и ряд других, вместе с работой К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству», положили твердую основу для выяснения своеобразных форм земельной собственности у кочевых народов и, следовательно, характера производственных отношений.

Важнейшая проблема присоединения Киргизии к России не может быть правильно разрешена и поставлена без учета указаний К. Маркса о прогрессивной роли России для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, без учения В. И. Ленина о развитии капитализма не только вглубь, но и вширь и без тех указаний, которые содержатся в постановлениях партии и правительства о преподавании гражданской истории в школе и без замечаний товарищей И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников истории СССР и новой истории. В то же время многочисленные высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о характере колониальной политики российского царизма вскрывают те глубоко противоречивые условия, в которых протекала жизнь киргизского народа в колониальный период, когда прогрессивное влияние русской хозяйственной и духовной культуры осуществлялось не только помимо политики

царизма, но и в непримиримом противоречии с этой политикой.

Другая важнейшая проблема в истории киргизского народа—проблема национальных движений—также может быть научно освещена только в свете указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина. Невозможно понять характер этих движений, их роль в истории киргизского народа, рассматривая национальный вопрос как часть более общего вопроса революционного преобразования общества. Товарищ Сталин писал, что в России «национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны» (Сталин, Соч., т. 2, стр. 319). Аналогичные указания содержатся и в других работах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Крупнейшие ошибки, допущенные в советской историографии в освещении истории национальных движений у народов бывших царских колоний, в основном объясняются именно забвением этого важнейшего указания классиков марксизма-ленинизма. Не менее важное значение имеют указания И. В. Сталина, данные им еще до Октябрьской революции в работе «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», на то, что ...«национальный вопрос» в разные времена **служит различным интересам,** принимает различные оттенки в зависимости от того, **какой** класс и **когда** выдвигает его» (И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 32) Учение товарища Сталина о трех периодах разрешения национального вопроса, блестяще развитое им в докладе «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде партии в 1921 г., наконец, многочисленные указания В. И. Ленина и И. В. Сталина о связи участия широких народных масс в национальных движениях с вопросом о земле имеют огромное значение для понимания истории киргизского народа.

Работы В. И. Ленина и И. В. Сталина, относящиеся к первой буржуазно-демократической революции в России 1905 г., периоду столыпинской реакции и нового революционного подъема, прежде всего работы по аграрному вопросу и, в частности, переселенческой политике царизма, содержат руководящие указания для освещения этого времени и в истории киргизского народа.

Учение товарища И. В. Сталина о нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей эпохи поднимающегося капитализма, отнесение киргизов к той группе народностей, которые не успели пройти капиталистического пути развития, указание на серьезную ломку экономической жизни после революции 1905 — 1907 гг., когда «ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России» (И. В. Сталин, Соч. т. 2, стр. 290)—все эти высказывания

товарища Сталина дают руководящие указания для разрешения важнейшего вопроса и в истории киргизского народа.

Огромное значение для всей исторической науки, в том числе и для истории Киргизии, имеет труд товарища И. В. Сталина «История ВКП(б). Краткий курс». Основные этапы в развитии пореформенной России и затем Советского Союза, с исключительной четкостью раскрытые в этом труде, имеют прямое отношение и к истории Киргизии, не говоря уже о том, что история киргизов, как и история всякого другого народа Советского Союза, может быть научно понята только в неразрывной связи с историей русского народа.

Исключительную ценность имеют работы и выступления В. И. Ленина и И. В. Сталина для истории советского периода. Выступление В. И. Ленина на II конгрессе Коминтерна обосновало возможность для отсталой страны при известных условиях перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Это гениальное указание В. И. Ленина определило основной путь развития Советской Киргизии. Работа товарища Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» осветила проблему образования социалистических наций, в том числе и киргизской социалистической нации. Выступления И. В. Сталина по вопросам индустриализации и коллективизации определили для Киргизии, как и для всей страны, основные пути построения социалистической экономики. Сталинская Конституция послужила образцом и основой для Конституции Киргизской ССР. Сталинское учение о развитии культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, определило направление культурного строительства в республике.

При неразрывной связи работ В. И. Ленина и И. В. Сталина с практикой революционной борьбы и социалистического строительства естественно, что выступления вождей нашей партии и народа являются не только директивными указаниями, но и драгоценным историческим источником, без использования которого невозможно научное построение истории киргизского народа, как и других народов.

История киргизов и Киргизстана как часть истории народов СССР

В средневековом периоде история киргизов развивалась на двух территориях: киргизские племена первоначально населяли районы верхнего Енисея и лишь впоследствии стали жителями Тянь-Шаня.

Историческая наука до последнего времени считала, что заселение Тянь-Шаня киргизскими племенами является сравнительно поздним процессом. Академик В. В. Бартольд, один из крупных буржуазных исследователей Востока, полагал, что это событие может быть отнесено в XVI в. Однако исторические свидетельства, запечатленные китайскими хрониками, дают все основания

утверждать, что заселение Тянь-Шаня киргизскими племенами происходило в значительно более раннее время и непрерывно, причем в этом переселении было несколько этапов наиболее активного движения.

При изучении истории киргизов на Енисее и на Тянь-Шане нельзя исключать из поля зрения историю тех народов, в тесной взаимосвязи с которыми протекала жизнь киргизских племен. Это значит, что история киргизов, прослеживаем ли мы ее на территории Енисея или на территории Тянь-Шаня, может быть изучена лишь в связи с характеристикой тех племен и народов, с которыми киргизы вступали во взаимоотношения в течение всей своей истории. Изучение истории тех племен, которые вошли в состав киргизской народности, того окружения, в условиях которого развивалась народность, складывались её общественный строй, её государственность и её культура, является непременным условием для составления полной истории.

На протяжении всей своей многовековой истории киргизы вступали в широкие международные отношения с очень отдаленными от их территории странами. В первую очередь необходимо отметить, что киргизские племена как Енисея, так и Тянь-Шаня оказывались в теснейшем общении с народами, вошедшими в состав Союза ССР. Киргизы занимали в древности верхнее и среднее течение Енисея, эту прекрасную котловину, ограниченную с запада Алтаем, с юга—Саяно-Алтайским нагорьем, с востока—бассейном р. Ангары и Байкала (места древнего обитания тунгузских племен). С севера, примерно на параллели Красноярска, Минусинская котловина граничила с таежными просторами Сибири. Естественно, что киргизы не жили изолированно от племен, населявших эти территории. Военные, политические и культурные взаимоотношения с этими племенами не могли пройти бесследно *в развитии социального строя киргизов, их культуры,* языка и т. д.

Таким образом, когда киргизские племена жили на территории Енисея, когда они переселялись на территорию Тянь-Шаня, наконец, когда они заселяли территорию современной Киргизии, — на всем протяжении своей истории они вступали во взаимоотношения с предками народов СССР.

Широкие международные общения, в которые вступали киргизы уже в раннем периоде своей истории, требуют рассмотрения истории киргизов на фоне крупных международных политических событий, которые разыгрались в то время на территории Центральной Азии.

Среди этих международных общений, без изучения которых немыслимо понимание ранней истории киргизов и Киргизстана, особенное значение имеет связь киргизов с народами Сибири и Средней Азии. Позднее решающее значение в истории киргизов

приобретает более близкое взаимоотношение киргизского народа с русским государством.

Вот почему следует считать, что история киргизов как на территории Сибири, так и на территории Тянь-Шаня является частью истории народов СССР.

Заселение киргизами Тянь-Шаня.

Заселение Тянь-Шаня киргизскими племенами не было актом одновременным.

Самым древним, отраженным источниками, фактом переселения киргизов на Тянь-Шань является их переселение с гуннским шаньюем (князем) Чжи-чжи, относящееся к 49—47 гг. до н. э. Второй этап массового переселения связан с событиями, развернувшимися в эпоху тюркского каганата VI—VIII вв. В последующих столетиях наиболее интенсивное проникновение киргизов на Тянь-Шань отмечается в IX—X вв.

Значительным этапом переселения киргизов на Тянь-Шань является время движения тунгусо-манчжурских и монгольских племен, сначала каракитаев, а затем монголов в XII—XIII вв. В основном переселение завершается в XVII в.

В результате этих переселений, равно как и в результате происходивших войн, торговых и иных взаимоотношений, киргизы оказались жителями не только Тянь-Шаня, где они наиболее компактно расселены и представлены в наибольшем количестве, но и других районов Азиатского материка.

Так, в пределах Советского Союза, кроме территории Киргизстана, где расселены основные массы киргизов, отдельные поселения их встречаются в Северном Семиречье, в Восточном Казахстане, на Алтае. На Енисее киргизы почти утратили свое этническое лицо, оставив о себе память в виде имени «кыргыз», распространенного среди енисейских тюркских племен. Отдельные немногочисленные очаги населения киргизов имеются в Тувинской автономной области (на Верхнем Енисее). За пределами Советского Союза киргизы под именем «хотонов» были отмечены русскими исследователями в районе Хангая (Северо-Западная Монголия). Широко известен факт расселения киргизов в Синь-цзянс, по оазисам Кашгар, Яркенд, Аксу, Хотан. Незначительные поселения киргизов отмечались в провинции Ладак (Тибет), по границам с Индией и в Афганистане.

Основные этапы истории киргизского народа до 1917 г.

С какой даты следует начинать историю киргизского народа? Казалось бы, что самым естественным и простым было бы начинать с 209—201 гг. до н. э., когда киргизы (в китайской транскрипции «гэгунь») впервые отмечаются в китайских источниках. Некоторые буржуазные историки с этой даты и начинают историю киргизов. Однако 209—201 гг. до н. э. — это лишь первое упоминание письменных источников о

этнически близкой киргизам группе племен. Естественно полагать, что племена Енисея прошли длительный путь развития, прежде чем сложилось племенное объединение, ставшее известным китайским историкам под именем киргизов.

Точно так же было бы ошибочным начинать историю киргизов со времени образования киргизской народности как самостоятельной этнической группы. Этногенез каждого народа, в том числе и киргизского, является сложным процессом и завершается в сравнительно позднее время становления классового общества. Чтобы понять историю киргизского народа, необходимо хотя бы в кратких чертах рассмотреть и древнюю историю племен, явившихся той племенной основой, на которой сложилась киргизская народность. Задачей является в то же время вскрыть, какие из этих племен в основном определили этнический характер киргизской народности путем ассимиляции, растворения в себе других племен.

В связи с этим возникает вопрос, где, в каких районах происходило складывание киргизской народности. Китайские источники термин «кыргыз» впервые применяют к одному из племенных союзов Енисея. Но это не значит, что именно на Енисее происходил процесс формирования киргизской народности. Киргизы Енисея вошли как один из компонентов в состав современной киргизской народности, но процесс этногенеза киргизов, как это мы увидим в дальнейшем, в основном протекал на их современной родине — на Тянь-Шане. Вот почему изучение истории древнейших племен Тянь-Шаня не менее важно в составлении истории киргизского народа, чем изучение древнейшей истории племен на Енисее, откуда вышло самоназвание народности — киргиз.

Изучение истории киргизского народа связано с изучением древнейших судеб человека на Енисее и Тянь-Шане. Через сотни поколений, через общение с новыми этническими группами, часто не непосредственно, а через посредство новых, вливавшихся на эти территории племен, культура древнейших поселенцев Тянь-Шаня и Енисея послужила основой формирования культуры сложившейся только в XVI в. киргизской народности.

Древнейшая эпоха на территории Тянь-Шаня и Енисея составляет историю первобытно-общинного строя. Условия развития обществ того времени на Тянь-Шане и Енисее в основном были сходны, поэтому и исторический процесс был однородным, несмотря на столь большую разобщенность этих территорий.

Начало этого периода теряется в глубине веков, в возникновении палеолитических стоянок на Енисее и, возможно, на Тянь-Шане. Он продолжается и в жизни человека неолитических стоянок на Енисее и Тянь-Шане, когда зарождается материнский род (матриархат). В век меди и бронзы, остатки которого отражены

в орудиях раннебронзовой, так называемой Афанасьевской, культуры II тыс. до н. э.) на Енисее, господствующей формой общежития продолжал оставаться еще материнский род. Во II тысячелетии матриархат уступил свое место отцовскому роду, который характеризуется скотоводством, как господствующей формой хозяйства, появлением первого общественного неравенства, ярко проявившегося в приниженном положении женщины. Этот период нашел свое отражение в памятниках бронзовой, так называемой Андроновской культуры, очаги которой разбросаны на огромном пространстве от Енисея до Урала. Патриархальная семья укрепляется в период так называемого Карасукского этапа бронзовой культуры (1200—800 л. до н. э.). Развитие производительных сил привело в середине 1-го тысячелетия до н. э. к появлению железа. В общественной жизни того времени род стал сменяться племенной организацией общества. Возникли первые племенные союзы: саков (VII—III вв. до н. э.), гуннов (с III в. до н. э.), усуней (с III в. до н. э.), племенной союз минусинских кочевников (VII — III вв. до н. э.). На рубеже н. э. замечается разложение первобытно-общинных отношений, происходившее на базе сложения первой формы частной собственности — семейной собственности,—прежде всего на основное богатство общества — на скот. Последним этапом разложения первобытно-общинного строя явилось время Восточно-Тюркского и Западно-Тюркского каганатов (VII — VIII вв. н. э.), когда возникли еще неразвитые формы государства, так называемые дофеодальные государства. Это было время владычества степной аристократии, основывавшей свое господство на грабительских набегах на соседей, на эксплуатации рабов и еще не закрепощенного, но зависимого от нее местного населения. Высшего развития дофеодальные государства в Семиречье и на Тянь-Шане достигли в период господства здесь карлуков (VIII — IX в.), а на Енисее в период так называемого киргизского великодержавия (VIII—IX вв.). Важным этапом в истории Киргизии явилось время караханидов (XI—XII в.), когда среди кочевых племен Тянь-Шаня и Семиречья окончательно складываются патриархально-феодальные отношения, которые остаются господствующими у киргизов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Их не могли подорвать ни монгольское нашествие, ни господство на территории, населенной киргизскими племенами, монгольских государств, ни завоевания калмыков XVII—XVIII вв., ни кокандское господство середины XIX в. Эти бесчисленные завоевания задерживали рост производительных сил, способствуя консервации патриархально-феодальных отношений. Только в конце XIX в., когда Киргизия, как колония, вошла в состав Российской империи, в недрах патриархально-феодальных отношений стали зарождаться под влиянием более передовой экономики России

новые — капиталистические общественные отношения. Но капиталистический уклад, опутанный густой сетью патриархально-феодальных отношений, не стал господствующим. Киргизия так и не прошла капиталистической стадии развития.

Таковы основные этапы истории киргизского народа до 1917 года.

Китайские источники.

Земли, заселенные предками киргизов, издавна были в орбите внимания как центральноазиатских кочевых держав, так и Китая. Общение киргизов со своими многочисленными соседями послужило условием для проникновения разнообразных сведений об этом крае в китайскую официальную историографию. Эти сведения, обработанные китайскими историками и нашедшие свое отражение в китайских династийных историях, являются первыми древнейшими письменными свидетельствами о киргизских племенах на Енисее. Страна киргизов — верховья Енисея—привлекала внимание не только своими исключительными пастбищами и полезными ископаемыми, но также и высокими для своего времени образцами искусства и материальной культуры, в частности, кузнечного мастерства.

Эти же китайские сведения являются древнейшими письменными источниками и о Тянь-Шане.

Алай и особенно Тянь-Шань находились в центре пересечения торговых путей, с направлением которых совпадали и переселения народов Азиатского материка. Несмотря на свою неприступность, Тянь-Шань, с точки зрения политики восточных государств, был важнейшим центром не только как «караван-сарай» на транзитных путях с востока на запад, из Китая в Рим, но и как естественная крепость, владея которой можно было диктовать свои условия большому количеству народов. Вот почему история Тянь-Шаня с древнейших времен попадает в сферу внимания китайских летописцев.

Китайские письменные источники являются единственными для истории киргизов с III в. до н. э. до эпохи Тюркского каганата (VI—VIII вв. н. э.). Сведения о киргизах в китайских источниках не составляют самостоятельных глав, они включены в виде отдельных упоминаний в разделы, посвященные истории отдельных народов и других стран, иногда даже в биографии крупных китайских полководцев, совершавших военные нападения на киргизов. Только в Танской истории (VII—IX вв.) содержится специальное повествование о киргизах, названное И. Бичуриным «Повествованием о стране хакасов».

Древнейшие рассказы и упоминания о киргизах имеются в первом крупном китайском историческом сочинении «отца исто-

рии» Китая Сы-ма Цяня, доведшего свой труд до 99 года до н. э. В его «Исторических записках» «Шицзи» содержится первое упоминание о киргизах. После Сы-ма Цяня во всех последующих китайских хрониках, а также в китайских энциклопедиях и специальных сочинениях типа энциклопедий XIV в. упоминания о истории киргизских племен, а также о истории Тянь-Шаня и Алая не прекращаются.

Огромное значение для истории Тянь-Шаня имели сведения китайских путешественников, посетивших эти районы. Из них на Тянь-Шань наиболее ранним является путешествие китайского эмиссара Чжан Цяня, посетившего эти места дважды в 136—128 и 115 гг. до н. э., а также буддийского паломника Сюань-Цзана, посетившего Семиречье в 629—630 гг. После завоевания монголами Семиречья его неоднократно посещают путешественники, оставившие ценные сведения об этом крае. Особенное значение имеют сведения посла Вугусуня (1219 г.), сведения Чан-чуня, даосского монаха (1221 г.), посла Чандэ (1259 г.) и других, сочинения которых широко использованы династийными историками эпохи Юань (XIII — XIV вв.), Мин (XIV — XVII вв.) и особенно XVIII в.

Название киргизов в китайской транскрипции все время изменялось. Так, например, в древности киргизы назывались «гэгунь» или «цзянь-кунь», в эпоху тюркского каганата известна транскрипция «сгу», «гегу», «цигу», «хякяньсы» и «хакас». Лишь Юаньши дает китайскую форму, наиболее близкую к истинному произношению древнего названия «кыргыз» в транскрипции «киликицзи». Благодаря тому, что в каждой последующей истории при изменении названия указывается, что это название есть не что иное, как новая транскрипция старого. Историкам удалось установить (наряду с другими данными) связь между этими, казалось бы, относящимися к различным народам транскрипциями.

Древнетюркские и древнекиргизские тексты.

Второй группой письменных источников о киргизах являются древнетюркские и древнекиргизские тексты. Древние тюрки, жившие в Монголии в VI—VIII вв., обладали уже в VI в. развитым руническим письмом, названным так по сходству с северными рунами, где буквы представляют собой комбинации поставленных в различные положения друг к другу прямых линий. Внешне эти буквы весьма напоминают тамги, которыми кочевники клеймили скот. Поэтому некоторые ученые полагают, что это письмо выросло из кочевых тамг.

Таким руническим письмом обычно писали надгробные эпитафии в честь умерших ханов, князей и вообще знати. Подобные тексты ставились на перекрестках больших дорог или у могил.

По своей величине тексты эти были разнообразны, порой очень подробно они рассказывали о жизни и деятельности, о политических успехах и военных походах представителей родо-племенной аристократии. Поэтому пространные надписи этого типа представляют собой как бы небольшие летописи, характеризующие определенные отрезки жизни каждого племени. Большими размерами отличаются найденные на территории Монголии тюркские надписи, меньше по объему — на территории верхнего Енисея.

Киргизские надписи стали известны еще с конца XVII в., когда они были отмечены на Енисее,
а надписи на территории Монголии были открыты русским путешественником Ядринцевым в 1889 г. После его открытия древнетюркских надписей в Монголии, последние были подвергнуты подробному изучению экспедицией в 1890 г. и русской экспедицией под руководством академика Радлова в 1891 г.

Тщательно собранные оттиски с надписей, найденных на территории Монголии и Енисея, были внимательно изучены и дешифрованы датским ученым Томсеном и русским ученым В. В. Радловым. В 1893 г. В. В. Радлов первый опубликовал полный перевод надписей, найденных в Монголии. Надписи были составлены в честь тюркского кагана Бильге (т. е. буквально «Мудрого») и его брата Кюльтегина. Вслед за этим В. В. Радлов опубликовал ряд других текстов, из которых наиболее интересны для истории киргизского народа надписи одного крупного советника тюркских каганов, некоего Тоньюкука. В. В. Радлову принадлежит и полный перевод древних киргизских надписей на Енисее, изданных им в 1897 г.

В древнетюркских надписях, обнаруженных на территории Монголии вышеупомянутыми экспедициями, равно как и в позднее открытых памятниках, например, в Селенгинском тексте, в честь первого уйгурского хана Моюнчура, открытом в 1909 г., в надписи Куличура Тардушского, открытой в 1912 г., — содержится большое количество данных, связанных с политической историей киргизских племен в период их жизни на Енисее. В надписях же, открытых на территории Енисея, т. е. собственно в древних киргизских текстах, меньше сведений из политической истории, но зато там содержится очень много данных, позволяющих охарактеризовать внутреннюю жизнь киргизского народа, его экономику, социальную структуру. По тому значению, которое занимали в Тюркском каганате войны с киргизами, становится ясной политическая роль киргизских племен в жизни центральноазиатских народов. В сочетании с китайскими источниками древнетюркские тексты позволяют проникнуть в политическую историю, а древнейшие киргизские тексты, наряду с этим,—рассказать и о внутреннем строе киргизских племен VI—IX вв.

Арабо- и персоязычные источники.

Сведения о киргизах, по преимуществу тех, которые жили на Тянь-Шане, с VIII в. появляются также в арабоязычных, а затем персоязычных сочинениях, часть которых составлена среднеазиатскими, таджикскими и тюркскими авторами.

Интересы предприимчивых купцов-мусульман, ищущих новые рынки сбыта и дороги в Китай, вызвали, в частности, к жизни появление огромной географической литературы, описывающей народы стран, среди которых мусульманские купцы прокладывали торговые пути. В литературе на персидском и арабском языках, особенно географической, имеется неисчислимое количество сведений о народах, заселявших эти страны, их культуре, быте, данные по географии и истории. Богатство материала о киргизах Тянь-Шаня уступает лишь китайским источникам.

Среди многочисленных сочинений на арабском и персидском языках для характеристики киргизов на Енисее особое значение имеют три источника: во-первых, рукопись (982—983 гг.) Худуд-ал-Алам, т. е. «Границы мира»; во-вторых, сочинение на персидском языке, написанное в 1050—52 гг. Гардизи, под названием «Украшение известий» и, наконец, сочинение автора XI в., писавшего на арабском языке, — Абу-Дулефа.

В отношении Тянь-Шаня исключительную ценность, помимо вышеотмеченных, имеют сочинения автора XI в. Махмуда Кашгарского, киргизстанца по происхождению (отец его—из района Иссык-Куля), писавшего также на арабском языке. Все эти источники больше всего дают сведения о городской культуре Тянь-Шаня и относятся главным образом к периоду, когда киргизы и страна, где они жили, были втянуты в сферу государственных образований феодального типа. Наряду с этими источниками, известную ценность представляют сочинения, написанные на тюркском (уйгурском) языке, среди которых наибольшее значение имеет книга под названием «Кудадгу Билик», написанная в 1069 г. Хаджибом Юсуфом из г. Баласагуна (развалины этого города находятся в 15 км к юго-западу от г. Токмака Фрунзенской области Киргизской ССР). Это сочинение, имеющее нравоучительный характер, не содержит в себе свидетельств о политической истории, но зато характеризует внутренний строй и идеологию общества Киргизстана XI в.

Источники монгольского и послемонгольского периода.

Для монгольского и послемонгольского периода, подобно предшествующему, особую ценность имеют китайские источники, посвященные монголам (Юаньши) и позднее калмыкам. Из мусульманских сочинений, связанных с историей монгольского периода, наибольшее значение имеют произведения Рашид-ад-Дина (XIV в.) и Джувейни «Тарихи Джехангушай» того же времени, а также

биографии Тимура и его потомков, в частности, сочинения Шерефад-Дина Йезди.

Большое значение для тяньшанских киргизов XVI в. имеет сочинение Мирзы Мухамеда Хайдара «Тарихи Рашиди», для XVII в. — сочинение османского историка Сеифи и персоязычного Махмуд-Чураса.

События XVII—XVIII вв., развернувшиеся на территории Восточного Туркестана, получили довольно подробное отражение в китайских источниках, главным образом географической литературе, историях Цинской (Манчжурской) династии, а также в местной исторической литературе на персидском и таджикском языках, а позднее на чагатайском языке.

Тесные взаимоотношения, которые имели киргизы в первой половине XIX в. с Кокандским ханством, нашли отражение в источниках, посвященных описанию деятельности кокандских ханов от Омара (1810) до падения Худояр-хана (1876 г.).

Русские источники. Начиная с XVIII в., в отношении Тянь-Шаня, как в более раннем периоде в отношении Енисея, приобретают значение русские источники: челобитные, отписки воевод, посольские бумаги и другие исторические акты, которые являются единственно полноценными источниками для истории киргизов на Енисее в XVII в.

Для характеристики XVII — начала XX вв. истории Киргизии русские источники являются основными. Решающее значение в этом случае имеют фонды Семиреченского и Сырдарьинского губернаторов, хранящиеся в основном в архивах Ташкента и Алма-Ата, а также местная периодическая печать типа газет: «Туркестанские ведомости», «Туркестанский курьер», «Ферганские областные ведомости» и другие. Имеющий большое значение для экономической истории киргизов материал представлен в специальной литературе того времени, например, в «Трудах переселенческого управления». Материалы по истории присоединения Киргизии к России, колониальной политике царизма и о восстании 1916 г. освещены в документах, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Ата и Фрунзе.

Фольклорные источники. Для изучения всей истории киргизского народа, а особенно для послемонгольского периода, большое значение имеет киргизский фольклор. Борьбе киргизов с калмыками посвящено много исторических преданий, относящихся к так называемому «малому эпосу». «Малый эпос» в основном отражает период киргизско-калмыцких и китайских войн XVII — XVIII вв. и межродовую борьбу XVIII—XIX вв.

Археологические и этнографические источники.

Краткий перечень исторических источников был бы неполным, если не упомянуть об археологических и этнографических источниках. Для характеристики древнего периода археологические источники являются единственным материалом, на основе которого можно составить суждение об этапах развития населения Енисея и Тянь-Шаня. Но и для более позднего периода, когда появляются источники письменные, археологические источники не теряют своей ценности. Относительная скудность письменных известий восполняется большим археологическим материалом.

Этнографические материалы и связанные с ними лингвистические данные дают ценные сведения не только для характеристики быта киргизов, но и по ряду других вопросов, в том числе по вопросу этногенеза, т. е. формирования киргизской народности, взаимоотношений киргизской народности с другими племенами, истории их передвижений. Этнографические материалы заключены в многочисленных описаниях путешественников, послов и др. источниках.

Литература по истории киргизов и Киргизстана.

История киргизов сравнительно мало привлекала внимание историков. В XIX в. на Западе появился ряд работ, представляющих собою пересказ восточных, как китайских, так и мусульманских, источников по истории киргизов, лишенный каких бы то ни было обобщений по истории киргизского народа, хотя бы в духе буржуазной науки. Эти работы интересны лишь собранными в них отдельными сведениями по истории киргизов. К таким работам принадлежат исследования Клапрота, Шотта, Пельо, Маркварта и некоторых других. Не уделяла большого внимания истории Киргизии и русская дореволюционная историческая наука. Среди русских ученых, труды которых имеют отношение к истории киргизского народа, надо назвать Иакинфа Бичурина. Бичурин собрал, перевел и издал ряд китайских источников, имеющих отношение к Киргизии. Большое значение для истории киргизов имеют работы В. В. Радлова по дешифровке и изданию монгольских и енисейских надписей. Работу В. В. Радлова в этом направлении продолжал его ученик — член-корреспондент Академии Наук СССР С. Е. Малов. Большая заслуга принадлежит В. В. Радлову и в области собирания произведений устного творчества киргизского народа, а также изучения археологических памятников Сибири. Некоторые из этих памятников проливают свет на древнейшую историю киргизского народа. Особо следует отметить заслуги в области изучения средневековой истории тяньшанских киргизов крупнейшего буржуазного востоковеда В. В. Бартольда. Научные интересы В. В. Бартольда были обращены к изучению оседлых районов Сред-

ней Азии. Несмотря на это, в ряде его дореволюционных работ, связанных с изучением Семиречья, содержатся весьма ценные сведения по истории Киргизии. К таким работам, имеющим непосредственное отношение к Киргизии, относятся: «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—94 гг.», «Очерк истории Семиречья». Важное значение для изучения истории Киргизии имеет и его капитальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

Колониальная забитость Киргизии, почти поголовная неграмотность киргизов повели к тому, что в дореволюционное время из среды киргизов не выделилось ни одного исследователя-историка.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед советской исторической наукой новые грандиозные задачи. Она потребовала перехода от констатации отдельных фактов прошлого к построению закономерности исторического процесса. Она потребовала изучения истории отсталых, колониальных народов не как объекта, а как субъекта исторического процесса. Социалистическая революция поставила перед историками новые проблемы — изучение истории народа, его общественно-экономических отношений, его культуры, его быта. Речь шла не о продолжении традиций буржуазной истории, а о развитии новой подлинно научной марксистской истории.

Однако перестройка исторической науки шла медленно и с большими ошибками. Антиленинские тенденции «школы» Покровского тормозили развитие исторической науки в нашей стране. Это надолго отвлекло внимание советских историков от изучения истории народов бывших царских колоний. Не развивалась историческая наука и в Средней Азии, в том числе и в Киргизии, где местная буржуазно-националистическая интеллигенция в попытках изучения истории Киргизии опиралась в основном на фольклорные данные.

Это вело к искажению и прежде всего к идеализации патриархально-феодального прошлого киргизского народа. Некоторые работы были написаны с прежних буржуазных методологических позиций. Так, в 1927 г. был издан исторический очерк В. В. Бартольда «Киргизы»—первая попытка дать связную, хотя и краткую, историю Киргизии. Книга В. В. Бартольда внесла много ценного в изучение ряда вопросов историко-географического порядка. Бартольд поднял и подверг критическому разбору ряд исторических источников. Это придало его работе источниковедческий характер. Но цельной картины истории киргизского народа В. В. Бартольд не дал. Что касается истории XIX и XX вв., то здесь В. В. Бартольд ограничился лишь беглыми, критически не проверенными замечаниями. Продолжал свои работы по истории Сибири, начатые еще в дореволюционные годы, С. В. Бахрушин. Его исследования имеют важное значение для истории енисейских киргизов.

Экспедициями были обследованы обширные районы Северной Киргизии и начато археологическое изучение Южной Киргизии.

Огромный материал был собран археологической экспедицией на строительстве Большого Чуйского канала. Этот материал охватил четырехтысячный период в истории Киргизии. Наиболее ценные находки относятся ко II тысячелетию до н. э., к эпохе бронзы.

В настоящее время результаты этих экспедиций опубликованы в трудах А. Бернштама: «Археологический очерк Северной Киргизии», «Чуйская долина» и в ряде кратких отчетов о полевых работах. Литература по истории Киргизской ССР дооктябрьского периода в последние 10 — 15 лет пополнилась трудами историков — Г. Куранова, Б. Джамгерчинова, А. Зимма, С. Ильясова, Б. Зимма и др. Опытом обобщения проделанной работы в области изучения прошлого киргизского народа является настоящий коллективный труд.

ГЛАВА I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И ЕНИСЕЕ

§ 1. РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО НА ЕНИСЕЕ И ТЯНЬ-ШАНЕ.

Древнейший период в истории Тянь-Шаня.

Памятники эпохи каменного века на территории современного Киргизстана еще не вскрыты с необходимой полнотой. Стоянки эпохи палеолита здесь пока не обнаружены. Объясняется это прежде всего относительно слабой археологической изученностью Тянь-Шаня. Однако Тянь-Шань является одной из тех территорий Средней Азии, где древнейший человек, несомненно, обитал. Физико-географические и климатические условия горных долин Тянь-Шаня и Алая аналогичны тем условиям, в которых были обнаружены остатки неандертальца и его культуры в Узбекистане.

В непосредственной близости от Киргизстана, в горах Курдая, были найдены следы стоянки человека мустьерской эпохи. На территории Киргизстана, в долине р. Норус, был обнаружен зуб мамонта. Еще северо-восточнее палеолит известен по Иртышу и на Алтае (с. Сростки), и, наконец, находки палеолитических времен были обнаружены на Енисее.

Если представить себе на карте линию, соединяющую места всех этих находок — от пещеры Тешик-Таш в Узбекистане через Самарканд, Курдай, Иртыш, Алтай, Енисей,—то получается плавная дуга, в центре которой оказывается Тянь-Шань. Отсюда можно допустить, что Тянь-Шань был известен первобытному человеку.

Несколько иная картина наблюдается в распространении культуры неолита. Неолитические памятники на территории Средней Азии представлены в ряде районов. Несколько шире распространены поздние неолитические памятники, называемые микролитами (по-гречески «микрос» — мелкий, «литос» — камень), обнаруженные на территории не только Киргизстана, но и далеко за его

пределами: от левого берега Днепра по южным степям Восточной Европы, в степях Казахстана и Средней Азии, пустынях Туркестана и Центральной Азии, вплоть до Китая, и уходят порой очень далеко на север, на границу с таежными пространствами Сибири.

Эта огромная территория азиатского материка и Восточной Европы была заселена подвижными группами охотников.

Микролитическая культура называется археологами неолитом степного типа.

Неолитические орудия степного типа в районе Киргизии были обнаружены пока еще в виде случайных находок по нижнему течению реки Аламединки и в Южной Киргизии, в районе города Ош, на горе Сулейман-Тау.

В период неолита преобладающей формой общежития являлся материнский род. Родство считалось по материнской линии. Кроме охоты, тяньшанцы занимались и собирательством; последнее было, по преимуществу, занятием женщин и подростков. При крайне низком уровне производительных сил добывание средств к жизни было доступно только всему коллективу—роду. Этот факт ярко запечатлен в наскальных изображениях. Производство носило общественный характер; продукт, который добывался коллективным трудом, считался коллективной собственностью. Частной собственности еще не существовало.

И. В. Сталин дает следующую классическую характеристику первобытно-общинного строя: «При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. . .

...Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплоатации, нет классов»[1].

Палеолит на Енисее.

Исследования советских археологов расширили сведения о палеолитических стоянках Енисейской долины. Раскопки на стоянках в районе с. Кокорева, с. Бузуновой, у Красноярска и у Афонтовой горы дают возможность судить о мощных пластах залегания палеолитической культуры на Енисее.

Здесь добыто большое количество памятников, особенно поздней стадии палеолита.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119.

В составе инвентаря енисейцев позднего палеолита намечаются изменения в сторону улучшения орудий. Возрастает количество резцов, улучшается качество ножей — продолговатых, призматических каменных пластинок, вставлявшихся в рукоятку из кости или рога, наконечники метательных копий приобретают листовидную форму. Улучшаются рубящие орудия и, наряду с прежними дисковидными ручными рубилами, появляются топоры нового типа, вставлявшиеся в рукоятку. Вместе с тем в эту пору у енисейцев сокращается применение орудий из кости и рога. Охота продолжала оставаться основной отраслью труда, но, вместо охоты на мамонта, стала развиваться охота на лошадь, оленя, быка, косулю, зайцев и куропаток.

Неолит на Енисее.

Много сотен тысяч лет длился древнекаменный век на территории Енисейской долины. Постепенно енисейцы совершенствовали орудия труда, тщательно отделывали их, шлифовали. Наступила эпоха неолита; она относится по времени 3 — 10 тысяч лет до н. э.

Остатки неолитических стоянок разбросаны во многих местах Енисейской долины: с. Лепешинка, с. Богуртак, с. Батены, с. Базаиха и др.

В эту эпоху занятием енисейцев были рыбная ловля и охота на лося, косулю, дикого кабана, медведя, белку, волка и птиц. Енисейцы знали лук и стрелы, сети, искусно отшлифованные кремневые орудия, различные метательные инструменты, применяемые в охоте и рыбной ловле, капканы и ловушки, строили ловчие изгороди, куда загоняли диких зверей и убивали их для употребления в пищу. Жили тогда енисейцы мелкими матриархальными родами рыболовов-охотников.

В хозяйстве неолитических племен Енисейской долины большую роль играла женщина. Она научилась плести из волокон растений и шерсти грубые ткани, изготовляла глиняную посуду, занималась собиранием кореньев и плодов диких растений, вела домашнее хозяйство, растила детей. Браки внутри рода запрещались, дети оставались при матери, что еще более возвышало роль женщины в обществе.

На отдельных камнях и скалах Енисея древние обитатели края оставили нам многочисленные выгравированные сцены первобытной охоты, одиночные фигуры животных, людей и т. д.

Наскальные изображения Енисея характеризуют в какой-то мере быт, мировоззрение и формы общежития древних обитателей края.

В конце существования неолитической культуры у поселенцев Тянь-Шаня и Енисея появляется скотоводство, игравшее больше подсобную роль в хозяйстве. Этот период был уже связан с раз-

ложением матриархально-родового строя и с появлением патриархального рода.

Генезис древнекиргизских племен уходит ко времени становления пастушеского скотоводства на Енисее. Когда же складывают эти племена пастухов?

Генезис пастушеского скотоводства на территории Южной Сибирьи.

Памятники неолитической культуры на Енисее во II тысячелетии до н. э. начинают сменяться орудиями, сделанными из меди и бронзы. Наиболее ранние памятники бронзы относятся к так называемой Афанасьевской культуре (название дано по первой находке в могильнике у Афанасьевской горы, около села Батени на Енисее).

Афанасьевцы жили небольшими группами относительно оседло. Вокруг их немноголюдных поселений было обилие зверя, на которого они охотились. На местах стоянок афанасьевцев археологи вскрывают вырытые в земле постоянные жилища с бревенчатыми потолками, в центре таких жилищ находился примитивный очаг.

Наряду с охотой, афанасьевцы занимались рыболовством и разведением скота. Находки в землянках и могильниках этой эпохи костей домашних овец, быков и лошадей наглядно об этом свидетельствуют. Охота составляла все же господствующую отрасль производства; возникавшее скотоводство являлось подсобным занятием, и, несомненно, домашний скот представлял собой не что иное, как «живой запас мяса».

Общественные отношения афанасьевцев оставались еще в стадии материнского рода, но уже с ярко выраженными моментами его упадка.

В могильниках той эпохи археологи находят раковины моллюска, которые служили в качестве украшений. Такой моллюск обитал в Аральском море, в устье Аму-Дарьи, в водоемах Афганистана и Северной Индии. Очевидно, что на заре бронзового века уже устанавливались связи Минусинской котловины с далеким юго-западом и югом. Общения между родами, возникающие на базе межродового обмена, связывали минусинские родовые группы с широким кругом племен Азиатского материка, прежде всего Казахстана и Средней Азии.

Сложение патриархального рода.

Резкий подъем в развитии культуры енисейцев произошел в последующем Андроновском этапе культуры, относящемся ко второй половине второго тысячелетия до н. э. Как бы используя проторенную их предшественниками дорогу на юго-запад, андроновцы расселялись на обширных степных пространствах от Енисея до Южного Урала.

Андроновская культура, доходившая на юге до Ташкента, охватившая, кроме Минусинского края, Северный Казахстан и Алтай, получила свое название по раскопанному археологами мо-

гильнику около деревни Андроново, Минусинского края. Если в Афанасьевскую эпоху скотоводство существовало еще в зачаточных формах, то в Андроновском периоде оно стало господствующим занятием населения, причем применялись заготовки корма для скота на зимнее время. Охота же и рыболовство превратились в подсобные занятия. Коровы, овцы, лошади составляли основное богатство этих пастухов.

Широкое разведение крупного рогатого скота требовало от андроновцев относительной оседлости, сочетавшейся с пастушескими передвижениями, которые обеспечивали кормом овец и лошадей. Стоянки андроновцев отразили и следы перехода от усложненного собирательства к примитивному земледелию. Но земледелие у андроновцев было развито крайне слабо.

Скотоводы Андроновского времени отделились от той массы племен Сибири, которые пошли по пути развития земледелия.

Важнейшим материалом для изготовления орудий в Андроновскую эпоху являлась бронза. Она служила не только для изготовления предметов труда и оружия, из нее выделывались бусы, браслеты, подвески и другие украшения.

Памятники Андроновского времени свидетельствуют о том, что на смену материнскому роду пришла патриархальная семья, во главе которой стоял мужчина — патриарх, владелец скота и имущества, неограниченный владыка в своей семье.

Андроновская культура, как было указано, получила исключительно большое распространение. Сходство, которое обнаруживается между памятниками эпохи бронзы верхнего Енисея, Алтая и Семиречья с Тянь-Шанем, свидетельствует о том, что культурные связи того времени были не случайными, как в предшествующую эпоху, а постоянными, что все области Минусинского края, Алтая и Семиречья следует рассматривать не как независимые, отдельные образования, а как части единой, основанной на сходстве хозяйства и социального строя.

Зарождение кочевого скотоводства и укрепление патриархальной семьи.

На пути дальнейшего развития племен Южной Сибири стоял важный этап, который закончил собой эпоху бронзы и открыл эпоху возникновения железных орудий. Это была Карасукская эпоха бронзы (1200 — 800 лет до н. э.).

В Карасукскую эпоху в развитии скотоводства наблюдаются два новых чрезвычайно важных явления.

Во-первых, в отличие от афанасьевцев и андроновцев, человек этой эпохи научился получать от животных молоко. Наряду со скотоводством, являвшимся живым запасом мяса, возникало молочное скотоводство. Очевидно, что возникновение молочного скотоводства было обязано женщине, которая скорее всего могла

прийти к мысли о доении коров по аналогии с кормлением ребенка грудью.

Стадо распалось на две части: коровы стали источником молока, овцы — источником мяса и шерсти.

Основным мужским занятием стало овцеводство. Хозяйственная деятельность женщины усложнилась: на ней лежало не только домашнее хозяйство, но и ведение молочного скотоводства. В Карасукскую эпоху широкое развитие получило кочевое скотоводство. В поисках новых пастбищ карасукцы кочевали по огромным пространствам Минусинских степей. Пространство эксплуатируемых пастбищ расширялось за счет ковыльных степей, которые стали так же доступными, как и заливные луга рек, в связи с неприхотливостью овец.

Во-вторых, происходили изменения и в имущественных отношениях. Все более укреплялась власть мужчины. Его богатства стали передаваться по наследству. Собственность на средства и орудия производства из родовой стала превращаться в первую форму частной собственности — в семейную. Об этом достаточно ясно свидетельствуют клейма, знаки собственности—тамги, говорящие не только о принадлежности семье скота, но и других вещей, например, оружия.

Но родовая организация сохранилась. Она обеспечивала охрану старых и завоевание новых пастбищ. Старейшины рода пользовались особыми почестями. В могильниках этих патриархов археологи находят большое количество украшений и других предметов, подчеркивающих их выдающуюся роль по сравнению с остальными сородичами.

Эпоха бронзы на Тянь-Шане.

Для второго тысячелетия до нашей эры отмечены памятники эпохи бронзы и племен Северной Киргизии. Об этом свидетельствуют многочисленные находки орудий труда, сделанных из бронзы. Они принадлежали пастухам-скотоводам, занимавшим предгорья Тянь-Шаня. Эти скотоводы в зависимости от времени года перекочевывали по «вертикали», т. е. от стоянок, расположенных по берегам горных рек и речушек, берущих начало от подпочвенных вод и ключей, вверх на альпийские луга высокогорных долин. Богатство травянистой растительности по берегам рек давало обильный корм скоту. В болотистых местах водилось много водоплавающей дичи, а небольшие водоемы доставляли рыбу. Высокие горные пастбища обеспечивали летний прокорм скота. Основным типом жилища были, очевидно, наземные шалаши. Немногочисленность остатков таких жилищ в одном месте свидетельствует о том, что обитатели Тянь-Шаня расселялись тогда сравнительно небольшими группами. Богатство травянистой растительности в этих местах позволяло не только держать скот на подножном корму, но и заготовлять сено впрок.

Трава скашивалась широкими серпами, в большом количестве находимыми во время раскопок. Для рыболовства применялись примитивно сделанные крючки. Орудиями охоты служили ножи, пращи, топоры, копья и луки со стрелами. Металлы, необходимые для получения бронзы,—медь и олово—привозили, вероятно, сюда из Восточного Казахстана. Бронзовые орудия изготовлялись на месте, о чем, с несомненностью, говорят находки литейных форм.

В большом обиходе были здесь изделия из камня, прежде всего различного вида терки для обработки растительной пищи. Быть может, эти орудия труда (серпы, зернотерки) свидетельствуют о земледелии.

Окончательно судить о наличии земледелия в эту эпоху трудно, ибо ручные жернова могли служить и для растирания дикорастущих злаков, кореньев и плодов.

Сравнительно совершенное гончарство, несмотря на еще низкую температуру обжига, породило серию различных изделий из глины, прежде всего сосудов, которые по своей внешней форме и орнаменту напоминают такие же сосуды Андроновской культуры в Казахстане, на Алтае и Енисее. Глиняная посуда производилась путем лепки; гончарного станка человек еще не знал.

Наибольшую ценность, несомненно, представляли орудия, сделанные из бронзы, поэтому в Северной Киргизии, да и в Семиречье, в целом, известны находки кладов этих вещей.

Памятники эпохи бронзы в Киргизии обнаружены повсеместно, в частности, в высокогорной долине Арпа, на высоте 3000 м над уровнем моря. Но основные очаги бронзы обнаружены в Чуйской долине. Наиболее ярко здесь представлены памятники андроновского и карасукского типов, близкие по своему характеру соответствующим памятникам Казахстана. Это позволяет говорить о том, что в пределах казахстанского очага бронзовой культуры существовал его северо-киргизский вариант. Немногочисленность памятников эпохи бронзы в Южной Киргизии свидетельствует о том, что ведущей отраслью производства здесь было земледелие, а не скотоводство.

§ 2. ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Сакский племенной союз.

Появление железа вызвало целую революцию в экономике и вслед за этим в социальном строе древнейшего населения Азии.

К VII в. до н. э. железо начинает распространяться по всей территории Средней Азии, включая Семиречье. С распространением железа связано формирование племенных союзов, в том числе племен саков.

Восточная часть скифов называлась вообще саками.

Саки — это скифы, жившие за Яксартом (Сыр-Дарья), так единогласно повествуют античные авторы. Саки были известны и китайцам под именем «сэ». Саки были частью скифской группы племен.

В свою очередь, саки амюргийские делились на две ясно выраженные группы: на группу прияксартских и ферганских саков, которые жили по преимуществу оседло, и группу тяньшанских саков — пастухов-скотоводов, непосредственных продолжателей той культуры, которая здесь получила развитие еще в эпоху бронзы. На юге Киргизии из сакских племен известны племена аристеи (подгорные долины Туркестанского хребта) и кумеды (долины Чон Алая). На барельефах одного из ахеменидских царей Персии сохранилось изображение сака в полном вооружении. Сак изображен в остроконечной шапке из войлока, в длиннополом кафтане и в свободных шароварах, заправленных в мягкую обувь, вооруженный луком со стрелами, коротким мечом и секирой. Саки были искусными наездниками. Седла, которыми они пользовались, не имели ни твердой основы, ни стремян, а представляли собой лишь мягкие, набитые волосом и шерстью подушки.

Легкий лук небольшого размера был грозным оружием в руках такого всадника.

Саки составляли сильный в военном отношении племенной союз. Воинственность саков, их храбрость высоко ценились царями Персии. Быстрота передвижения, неустрашимость в бою были причиной того, что ахеменидские цари стремились привлечь их в ряды своих войск. Еще в VI в. до н. э. саки успешно отразили походы персидских царей, в частности Дария I. Только во втором своем походе, как повествует бехистунская надпись, Дарию удалось покорить саков, и то не тяньшанских, а, скорее всего, прияксартских, то есть тех, которые были связаны с оседлостью. Вряд ли Дарий мог получить 15 тысяч талантов серебра с кочевников, которые каждую минуту могли уйти в неприступные горы. Естественнее полагать, что только прияксартские саки были подчинены Дарию и платили ему дань. Известно, что саки участвовали в греко-персидских войнах V века, в частности, во время Марафонского сражения в 490 г. до н. э. и в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э.

Сакские племена были силой, которую не удалось сломить и Александру Македонскому. Завоевав владения древней Персии, проникнув в Индию и покорив оседлые народы Средней Азии (главным образом Согда), Александр Македонский вышел к берегам реки Сыр-Дарьи, видимо, в районе Ходжента (Ленинабада), где основал город Александрию Крайнюю (329 г. до н. э.). Но его попытки покорить саков не увенчались успехами. Всего

80 стадий (около 15 км) на восток от Сыр-Дарьи прошел великий завоеватель и вынужден был повернуть обратно.

Он не только не причинил вреда сакам, но сам с трудом сохранил боеспособность своей армии. Тянь-Шань под защитой саков оказался неприступным для этого завоевателя мира. Сила сакских племен заключалась не только в том, что они были искусными, хорошо вооруженными воинами, но и в большой сплоченности, обусловленной господством патриархально-родового строя.

На территории Согда (бассейн р. Заравшан) к приходу Александра Македонского уже широко было распространено рабство, здесь классовые противоречия способствовали уменьшению силы сопротивления. Поэтому Александр Македонский со своей грозной армией сравнительно легко мог покорить согдийцев. Но на Тянь-Шане среди сакских племен классовые различия еще не успели разложить сплоченность первобытной общины. Поэтому для Александра Македонского Тянь-Шань оказался неприступным.

В сакском племенном союзе господствовали патриархальные отношения, но большим почетом пользовалась и женщина. Так, например, древние авторы указывают, что в битве саков с мидянами участвовала царевна Зарина, женщина воинственная; не раз она была ранена в бою. Другая женщина, Спаретра, жена одного из сакских вождей — Аморга, взятого в плен персами, возглавляла многочисленное войско, где воинами были женщины, и освободила мужа из персидского плена. Высокое положение женщины в сакском обществе свидетельствует о том, что пережитки матриархата были еще достаточно сильны в это время.

Культура саков. В соответствии с социальным строем саков находились и их идеологические воззрения.

Саки поклонялись огню, поддерживаемому в специальных жертвенниках и светильниках. Почитание огня и ритуал, с ним связанный, являются одной из характерных черт культуры тяньшанских саков. Обнаруженное на территории Семиречья большое количество жертвенников в виде четырехугольных столов на ножках, напоминающих по форме лапы хищных животных, и вместе с такими столами светильников на высоких ажурных подставках и котлов на конусовидных ножках для изготовления культовой трапезы — свидетельствует о разработанном культе огня. Все эти предметы, как правило, богато украшались изображениями животных либо в плавно шествующих процессах по бордюру стола или светильника, либо в сценах борьбы. Эти бронзовые скульптуры, сделанные с исключительным мастерством, реалистически выполненные, насыщенные экспрессией в движениях, составляют замечательное явление с точки зрения развития искусства вообще. Изображения животных на культовых предметах — это, несомненно, тотемы, призванные оберегать

священный огонь, а изображение борьбы, по всей вероятности, символизировало борьбу доброго и злого начал. Эта идея легла впоследствии в основу зороастрийской религии, возникновение которой, согласно современным изысканиям, произошло на территории Средней Азии.

Находки памятников сакской культуры на территории Киргизии встречаются повсеместно. Такие памятники известны в Чуйской долине, на Иссык-Куле, на Тянь-Шане. Отдельные вещи происходят из Южной Киргизии. Наряду с памятниками саков тяньшанского происхождения, в Алае и Чон Алае известны памятники местных племен пастухов-скотоводов (Кызыл-Курган, Шарт, Дараут-Курган), культура которых находилась под сильным воздействием оседлой земледельческой Ферганы. Нередко вещи саков делались из бронзы. Так, из бронзы изготовлялись маленькие втульчатые наконечники стрел и копий, пластинчатые ножи и украшения, в которых изобиловали изображения зверей.

Посуда саков повторяла формы сосудов эпохи поздней бронзы. Преобладающей формой сосудов саков, как и более поздних усуней, была посуда с круглым дном, удобная для использования на полевом очаге. И ныне кочевники предпочитают круглодонную посуду плоскодонной.

В культуре саков Тянь-Шаня наблюдается целый ряд черт, которые, с одной стороны, характеризуют своеобразие культуры этого периода, а с другой — указывают на широкие связи между племенами юга Киргизии и Тянь-Шаня. Так, например, распространенные у саков изображения быка-яка и по сюжету и по стилю характерны для памятников южных и северных районов современной Киргизии.

Весьма отчетливо для этого времени выступает связь саков с южносибирскими, с алтайскими и племенами долины Иртыша.

К III в. до н. э. сакский племенной союз стал приходить в упадок. Рост материального производства и накопление богатства в результате частых войн в условиях господства частной семейной собственности приводили к неравномерному распределению накопленных сокровищ. Родовая аристократия в силу богатства и военного положения узурпировала власть, а вместе с ней и политические права. Все это подорвало основы первобытно-общинного строя, что ослабило боеспособность сакских племен. И когда в конце III в. на территории Центральной Азии сложился мощный племенной гуннский союз, направивший свой удар на запад, в сторону Тянь-Шаня, когда несколько позднее целый ряд других кочевых племенных союзов проник на территорию Тянь-Шаня, то высоко организованной силе этих кочевников саки уже не могли оказать достаточного сопротивления. Сакский племенной союз распался под ударами центральноазиатских кочевых пле-

менных союзов. Но часть племен, входивших в его состав, образовала новый племенной союз. Преемниками саков на Тянь-Шане являлись усуни. Усунский племенной союз завершает историю первобытно-общинных отношений на Тянь-Шане.

„Скифский" период на Енисее. Тагарская культура.

Технические достижения, которые были завоеваны человеком во втором или в начале первого тысячелетия до нашей эры, были присущи и скифской культуре на Енисее, датируемой VII — III вв. до н. э. Культура этого времени называется археологами Минусинской или Тагарской.

Скотоводство в сочетании с земледелием получило в то время свое дальнейшее развитие. Развитию земледелия способствовали прекрасные земли по поймам рек. Кроме того, было распространено и рыболовство. Население Минусинского края этой эпохи было полуоседлым. Тагарцы жили в жилищах, сделанных из бревен, причем форма этих жилищ напоминала собой кибитку. Коническая, шалашеобразная крыша с отверстием над очагом для выхода дыма опиралась на рубленые стены из бревен. Изображения этих жилищ так же, как и многие другие детали бытового характера, воспроизведены в одном из больших наскальных рисунков, известных науке под названием «Боярская писаница».

На основании этих изображений, подтверждающихся находками в могильниках, можно указать на целый ряд новых явлений, не известных предшествующей эпохе. Так, например, наскальное изображение человека с мотыгой и самые мотыги, находимые при раскопках, свидетельствуют о земледельческой культуре, по всей вероятности, еще огородного типа. Прямых данных о возникновении плужного земледелия для этой эпохи еще нет. Сохранились изображения всадника, верблюда и быка в упряжке. В одной писанице изображен бык, запряженный в четырехколесную арбу.

Наряду со скотоводством и земледелием, в экономике тагарцев большое место занимала охота. На «Боярской писанице» имеется изображение индивидуальной, а также коллективной, облавной охоты загонами на оленя. Такой тип охоты известен у ряда народов. Наличие облавной охоты свидетельствует о пережитках родового быта. Однако в Тагарскую эпоху процесс имущественного расслоения общества заметно углубился.

Для этого времени уже можно говорить о значительных успехах домашнего ремесла. Развитие домашнего ремесла подтверждается обильными находками украшений, орудий труда, относительно стандартными формами их, находками большого количества литейных форм и клейм мастеров. Для Тагарской культуры характерными являются и различные по форме могильные насыпи и неоднородный могильный инвентарь, что свидетельствует о различиях в социальном положении членов общества.

Особенно к концу этой эпохи — к III в. — наблюдается резкое обособление курганов знати от погребений рядовых членов племен.

Тагарская культура, несмотря на сравнительно короткий срок существования (VII—III в. *до н. э.*), делится археологами на три стадии, причем, как в пределах каждой стадии, так и в последовательно сменяющих друг друга стадиях особенно ярко сказывается развитие имущественного неравенства внутри племен. В конце Тагарской культуры в могильниках обнаружены интересные ритуальные захоронения, свидетельствующие о явно выраженном культе предков. Здесь были найдены гипсовые маски, накладываемые на лица погребенных и подчеркивавшие некоторое портретное сходство. Несомненно, что этот обычай связан с попытками увековечить личность погребенного. А тот факт, что маски имели лишь частичное распространение (археологи находят их только в богатых могилах), свидетельствует о далеко зашедшем имущественном неравенстве в обществе тагарцев. Характерно нахождение в тагарских могильниках большого количества миниатюрных вещей, которые заменяли собой подлинные вещи, принадлежавшие покойному. Специальное изготовление погребального инвентаря говорит о том, что личные сокровища умершего, очевидно, передавались уже по наследству. Для того же, чтобы обычай сопровождать умершего в загробный мир необходимым инвентарем, не был нарушен, в могилы клали эти миниатюрные, специально для погребения изготовленные, вещи. Наличие наследования имущества свидетельствует о разложении первобытно-общинного строя.

В области идеологической, наряду с укреплением культа предков, продолжали развиваться и те представления, которые наблюдались в период карасукской культуры. Несомненно, что развитие звериного стиля, который в эту эпоху достигает своего наибольшего расцвета, было связано с теми же тотемическими представлениями и с культово-магическими функциями, которые были отмечены и для эпохи Карасука.

Звериный стиль Минусинской эпохи — выдающееся явление в истории искусства древнего общества. Исследователями неоднократно подчеркивалось, что реалистический характер звериного стиля Минусинской культуры представляет собой непревзойденные образцы, а порой шедевры того широко распространенного стиля Азии и Восточной Европы, который называется скифским.

Есть основания полагать, что тагарцы назывались динлинами. Они принадлежали к группе племен, которые были высокого роста, имели светлую окраску кожи, волос, глаз, узкое лицо и длинный череп с выступающим переносьем, т. е. напоминали древних поселенцев Европы. Это подтверждается не только остатками скелетов человека той поры,

но и масками-слепками, которые до нас дошли. На этих масках, помимо отпечатка контуров лица покойного, сохранились и остатки раскраски, которая позволяет судить о цвете кожи тагарцев. Маски сохранили и следы татуировки.

Богатства тагарцев не могли не привлечь внимания находящихся рядом кочевников Центральной Азии. Население Енисея все чаще и чаще к концу Тагарской эпохи подвергалось их разрушительным набегам.

Культура Таштык и Чаатас.

Тагарскую культуру сменила культура переходного типа, так называемая Таштык (II в. до н. э. — II в. н. э.), на смену которой пришла культура ранних чаатасов (II — V вв. н. э.). В это время продолжало развиваться имущественное неравенство, значительные успехи сделало земледелие, и уже с полной достоверностью можно говорить о возделывании проса и ячменя.

В то же самое время находки памятников этой эпохи свидетельствуют о существенном отличии культуры II—V вв. н. э. от Минусинской культуры VII — III вв. до н. э.

Эти изменения были связаны с вторжением в эти районы центральноазиатских племен, сначала гуннов, а затем сяньби.

Формирование этнического типа киргизских племен.

Гуннский племенной союз в древности кочевал в Китае к северу от Желтой реки. Его образование привело к окончательному разделению кочевников и земледельцев на территории Центральной Азии.

Политические и военные силы, которыми обладал гуннский племенной союз в пору своего формирования (III. в. до н. э.), были направлены на завоевание обширных пространств. Это было связано с ростом производительных сил кочевого общества, увеличением населения, умножением стад. Старые районы кочевий уже не могли удовлетворять потребностей хозяйства. Отсюда стремление захватить новые пастбища, в которых была заинтересована не только родо-племенная знать, но и широкие массы кочевников-скотоводов. Не только Китай, с которым гунны вели бесконечные войны, но Восточный Туркестан, Минусинский край и Сибирь подвергались их нападению. Активные военные действия, накопление огромного количества сокровищ способствовали развитию классовой дифференциации гуннов. Рабство в гуннском племенном союзе было не исключением, а правилом. Гуннский князь, шаньюй, был тесно связан с китайским двором, получая от него богатую дань и личные подарки. Одновременно развивались и усугублялись социальные противоречия.

В середине I-го в. до н. э. гунны раскололись на две части: одна часть под предводительством шаньюйя Хуханье ушла в Китай, другая часть, во главе с братом Хуханье Чжи-чжи-шаньюем, откочевала на север. Кочевья Чжи-чжи неоднократно подвергались нападению со стороны китайских войск. Сравнительно

незначительные силы Чжи-чжи не позволяли ему начать активные действия против Китая. И Чжи-чжи откочевал на север. Он утвердил свою ставку среди племен Енисея в Минусинском крае. Гуннские племена вошли составной органической частью в местные племенные образования.

Поздние маски Чаатаса говорят о том, что Минусинский край был в то время населен племенами, по своим антропологическим признакам напоминающими уже не европеоидные племена, а монголов. *Это являлось прямым следствием вторжения сюда гуннских* племен. Уже Модэ-шаньюй, гуннский предводитель, между 209 — 201 гг. до н. э., проникал в эти области. В начале 1-го в. н. э. гунны, если верить китайским источникам, владели этой страной. А в 80-х годах н. э. Минусинскую котловину завоевал предводитель сяньбийцев Таншихуай. Вторжение гуннов и сяньбийцев отразили археологические памятники типа Таштык и Чаатас.

Результатом систематического скрещивания динлин с гуннами и сяньби явилось появление на окраинах огромного динлинского союза новой группы племен, известных в китайских источниках под именем гэ-гунь или цзянь-кунь. Эта новая группа племен *явилась прямым наследником культуры древних племен* Енисея, обогащенной теперь культурой завоевателей. Новые племена впоследствии стали называться киргизами и образовали один из важнейших компонентов будущей киргизской народности.

Когда Чжи-чжи в 49 г. до н. э. продолжал свое движение через Алтай и Семиречье на территорию Тянь-Шаня, и главным образом в Таласскую долину, то в составе его орд находились и киргизские племена.

С этого времени можно говорить о двух ветвях киргизских племен: енисейской и тяньшанской.

Однако роль гуннского племенного союза не исчерпывается только этим фактом: через посредство гуннов Енисей и Тянь-Шань оказывались в той или иной мере исторически связанными территориями.

В 81 г. н. э. гунны были разбиты сяньбийцами и вошли в состав нового мощного кочевого образования Центральной Азии — сяньбийского союза, состоящего, вероятно, из тюркоязычных племен. К югу от оз. Балхаш, в результате нового притока гуннских племен, гуннам удалось образовать под именем юебань новый племенной союз, но уже местного значения. На Тянь-Шане господство продолжало оставаться в руках гуннов.

Таким образом, в пределах одного и того же времени на территории Енисея и Тянь-Шаня происходит процесс распадения первобытно-общинного строя в результате как внутреннего развития, так и воздействия других кочевых образований Центральной Азии (гуннов и сяньби).

В то же время происходило изменение расового облика населения Енисея и Тянь-Шаня (преобладание монголоидных черт) и, с другой стороны, в области развития речи, победа тюркского языка. К тюркоязычным племенам принадлежали и киргизские племена.

Образование как новой этнической группы, так и победа тюркского языка происходили не путем гармонического слияния динлинских и гуннских элементов, а путем поглощения более сильной группой менее сильной. Этот процесс, осуществлявшийся в ожесточенной межплеменной борьбе, привел к подавлению динлинских элементов как в антропологическом, так и языковом отношениях монголоидными элементами. Антропологический тип киргизов и киргизский язык оказывались ближе к гуннским элементам, чем динлинским.

Усуньский племенной союз.

Племена усуней делились на две части: на усуней притяньшанских и усуней Восточного Туркестана, Ферганы и Алая. Воссоединение этих групп обеспечило завоевание усунями господства на Тянь-Шане и создание к III в. до н. э. усуньского племенного союза.

Подробные сведения об усуньском союзе сообщил китайский историк, эмиссар и путешественник Чжань-цянь. Он рассказывает, что усуни граничили на востоке с гуннами, на западе—с государством Давань (т. е. Ферганой), на юге — с оседлым населением Восточного Туркестана, на северо-западе — с мощным кочевым союзом Кангюй, занимавшим территорию от Ташкентского оазиса до Хорезма.

Усуни были типичными кочевниками.

«Усуни не занимаются ни земледелием, ни скотоводством (имеется в виду стойловое скотоводство), а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде, в обычаях одинаковы с гуннами».

Богатство усуней исчислялось прежде всего количеством лошадей. Китайцы отмечали, что богатые семьи усуней имели до 4—5 тыс. лошадей. Это свидетельство указывает на далеко зашедшее имущественное неравенство в обществе усуней. Имущественное расслоение подтверждается также разнообразием могильных сооружений и инвентаря, находимого археологами в захоронениях усуней. Владение большим количеством скота порождало стремление родо-племенной знати к захвату общинных земельных угодий. Так, китайские источники сообщают, что один из вождей усуней, по имени Цилими, установил межи своим владениям.

Усуни знали и оседлость. Однако она отмечается только для зимовок и для ставок владыки, который именовался у них гуньмо.

На берегу оз. Иссык-Куль, недалеко от современного Прже-

вальска (очевидно, в районе Чон-Кызылсу), находилась столица усуней, известная под китайским названием Чи-Гу (буквально: «Красная долина»). Здесь было местопребывание усуньского гуньмо, а также его жен — китайских царевен и их многочисленной свиты, в состав которой входили не только личные слуги, но и ремесленники, изготовлявшие всевозможные предметы в стиле китайских мастеров.

На вооружении усуней находились тяжелые, покрытые костяными пластинками луки так называемого «сарматского» типа и стрелы с массивными железными наконечниками, укрепленными на длинных черенках. Бой на конях вызвал к жизни и длинные мечи. Новое вооружение пришло на смену прежней военной технике, существовавшей на рубеже н. э., легкому луку и миниатюрным бронзовым наконечникам стрел.

Улучшилась и техника гончарства. Хотя сосуды еще лепились от руки, но теперь они имели правильную форму, так как лепка производилась на своеобразных манекенах, сделанных из ткани и набитых внутри песком. Ткани усуни производили по преимуществу из шерсти.

На местах зимовок воздвигались жилища. Наряду с войлочными кибитками, были и деревянные жилища, срубленные из арчи и тяньшанской ели.

Развитие имущественного неравенства порождало передачу по наследству не только сокровищ, но и власти. Хотя, как отмечали китайцы, у усуней сохранились военно-демократические традиции, все же право выбирать предводителя постепенно исчезало. Передача власти по наследству не могла не вызвать борьбы между отдельными родами и племенами. Эта борьба привела усуньский племенной союз к расколу, и уже в первом веке нашей эры источники говорят о трех ордах усуней, пользовавшихся сравнительной автономией.

Усуньское общество находилось на стадии разложения первобытно-общинного строя. Но рабство не стало основой общественного устройства усуней. Оно не могло получить широкого развития потому, что кочевое скотоводство не позволяло широко использовать труд рабов.

Усуни поддерживали тесные взаимоотношения с Китаем, в чем прежде всего были заинтересованы сами китайцы. В целях установления с усунями союза «на основе мира и родства» китайские императоры с большой охотой выдавали за гуньмо своих царевен.

Для усиления своего международного влияния китайское правительство вступало с усунями в союзные отношения. Так, например, китайцы воспользовались военным конфликтом между гуннами и усунями в 70-х годах до н. э. и, оказав помощь усуням, нанесли гуннам сильное поражение. Огромная

добыча, полученная усунями при разгроме гуннов, в основном попала в руки родовой аристократии, что вызвало недовольство со стороны рядовых кочевников.

Но усуни находились не только под сильным воздействием Китая, они активно соприкасались и со своими западными соседями, прежде всего с Греко-Бактрийским царством[1].

Связи усуней с Греко-Бактрийским царством подтверждаются находками вещей греко-бактрийского происхождения. Так, например, были найдены золотые бляшки с изображением Сатира и Медузы. Несомненно, что культурные связи усуней распространились и на племена Алая, Ферганы и Ташкентского оазиса. Археологические памятники свидетельствуют о родственности культуры этих племен с культурой усуней. Особенно это родство обнаруживается с памятниками Ферганы. Памятники, близкие к усунским, обнаружены и в Ташкентском оазисе, по Сыр-Дарье до гор Кара-Тау.

Падение усуньского племенного союза.

Вторжение на Тянь-Шань северных гуннов под предводительством Чжи-чжи-шаньюя в I в. до н. э. уничтожило политическую самостоятельность усуней. Памятником этого проникновения гуннов, равно как и последующих вторжений на Тянь-Шане в I в. н. э., является открытие в Таласской долине могильника, вошедшего в научную литературу под названием «Кенкольского». Могильник этот расположен недалеко от слияния р. Талас с ее правым притоком Кенкол. Здесь, в вырубленных в лёссе катакомбах, были обнаружены погребения гуннов-воинов, рядом с которыми хорошо сохранился их бытовой и военный инвентарь. Аналогичные погребения известны теперь и на Тянь-Шане, на перевале Кыз-Арт, в долине Нарына, Арпы, на Иссык-Куле, а кроме того, на юге Киргизии, в Фергане и Чон-Алае (Мааша Кургак и т. п.).

Отличительной чертой захоронений в кенкольском и арпинском могильниках и могилах Чон-Алая является искусственная деформация черепов путем накладывания с момента рождения ребенка кольцевой повязки на лоб, виски и затылок, придававшей голове вытянутую форму. Деформация черепа преследовала цель подчеркнуть отличие завоевателей от массы завоеванных народов. Таким путем гунны подчеркивали свое отличие от местного населения — усуней.

О том, что усуни нередко попадали в положение рабов, наглядно свидетельствует тот факт, что, когда хоронили гуннских вождей, усуней связывали по рукам и ногам и убивали, а трупы бросали в насыпи кургана или у входа в катакомбы, где обнаруживаются их костяки при археологических раскопках. Несом-

---

[1] Греко-Бактрийское царство образовалось в 250 г. до н. э. из среднеазиатских провинций — Согдианы и Бактрии государства Селевкидов.

ненно, что гунны со времени Чжи-чжи-шаньюя считались хозяевами на Тянь-Шане.

Активная деятельность Чжи-чжи-шаньюя вызывала опасения китайских императоров, боявшихся, чтобы он не создал против Китая мощной коалиции, способной разрушить китайское государство. Поэтому в 36 г. до н. э. против Чжи-чжи-шаньюя была отправлена китайская военная экспедиция под руководством двух выдающихся военачальников. Эти полководцы выполнили возложенное на них поручение, и в том же 36 г. голова Чжи-чжи-шаньюя была привезена в Китай. Однако убийство Чжи-чжи-шаньюя не лишило гуннов политической власти на Тянь-Шане. На юге Киргизии, судя по памятникам Чон-Алая, гунны продолжали обитать до III—IV вв. н. э.

Пришедшие на Тянь-Шань вместе с гуннами киргизские племена Енисея столкнулись здесь с новой для них культурой усуней. Киргизы не заняли на Тянь-Шане господствующего положения, господство принадлежало гуннам, но их быт, культура стали органически связываться с элементами культуры местных племен. Но и эти племена не оставались неизменными. Их культура и самый антропологический тип в какой-то мере испытали то самое воздействие гуннов, что испытали ранее динлинские племена Енисея. Это не было внешним влиянием гуннов, а органическое слияние неоднородных этнических элементов.

Завоевания гуннов и нашествия последующих кочевых племен сяньби, а затем жужан, вынудили усуней постепенно уступить свои земли кочевникам-пришельцам. Частично они были вытеснены в горы, где их застали китайские путешественники еще в V в. н. э. Эти осколки усуньского племенного союза, повидимому, вошли в состав позднейшего населения Казахстана, где под именем сарыуйшунь они составили одно из подразделений казахов Старшего жуза. Какая-то часть впоследствии была ассимилирована киргизами, сохранив память о своем происхождении в названии одного из киргизских племен — уйшун. Но значительная масса усуней откочевала из Тянь-Шаня в двух направлениях: через Ферганский хребет в Фергану и через Киргизский Ала-Тоо в Ташкентский оазис.

О перекочевке усуней в страну кангюйцев свидетельствуют не только археологические данные, но и сообщения китайской летописи, которая говорит, что в результате убийства гуньмо Цилими (1 в. н. э.) сто тысяч усуней выселились в страну Кангюй.

Царство Давань (Фергана).

Царство Давань, находившееся на территории Ферганы, включало в свои окраины территорию современных Ошской и Джалал-Абадской областей Киргизстана. По сообщению китайской летописи, это была страна с большим количеством крупных поселений. Фергана славилась прекрасными лошадьми и своей

высокой земледельческой культурой, в частности, виноградом и люцерной. Через Фергану, как и Тянь-Шань, проходил один из так называемых «шелковых путей» из Китая на Запад. Осуществив завоевание оазисов в Восточном Туркестане в 101 — 99 гг. до н. э., китайский император Ву-Ди организовал поход в Фергану. Особенно сильное сопротивление оказал ему город Ю, стоявший на месте современного Узгена. С большим трудом перерезав водоснабжение города, китайским войскам удалось овладеть и другим важным центром страны — городом Эрши (Мархамаусное городище).

Поставленный в качестве наместника Китая местный предатель Моцай был вскоре убит, и китайским властям не удалось установить надолго свою власть на этой территории. Вскоре давайское население было покорено племенами кушан, которые перед тем уничтожили Греко-Бактрийское царство. Фергана являлась оплотом кушанского владычества.

Проникновение на Тянь-Шань уйгуров.

В середине IV в. господство в центральноазиатских степях перешло к монгольским племенам — жужанам.

С жужанами связан разгром древних уйгуров, в результате которого одна их часть ушла вниз по р. Селенге, откочевав к Байкалу, другая была вытеснена на восток, а третья часть к концу V в. (490 г.) проследовала через Алтай и казахстанские степи далеко на запад в Восточную Европу. Эти уйгуры известны в русских летописях под именем угров. В процессе своих вынужденных передвижений часть уйгуров осела в северных районах Тянь-Шаня.

Здесь они укрепились не сразу, лишь после упорной борьбы с кебанями. С этого времени на территории северного Тянь-Шаня и Семиречья начинает побеждать джокающий диалект тюркского языка, родиной которого был, всего вероятнее, Алтай.

Согдийская колонизация Тянь-Шаня.

Ответвление «Великого шелкового пути» из Китая в Иран и далее на запад, который получил важное экономическое значение еще во II в. до н. э., проходило через Чуйскую долину в оазисы Восточного Туркестана. По трассам этого «шелкового пути» уже в IV в. н. э. возникали колонии предприимчивых купцов — жителей Согда, расположенного в междуречье Сыр- и Аму-Дарьи, главным образом по течению р. Заравшан. Эти купцы владели караван-сараями. Впоследствии здесь образовались военные поселения, охраняющие караванные пути. Постепенно из временных пришельцев согдийцы становились постоянным населением, и вокруг караван-сараев вырастали уже целые колонии, жители которых занимались, кроме торговли, земледелием и ремеслами. Согдийцы принесли сюда высокую культуру земледелия, в частности, искусственное орошение.

Развитие земледелия и организация искусственного орошения на землях, доселе не тронутых земледельческой культурой, требовали широкого использования труда рабов, доставляемых кочевниками. Эта дешевая рабочая сила и производила гигантские работы, связанные с созданием оросительной системы.

Однако приток согдийских переселенцев в VI в. был еще незначительным. Он особенно усилился в VIII в., в связи с завоеванием Средней Азии арабами. Согдийцы, зороастрийцы по вероисповсданию, не желая подчиняться мусульманской культуре завоевателей, в массовом количестве переселялись на территорию Семиречья, в долины рек Таласа и Чу, куда не проникали арабы. Здесь согдийцы получили приют среди местных тюркоязычных племен.

Итоги развития племен Киргизстана к середине VI в.

Значение бурных событий первой половины первого тысячелетия н. э. в историческом развитии Киргизстана заключалось в том, что в Тянь-Шань проникали все новые и новые племенные группы, в том числе и киргизы. Это усложнило этнический состав населения Тянь-Шаня, придало ему пестроту, причем ни одна из этнических групп не получила, повидимому, здесь преобладания — этому мешала быстрая смена завоевателей. В процессе совместной жизни различия между племенами сглаживались, что очень ярко проявилось в распространении джокающего наречия тюркского языка, который стал языком сложившейся позднее киргизской народности. Для киргизских племен этот период ознаменовался ослаблением их енисейской ветви, в связи с переселением значительной массы на Тянь-Шань.

Существенные изменения произошли и в области социально-экономического строя. Углубился процесс классовой дифференциации племен Тянь-Шаня. Правда, этот процесс задерживался сменой одних завоевателей другими. К тому же завоеватели *стояли приблизительно на той же ступени* общественного развития, что и племена Тянь-Шаня. Но это не значит, что среди племен, населявших Тянь-Шань и Семиречье, в области общественного развития не было движения вперед. Источники не *позволяют с достаточной полнотой проследить это развитие, но* его результат сказался в возникновении в VI в. первого государства кочевников — Тюркского каганата. Ясно выступают изменения, которые происходили в Семиречье в VI в. и в области хозяйства. Здесь возникли очаги земледельческой культуры, появились оседлые поселения, стали развиваться ремесла. Эти новые явления в области хозяйства были ускорены в своем развитии появлением на территории Киргизстана согдийской колонизации.

ГЛАВА II

ДОФЕОДАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЯНЬ-ШАНЕ И У ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ

§ 3. ФОРМИРОВАНИЕ ДОФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В СЕМИРЕЧЬЕ И НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Тюркский каганат. Тюркский каганат являлся государством дофеодального типа обширной совокупности тюркских племен, в состав которого вошли и киргизские племена. Это государство возникло на базе классового расслоения тюркских племен и складывалось в процессе грабительских походов, обогащавших родо-племенную знать завоевателей.

В средине VI в. тюрки Алтая подняли восстание против последнего жужанского хана Анахуаня и, свергнув владычество жужан, организовали на р. Орхон в Монголии ханскую ставку нового государства.

На западе границы тюркского каганата порой доходили до Прикаспийских степей, на востоке—соприкасались с Китаем. Енисейские киргизы подчинялись тюркскому кагану.

Основную силу тюркского каганата составляли два мощных кочевых племенных союза: тардушей и толесов. Тардуши занимали территорию между Алтаем и Когменом (очевидно, Саянами.) Областью постоянного пребывания толесов, их родиной, был Алтай. Юго-западнее племенного союза толесов располагался тардушский племенной союз, занимавший не только Джунгарию, но и часть оазисов Восточного Туркестана. Впрочем, состав и положение этих объединений менялись.

На территории Семиречья располагались два крупных союза тюркских племен. Это были: в междуречье Чу, Или пять племен нушеби, а северо-восточнее их — дулу. Кроме того, в районе Балхаша кочевали тюргеши. Западный Алтай занимали три племени карлуков.

Тюркский каганат ненадолго удержался в обрисованных широких территориальных рамках. Уже в 80-х годах VI в., т. е. через несколько десятилетий после своего возникновения, он фактически распался на две самостоятельные в значительной степени независимые части: восточнотюркский и западно-

тюркский каганаты. Центр восточнотюркского каганата, который считался господствующим, находился в Монголии, а Семиречье входило в западнотюркский каганат. Политический его центр находился в Чуйской долине, а основной областью был современный Киргизстан.

Тюркский каганат являлся слабо спаянным соединением различных племен, экономически разрозненных и враждовавших друг с другом. Его возникновение было вызвано не расширением экономических связей, а удачными завоеваниями. Такие соединения неоднократно возникали в древности, но быстро распадались. Распад тюркского каганата был ускорен распрями между различными слоями родовой аристократии, в частности, между ханским родом и родовой знатью. Эти распри возникали на почве дележа военной добычи, львиная доля которой попадала в руки каганского рода. В то же время родовая знать была недовольна ограничением ее власти, привилегиями степной аристократии — членов ханского рода. Прекрасно зная все эти внутренние противоречия, Китай в эпоху кратковременной династии Суй нанес серьезное поражение Тюркскому каганату.

При Танской династии в 630 г. Восточнотюркский каганат подпал под власть Китая. Господство Китая над тюрками продолжалось пятьдесят лет.

В результате падения Восточнотюркского каганата в 630 г. значительно усилилось политическое значение Западнотюркского каганата. И когда в 80-х годах VII в. Гудулу-каган (буквально: «счастливый») восстановил могущество Восточнотюркского каганата, ни ему, ни его преемникам, несмотря на неоднократные походы в Семиречье для захвата власти над западными тюрками, не удалось укрепить там свою власть.

Восточнотюркский каганат был вторично разбит уйгурами в 745 г.

Западнотюркский каганат и связь с ним киргизов.

Росту политического могущества Западнотюркского каганата способствовал не только разгром Восточнотюркского каганата, но и союз с Византией. Связи с Византией начали устанавливаться еще в VI в. В 569 г. в ответ на посольство западных тюрков в Константинополь византийский император направил к тюркам ответное посольство во главе с Земархом. Обсуждалась возможность военного союза в борьбе против Сассанидского Ирана. Переговоры привели к вступлению тюрок в войну с Ираном.

Связи тюркского кагана с Византией нашли отражение в археологических памятниках. На территории Семиречья, в том числе и Киргизстана, обнаружена сделанная из металла посуда, напоминающая изделия византийских мастеров. В городе Таразе найдены подражания восточноримскому солиду V в. Около г. Фрунзе найден клад вещей с клеймами, подражающими клеймам византийских мастеров, и т. д.

Но политический подъем Западнотюркского каганата был непрочным и кратковременным.

С неумолимой закономерностью подтачивались в Западнотюркском каганате остатки военно-демократического строя. Обогащение родовой знати, захват ею не только военной добычи, но и узурпация власти, с одной стороны, создали естественное недовольство среди дружин, с другой — усиливали борьбу между представителями знати. Начавшиеся междоусобные войны привели к тому, что составные части Западнотюркского каганата стали политически обособляться. Распался былой союз племен дулу и нушеби. Но рост автономии отдельных частей Западнотюркского каганата вызвал дальнейшее развитие междоусобиц, так как каждый из правителей пытался обеспечить себе больше власти. К концу VII в. правители отдельных областей вели себя, как самостоятельные владельцы. Один из них, Ибн-Дулу, по свидетельству китайцев, покорил на востоке племена киргизов и достиг значительного могущества. Однако и Ибн-Дулу недолго удерживал власть. «И с богатой добычей, — говорит китайская летопись, — он всех пленных взял себе и не уделил подчиненным». Это вызвало против него восстание. Ибн-Дулу бежал и погиб в 653 г. Китайцы не преминули воспользоваться создавшейся обстановкой и в 654 г. организовали поход против Западнотюркского каганата.

В 660 г. был предпринят второй поход. В результате этих походов Китаем были завоеваны Тянь-Шань и Семиречье. Но господство Китая было здесь сравнительно недолгим. Им же назначенный наместник в Семиречье, по имени Дучжи, происходивший из тюрков, отказался признать власть Китая и начал с ним войну. Он объявил себя правителем всех 10 племен Семиречья и заключил военный союз с племенами Тибета. Эти события произошли в 676 — 677 гг. Но возродить могущество владений 10 племен не удалось. Непрерывные войны и междоусобицы среди дулу и нушеби сильно ослабили тюрков. Об этом пишут китайцы: «С того времени десять племен больше всего ослабли». Накануне падения Западнотюркского каганата за пять лет сменилось 8 правителей. В 704 г. последний предводитель западных тюрков Ашина Синь был убит в городе Кулане (современное селение Луговое). Политическое господство в Семиречье на короткий срок перешло к тюргешам.

Государство тюргешей в Семиречье.

Тюргеши кочевали в это время в районе Прибалхашья, к северу от р. Чу. До своего выхода на территорию Киргизстана они еще не были истощены междоусобной борьбой и в большей степени, чем племена Западнотюркского каганата, сохраняли пережитки военной демократии.

В аналогичном положении находились и карлуки, жившие восточнее тюргешей, в Западном Алтае. Поэтому, когда в Запад-

нотюркском каганате политический кризис достиг наибольшей глубины и истощенные непрерывными войнами племена дулу и нушеби потеряли силу сопротивления, их ближайшие соседи—тюргеши не преминули этим воспользоваться. Уже в 90-х годах VII в. они заняли ставку западнотюркских каганов—город Суяб.

Город Суяб, который находился в долине Большого Кемина, там, где расположен ныне поселок Новороссийское, стал центром Большой орды тюргешей. Малая орда кочевала в бассейне реки Или.

Тюргеши делились на две части: сары, т. е. желтые тюргеши, и кара, т. е. черные тюргеши. Сары-тюргеши возвысились, особенно во время правления у них кагана Согэ. Его борьба с собственным братом в начале VIII в. привела сары-тюргешей к упадку. Вскоре оба брата были убиты каганом восточных тюрков, который, по свидетельству китайской хроники, сказал им: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собой, можете ли вы с совершенной преданностью служить мне?».

Кара-тюргеши избежали разгрома со стороны Восточнотюркского каганата. Они откочевали в северный Тянь-Шань, а разгром их сородичей и одновременно конкурентов, сары-тюргешей, войсками Мочжо-кагана способствовал их возвышению. Предводитель кара-тюргешей Сулу был искусным дипломатом и неплохим военачальником. Его положение усилил военный союз с Тибетом. Показателем его политического влияния является тот факт, что правители восточных тюрков и Тибета отдали ему в жены своих дочерей. Но в 738 г. против Сулу был устроен заговор, и он был убит. Причины крушения его власти были такие же, как и при крушении Западнотюркского каганата: усиление междоусобной борьбы по мере разложения военно-демократического строя тюргешей. После гибели Сулу государство тюргешей стало распадаться. Области Чу и Таласа обособились в самостоятельные владения. Ослаблением тюргешей воспользовался Китай. Ставленником Китая в борьбе с тюргешскими ханами явился Мохэ-Дагань, убийца последнего западнотюркского кагана. В 740 г. Мохэ-Дагань стал единственным владетелем всех тюргешских родов.

Но чрезмерное усиление Мохэ-Даганя не входило в расчеты китайского правительства. Китайские войска вторглись в пределы Семиречья и разрушили до основания город Суяб. Это произошло в 748 г. Захват Чуйской долины обеспечил китайским феодалам плацдарм для наступления на Среднюю Азию.

Средняя Азия к этому времени была завоевана арабами, владения которых на севере простирались до Сыр-Дарьи. В июне 751 г. на р. Талас между городами Тараз и Атлах (т. е. между современными городом Джамбулом и поселком Гродековским)

произошла знаменитая битва между арабами и китайцами, в которой китайские войска потерпели жестокое поражение.

Эта битва имела большое значение: она обеспечила на многие десятилетия господство в Средней Азии арабов и повела к упадку влияния здесь Китая. Следствием политического господства арабских феодалов явилось усиленное распространение завоевателями в Средней Азии ислама. Но не следует преувеличивать роль арабов в развитии культуры Средней Азии. Современные исследования показывают, что культура народов Средней Азии была отнюдь не ниже, чем у арабов. Наоборот, арабы разрушали ее, не сумев окончательно задушить. Среди народов Средней Азии особенно высокой являлась согдийская культура, культура древнетаджикского населения. И несмотря на вошедший в быт в качестве официального языка арабский язык и распространение ислама, среднеазиатские писатели и ученые продолжали жить и творить. Роль Киргизстана в этом отношении особенно велика, так как здесь скрывались люди, которым особо было ненавистно иго завоевателей.

После битвы на р. Талас арабы не преследовали отступавшие китайские войска. Зная большие военные достоинства тюрков Семиречья, они не рискнули вторгнуться в область Тянь-Шаня.

Потерпевшее поражение китайское войско отступило. Тюргеши были ослаблены предшествующей борьбой. Этой обстановкой воспользовались карлуки, чтобы установить свою власть над Семиречьем и Тянь-Шанем.

К 766 г. власть карлуков окончательно закрепилась в Киргизстане. Время господства карлуков явилось началом нового этапа в развитии экономики Киргизстана. При карлуках начинается формирование феодального способа производства.

Согдийцы и тюрки на Таласе и в Чуйской долине.

Те войны, которые велись в период тюркского каганата и господства тюргешей, не разрушили очагов земледельческой культуры, возникшей в Чуйской долине и Семиречье в связи с согдийской колонизацией.

Инвентарь, находимый археологами, показывает, что основная масса согдийских переселенцев на территории Семиречья состояла из беднейшей части населения Согдианы и прежде всего из ее земледельцев.

Из рассказа одного китайского путешественника, Сюань-Цзана, мы узнаем, что Чуйская долина к началу VII в. представляла собой очаг высоко развитой для того времени земледельческой культуры. Здесь, наряду с рисом, культура которого была освоена через посредство военнопленных китайцев, возделывались пшеница, ячмень, просо и прочие сельскохозяйственные культуры. Строителями городов в этих районах также были согдийцы.

При строительстве оросительных систем использовались

в первую очередь бурно текущие горные речки с большим уклоном падения. Было технически легче выводить воду из таких речек на орошаемые участки, не прибегая к большим дорогостоящим каналам для выведения воды из крупных рек, как Или, Талас или Чу. Кроме того, использование горных речек обеспечивало приближение оросительных сооружений к месту жительства колонистов.

Колонии являлись не только местом, где развивалась земледельческая культура, они были также местом концентрации и ремесел, особенно гончарного, кузнечного, резьбы по металлу.

Согдийские поселенцы Семиречья и Тянь-Шаня постепенно ассимилировались местными тюркскими племенами. Махмуд Кашгарский, писатель XI в., говоря о Чуйской долине, сообщил, что от города Баласагуна до Испиджаба (последние Сайрам, недалеко от современного города Чимкента) люди говорили на языках согдийском и турецком, нет людей, которые не знали бы турецкого языка, но многие уже забыли согдийский.

Эта ассимиляция проявлялась и в памятниках культа. Так, глиняные гробики согдийцев—астоданы, получившие в археологической литературе название оссуарий (костехранилищ), в местах коренного пребывания согдийцев — на Заравшане воспроизводили собой тип жилища оседлого типа. В Семиречье же астоданы были сделаны в виде кибиток овальной формы и фасад их, как правило, был украшен орнаментом, напоминающим собой геометрический орнамент кошм, которыми обтягивались решетки юрты. В свою очередь, отдельные элементы согдийской культуры внедрялись в быт тюрков. Так, астоданы применялись при захоронении не только согдийцев, но и тюрок.

Согдийцы принесли сюда и свое курсивное письмо, которое было использовано для тюркского письма. Так, например, согдийским курсивом на тюркском языке исполнялись надписи на сосудах, а позднее на монетах. Согдийская вязь через посредство тюрков Семиречья, а вероятнее всего, через тюргешей, широко распространилась впоследствии среди других тюркских народов и прежде всего среди уйгуров, где она известна под названием «уйгурской вязи».

Проникновение согдийцев способствовало формированию рабовладельческих отношений. Однако рабовладельческие отношения не стали здесь господствующими.

Значение Тюркского каганата и правления тюргешей в истории киргизского народа.

За время господства в Семиречье тюркских каганатов, а затем тюргешей источники не упоминают о тянышанских киргизах. Киргизские племена были разбросаны в высокогорных районах и долинах Тянь-Шаня. Они не выступали как активная политическая сила ни во время господства в Семиречье Западнотюркского каганата, ни при правлении тюргешских ханов. На

политическую арену выступили другие тюркские племена: дулу и нушеби, тюргеши, потом карлуки. Тем не менее это время очень важно в истории киргизского народа. В Семиречье влились новые этнические элементы, создавалась новая земледельческая культура, возникали оседлые поселения, по караванным путям развивалась торговля с далекими странами. Все это органически впитывалось населявшими Семиречье племенами. Пришлые колонисты и прежде всего согдийцы постепенно растворялись в местной массе тюркских племен. Многое из культурных достижений этого периода впоследствии погибло в огне новых завоеваний, но многое и осталось. Остались и носители созданной в Семиречье культуры; они потеряли значение в политической жизни, многие были уничтожены, но остатки этих ранее могущественных племен не погибли окончательно. Они рассеялись в труднодоступных районах Тянь-Шаня, многое сохранив из созданной в Семиречье культуры. Впоследствии эти племена были ассимилированы киргизами, органически вошли в киргизскую народность. Киргизы частично заимствовали культурную традицию ассимилированных ими племен. Она стала неотъемлемой принадлежностью киргизов в силу органической связи с киргизской народностью племен, создавших эту культуру. Жизнь Семиречья VI—VIII вв. — это жизнь не чуждых киргизам племен, а жизнь племен, из которых образовалась впоследствии киргизская народность. Существенным моментом в жизни Семиречья явилось новое значительное проникновение сюда киргизских племен. Об этом говорят находки типично киргизского письма в Восточном Казахстане: руническое письмо на китайских зеркалах, надпись на деревянной палочке и т. д., а особенно надгробные надписи на валунах с той же характерной особенностью киргизского письма, найденные в верховьях реки Таласа, около гор Таласского Ала-Тоо. Проникновение киргизских племен на территорию Киргизстана подтверждается также тем, что в генеалогии владык енисейских киргизов упоминаются их родственники из племен тюргешей и карлуков, как известно, живших на территории Киргизстана.

Все приведенные данные говорят об очень широком распространении киргизских племен на Тянь-Шане. Поэтому не случайно, что в вещах, принадлежавших кочевникам Семиречья, мы наблюдаем, наряду с алтайскими следами культуры, ярко выраженные енисейские.

§ 4. ФОРМИРОВАНИЕ ДОФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ЕНИСЕЕ

Енисейские киргизы и их соседи.

Если исторические источники молчат о жизни тяньшанской ветви киргизских племен в VI — VIII вв., то история енисейских племен этого времени нашла в них достаточно полное отражение. Это был период политического и культурного подъема в жизни киргизских племен. Культура киргизов того

времени стояла в ряду с высокими культурами других народов, не уступая в отдельных своих проявлениях достижениям крупнейших цивилизаций древности. Но этот период подъема во второй половине IX в. закончился резким падением политической роли киргизов на Енисее.

Для VI — IX в. общеупотребительно в китайской историографии название киргизов в форме «хакасы». Надо сказать, что китайцы употребляли это название не только в качестве имени народа, но и в качестве названия страны.

Границы страны киргизов установить чрезвычайно трудно. По данным Танской истории, «она находилась в 40 днях пути верблюдов от ставки уйгурского кагана». Ставка уйгурского кагана находилась на р. Орхон, в местечке Кошо-Цайдам, что составляет, примерно, две тысячи километров до Енисея. Возможно полагать, что ставка киргизских владык находилась, примерно, в районе впадения р. Абакан в Енисей. Путь из Уйгурии в страну киргизов преграждала страна Мума, где кочевали три тюркских племени: тубо, милигэ и эчжи. Несомненно, что племя тубо — это современные тувинцы. Восточные пределы страны киргизов подходили к Байкалу и бассейну р. Селенги, где они соприкасались с племенем гулигань или курыканами, по древнетюркским источникам жившими к северу от современного Иркутска. В районе Байкала они граничили с племенами, среди которых следует отметить племя увань (современные эвенки—тунгусы). Менее определена граница киргизов на юге. Танская история свидетельствует, что здесь они граничили с Туфанью, т. е. с Восточным Туркестаном, а юго-западными соседями киргизов были карлуки. Но так как карлуки того времени, когда китайцы писали о местоположении киргизов, занимали Семиречье, то получается, что Тянь-Шань и оазисы Восточного Туркестана были крайними западными границами киргизов. Но это показание китайского источника не совсем точно.

Северные границы киргизов вряд ли заходили дальше параллели современного Красноярска.

Очерченные границы были границами расселения киргизских племен. Границы же, в пределах которых киргизские племена играли главенствующую роль в политической жизни, возможно, охватывали лишь бассейн Енисея от оз. Косогол до современного Минусинска включительно.

Сложение первой киргизской государственности.

В конце VI в. страна киргизов считалась еще владением Восточнотюркского каганата. Так, в надписи, поставленной на могиле одного восточного тюркского кагана, указывается, что якобы на могилу основателя Тюркского каганата Тумыня приходили в качестве данников киргизы. Событие относится к 558 г. Правда, соответствующий раздел надписи несколько

легендарен. Но то же подтверждается и сообщением другого источника, указывающего, что восточнотюркский каган Кигинь покорил на севере племя цигу, т. е. киргизов. Но степень зависимости киргизов от восточнотюркских каганов, равно как и от западных тюрков, остается неясной. В середине VII в., в период максимального расширения экспансии тардушей, живших в северо-западной Монголии, эти племена распространили свою власть и на енисейских киргизов. Во всяком случае, об этом совершенно определенно говорят китайцы, отмечая, что тардуши управляли киргизами через своего наместника, под титулом «сылифа». Тардушские сылифы опирались в управлении киргизами на их местных правителей, бегов.

В 645 — 646 гг. тардуши были разбиты китайцами, и киргизы получили свободный доступ в Китай. Свое первое посольство к китайскому правительству они отправили в 648 г. Это посольство, видимо, имело в истории киргизов настолько большое значение, что оно упоминается в древнекиргизской надписи на урочище Бегре.

Первым установил личную связь с Китаем старейшина киргизов Шибакюй-Ачжань, которого китайский император пожаловал титулом китайского военного чиновника, но с подчинением китайскому наместнику над северными областями, носившими название яньчжаньского наместничества. Китайские императоры высоко ценили киргизов. Например, император Чжун-Цзун сказал киргизскому посланнику: «Ваш царствующий дом происходит из одного с нами рода, и я отмечаю его от прочих вассалов». Но все же киргизы редко появлялись в Китае, что объясняется и сравнительно большой отдаленностью и тем, что не совсем было безопасно посольским караванам пересекать пустыню Гоби. За 33 года — с 650 по 683 г. — послы киргизов были в Китае только два раза. И затем, когда на территории Центральной Азии снова укрепил свое могущество Восточнотюркский каганат, не появлялись в Китае в течение 13 лет. И лишь когда при восточнотюркском кагане Гудулу между каганатом и киргизами сложились мирные отношения, киргизы получили возможность возобновить сношения с Китаем.

Во всяком случае, под 745 годом в селенгинском тексте первого уйгурского кагана Моюн-Чура о киргизах говорится, как о могущественном войске, расположенном в Когменских горах. Не без активного участия киргизов уйгурами в 745 г. был нанесен решающий удар восточным тюркам. На территории Восточнотюркского каганата создается Уйгурское государство. С его возникновением доступ в Китай киргизам был закрыт, и с 758 г. киргизы уже больше не появлялись в Китае. Китайцы об этом говорят: «Уйгуры завоевали это государство, и после этого киргизское посольство уже не могло проникнуть в Срединное государство».

Уйгуры не ограничились только тем, что изолировали киргизов от Китая, но и нанесли киргизам тяжелое поражение на их собственной территории.

Хотя надпись, в которой описывается этот поход, явно преувеличивает военный успех уйгуров, все же киргизы должны были признать верховную власть над собой уйгурского хана, сохранив, впрочем, какую-то форму самоуправления. Но очень скоро, во второй половине VIII в., владетель киргизов Ажо сам объявил себя каганом и начал активную борьбу с уйгурами. Эта борьба составляет особенно знаменательный период в истории киргизского народа. О ней будет сказано в следующей главе.

Экономика енисейских киргизов.

В VI — IX вв. н. э. киргизские племена состояли из относительно самостоятельных в экономическом смысле общин скотоводов и земледельцев. В стадах, которыми владели киргизы, большое место занимал крупный рогатый скот, овцы, но особенно ценились лошади как необходимая принадлежность воинов. Скот составлял основу богатства киргизов. В целях завоевания пастбищ и увода скота организовывались походы, о чем говорят многочисленные киргизские тексты.

О скотоводстве киргизов китайцы пишут следующее: «Лошади плотные и рослые, лучшими считаются те, которые сильно дерутся. Есть верблюды и коровы, но более коров и овец. Богатые землепашцы водят их по нескольку тысяч голов». Последнее указание ясно говорит об имущественном неравенстве среди киргизов. То же подтверждается одной киргизской надписью, посвященной погибшему вождю, в которой сообщается, что умерший владел шестью тысячами лошадей. Скот был собственностью семьи и носил тамгу — клеймо семейной собственности.

Киргизы жили в войлочных юртах, употребляли в качестве материала для одежды овчины, питались мясом и кумысом — все это говорит о большом значении скотоводства в хозяйстве киргизов.

Значительное место в хозяйстве киргизов занимало также земледелие. В киргизском языке того времени имелся специальный термин «тарлык» — «пашня», а китайцы подтверждают наличие земледелия у киргизов следующими словами: «Сеют просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень; муку мелют ручными мельницами. Хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне (т. е. полевые работы продолжались с апреля до октября). Вино квасят из каши. Нет ни плодов древесных, ни овощей огородных».

Среди археологических находок встречаются примитивные сохи с железным сошником, которые пришли на смену ручным мотыгам. Наряду с зернотерками, встречаются обильные находки ручных жерновов. Серпы были сделаны из железа. Район

распространения земледельческих орудий показывает, что киргизы начали осваивать и относительно засушливые площади путем строительства оросительных систем.

Наряду со скотоводством и земледелием, древние киргизские надписи и китайские летописи упоминают об охоте и рыболовстве. Так, китайцы сообщают, что в стране киргизов водятся тарпаны, косули, сохатные и чернохвостые козы, в реках — рыба «до 7 футов, гладкая и без костей, рот под усом» (вероятно, осетры). Эти свидетельства письменных источников подтверждаются археологическими находками железных крючков и гарпунов, а также сценами охоты в писаницах. Когда киргизы бывали вынуждены платить дань, они вносили ее соболями и белками — также продуктами охоты.

Наряду с этими основными занятиями, в деятельности киргизов следует отметить относительно высоко развитые домашние промыслы, в частности, кузнечное. Не случайно китайцы отмечают особые достоинства киргизских клинков, оценивая их высокие качества такими словами: «Киргизский клинок способен пробить щит из шкуры носорога».

Находки предметов искусства, в частности, богатейшее собрание золотых сосудов и бронзовых блях в курганах Коопенского Чаатаса, свидетельствуют о высоком мастерстве киргизов, знакомых и с литьем, и с чеканкой, и с напайкой, и с гравировкой. Находки в курганах Коопенского Чаатаса являются, несомненно, высокохудожественными произведениями киргизских мастеров. Торговые взаимоотношения связывали страну киргизов со многими странами. Но связи эти не были регулярными. Так, в одном китайском источнике говорится, что «из Даши (по-китайски: Средняя Азия) не более 20 верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на 24 верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года». В обмен на эти вещи киргизы вывозили пушнину, железные изделия, золото, поделочную кость и мускус.

Торговля усугубила имущественное неравенство внутри киргизского общества. Об этом неоднократно говорится как в китайских источниках, которые, например, сообщают, что во время свадьбы богатый киргиз давал калым в сто или тысячу голов лошадей или овец, так и в сообщениях древнекиргизских надписей, раскрывающих истинные социальные взаимоотношения киргизов того времени.

Социальная дифференциация и политический аппарат.

Киргизское общество делилось на роды, которые назывались теги. Племенная организация называлась так же, как и у восточных тюрков, — «будун».

Пережитки родового строя у киргизов неоднократно проскальзывают в сообщениях письменных источни-

ков. Система родства была разработана подробно и тщательно. Термином «кан» назывался отец, главный хозяин, хозяйка дома носила название «хатун», девушки именовались «кыз», тетки—«апа»; старший брат и дядя назывались «ачи»; «ини»—младший брат или сын; «келин»—невестка; «кудаге» — зять; «кадын» — тесть; «огул» — сын; дочь — «кыз» и т. д.

Характерно, что терминология мужского родства была разработана гораздо детальнее, чем женского, что является специфичным для патриархального характера семейно-брачных отношений.

Однако в рассматриваемом периоде VI — IX вв. родо-племенная организация киргизов уже подверглась значительному разложению. Общественной единицей был уже не род, теги, а так называемый «баг». В состав багов входили аулы различных киргизских родов. Во главе такого бага стоял полновластный владыка — бег. Социальный состав бага был неоднородный.

Основу киргизского общества того времени составляли свободные, но попадающие уже в зависимость от родо-племенной знати массы рядовых кочевников «кара-будун». Равные бегу носили почетный титул «мужа», «героя», «богатого», эр, алп, или «счастливый сообщник». Как сообщают надписи, некоторые беги имели до 6000 голов лошадей. Беги так же, как и все члены их семей (сыновья, зятья и невестки), противопоставляются «черному народу». Для кочевников существовало только собирательное название. Разложение первобытно-общинного строя наиболее четко проявилось в появлении из свободных общинников лично зависимых людей, которые несколько презрительно назывались термином «киши» (буквально: «человек»). Появляются и клиенты, которых называли «приобретенные сыновья». Внизу общественной лестницы стояли бесправные, лишенные имущества рабы.

В киргизских надписях встречается термин «кунчуй», который означал вообще иноплеменных рабынь, находящихся в положении наложниц. В тех же надписях часто встречается термин «кул» для обозначения раба и «кюн» — рабыни.

Уже наличие этой терминологии знаменует большое количество рабов, которыми владели богатые киргизы. Китайцы прямо говорят, что киргизы «ловят людей соседящих с ними племен дубо и употребляют их в работе». Термин «эль» употреблялся для обозначения той аристократии, которая была характерна и для государства восточных тюрков, т. е. для членов ханского рода и бегов.

Как правило, киргизы не употребляют для обозначения своего верховного владыки термина «каган». Китайцы говорят, что киргизы называли своего предводителя «ажо».

Владыка киргизов имел свою укрепленную ставку. Около его жилища было водружено знамя. Знать так же, как и ажо, от-

личала себя от остальных одеяниями из соболя и рыси, а особенно собольими шапками, в отличие от прочих, носивших шапки из войлока.

В изложении китайских источников государственная структура киргизов вырисовывается следующим образом: во главе государства стоял ажо, затем шесть разрядов представителей знати, возглавляемых семью «министрами»; главных военных начальников было три и, кроме того, десять управителей, которые также ведали войсками. Делоправителей было пятнадцать.

Эти показания, не совсем ясные, все же позволяют говорить о наличии государственного аппарата у киргизов, хотя, быть может, китайцы соответственно со своими представлениями, несколько и преувеличивают разветвленность органов государственной власти. Возможно, что ее структура была более простой.

Военно-демократические традиции продолжали сохраняться в неписанном законе, который требовал, чтобы каждый свободный был воином. Китайцы называют киргизов гордыми и стойкими воинами, очень искусными на войне: «Они употребляют луки со стрелами и знамя. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками, еще на плечи накладывают круглые щитки, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель». Суровы были законы киргизов, по которым воин, испугавшийся перед сражением, и посол, не выполнивший поручения, подвергались отсечению головы.

Идеологические воззрения киргизов.

Наиболее полно и ярко родовые пережитки сохранились в идеологических воззрениях киргизов. Еще сохранились пережитки тотемистического мировоззрения, причем наиболее распространенным тотемом киргизов, тотемом, быть может, знатного рода был барс. Не случайно, что тюрки называли всех предводителей киргизов барсбегами. Указание на род барса имеется и в самих древнекиргизских текстах, и слово барс всегда ассоциируется с эпитетом «сильный», «именитый» и пр.

Глухие пережитки матриархата сохранялись в культе хранительницы домашнего очага Умай, а также в явлениях, характерных для группового брака, о которых китайская летопись сообщала: «Оба пола живут нераздельно, а потому много распутства». Доказанным фактом является шаманство киргизов. Киргизы приносили жертвы духам, а своих шаманов, по свидетельству китайцев, называли «кам».

Киргизы клали в могилы вместе с покойником бытовой инвентарь и вооружение, которые, по анимистическим верованиям, были необходимы в загробной жизни. Обычно вместе с воином погребался и его конь, а иногда и раб.

Богатый инвентарь, обнаруженный в могилах, свидетельствует о высокой культуре древних киргизов. Особенно ин-

тересны с этой точки зрения упомянутые выше находки в Коопенском Чаатасе. Там были обнаружены литые из бронзы барельефные украшения чепрака, седла, изображающие всадника на полном скаку, стреляющего в нападающего на него барса. Впереди всадника испуганно бегут олень, козерог и другие животные. Сверху всадник обрамлен китайскими изображениями облаков, снизу—изображения гор, поросших лесом, исполненные в китайском стиле. Исключительная динамичность и реалистическая трактовка всех составных частей изображения говорят о сохранении киргизами пережитков скифского реалистического звериного стиля. Вообще искусство киргизов того времени очень тесно связано и по своему внутреннему содержанию с идеями скифского искусства, где явно выступает, наряду с пережитками древнего мировоззрения, в частности, тотемизма, идея культа воина, его силы и ловкости. С точки зрения искусства эти киргизские изображения высокореалистичны и свидетельствуют о высоком мастерстве киргизского народа.

Вторая группа вещей из этого же Коопенского кургана представлена золотыми сосудами с накладным орнаментом. Этот ажурный орнамент представляет собой затейливую вязь растительных побегов, в которые вплетены изображения животных, птиц и рыб, и с технической стороны отличается исключительным мастерством. Появление этих вещей на Тянь-Шане было связано с проникновением сюда енисейских киргизских мастеров.

Таковы в общих чертах экономика, социальный строй и культура енисейских киргизов VI—IX вв.

ГЛАВА III

КИРГИЗСТАН И КИРГИЗЫ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ

Господство киргизских племен на Енисее.

В IX в. возросло политическое могущество енисейских киргизов. Укрепление киргизского государства на Енисее в середине IX в. протекало в условиях ожесточенной борьбы с Уйгурским каганатом, владевшим Монголией и Восточным Туркестаном. Эта феодальная борьба между двумя дофеодальными государствами носила длительный и ожесточенный характер. Она вспыхнула около 745 г. и преследовала взаимное стремление обоих государств к захвату пастбищ, скота и пленных. Вначале борьба с Уйгурским каганатом была неудачна для киргизов: они были разгромлены на их собственной территории. В одной из китайских надписей, относящейся к 808 — 820 гг., говорится о Киргизском каганате на этом, первом этапе борьбы: «коровы, лошади, хлеб и оружие (киргизов) были навалены горами, государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей». Положение изменилось на втором этапе борьбы, который протекал с 820 по 847 г. Во главе киргизских ополчений встал энергичный и способный каган (ажо), имя которого исторические источники не сохранили, но относительно которого известно, что он был тесно связан с карлуками и тюргешами: его жена происходила из тюргешей, а мать являлась дочерью карлукского племенного вождя. Решительный перелом в борьбе с Уйгурским каганатом произошел в 840 г., когда уйгуры потерпели крупное военное поражение.

По свидетельству китайских источников, каган киргизов перед решающим сражением обратился с речью к уйгурскому предводителю. В китайской передаче он якобы сказал ему: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму твою золотую Орду, поставлю перед ней моего коня, водружу мое знамя. Если мо-

жешь состязаться со мной, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи».

Разгром уйгуров киргизами был облегчен переходом на сторону киргизов в 839 г. уйгура, некоего Гюлу-Бага, восставшего против уйгурского кагана Чжансиня. Тяжелая зима, вызвавшая падеж скота, сильно ослабила уйгуров. Создалась обстановка, благоприятная для киргизов, и летом 840 г. киргизы нанесли уйгурам удар, решивший судьбу их государства. В числе богатой добычи киргизский каган захватил в плен жену уйгурского кагана, по имени Тайхо, бывшую китайскую царевну из дома Тан. Часть уйгуров ушла к карлукам, т. е. в Семиречье, часть, преследуемая киргизскими воинами, бежала в Тибет и Китай. Оставшиеся 13 родов уйгуров в марте 841 г. объявили каганом принца Уге. Он продолжал борьбу с киргизами до самой своей смерти — до августа 846 г.

Временный успех уйгуров, который наметился в 843 г., когда уйгуры убили киргизского посланника и вызволили из плена Тайхо, не был продолжительным. Тайхо снова попала в руки киргизов и в том же 843 г. была невредимой доставлена в Китай.

Победа киргизского кагана над уйгурами позволила ему вынести свою ставку поближе к Селенге, в Монголию, и установить непосредственные дипломатические и торговые отношения с Китаем. Китайский император Уцзун с исключительным почетом принял посольство киргизского кагана: его послы были посажены выше представителей царства Бохай (Корея). Китайский император дал распоряжение отправить ответное посольство с дарами в страну киргизов, составить подробное описание их страны, написать портрет киргизского государя и его имя, якобы происходящее от Ли-Лина из рода Танской династии, внести в царскую родословную.

Часть уйгуров под ударами киргизского кагана бежала в сторону Амура, где разыгралась в 841 г. новая борьба киргизов с уйгурами. Здесь уйгуров было сравнительно немного; по свидетельству китайцев, «осталось именитых князей и чиновников до 500 человек», которые нашли убежище у племени шивей, жившего по верхнему Амуру. В этой борьбе киргизов поддерживал и Китай, потребовавший у племени шивей выдачи уйгурского предводителя Энянь-Тегина со всей его семьей. Тогда Энянь со своей женой и сыном в сопровождении 9 полководцев бежал на запад, а оставшихся уйгуров шивейские племена разделили между собой. Однако это мероприятие шивейских племен не удовлетворило киргизов, и, по поручению их кагана, некий киргизский буюрук, по имени Або, с 70-тысячным войском напал на племена шивей и, забрав уйгуров, возвратился к северной стороне песчаной степи Гоби.

На территории Китая и в Манчжурии киргизский каган действовал так же активно. В Манчжурию он проник, видимо, в 843 г., в связи с преследованием уйгурского кагана Уге, а в Ки-

тае он помогал китайскому императору Уцзуну в борьбе против уйгуров, заполнивших в результате их разгрома в Монголии 18 пограничных округов Китая. За оказанную помощь киргизский каган получил грамоту и почетный китайский титул Цзун-ин-сюн у чен-мин-каган.

Однако после смерти Уцзуна (846 г.) на совете министров было решено не оказывать слишком больших почестей киргизам, ибо китайцы стали опасаться, что слишком большие почести и льготы могут усилить киргизов и тем самым создать угрозу для самого Китая. Когда в августе 847 г. скончался киргизский каган, то новому кагану был дан менее почетный титул Ин-у-чен-мин-хан.

После смерти киргизского кагана — победителя уйгуров — связи киргизов с Китаем стали ослабевать. Это находилось в связи с общим упадком могущества киргизов на территории Центральной Азии. Возрождение могущества уйгуров, после того как их главный старейшина Цзунь из племени бугу (живший в Бешбалыке) завоевал в 874 г. города Карашар и Бюгур в Восточном Туркестане и получил от китайского императора тогда же титул хана, и появление в Монголии кара-китаев, или киданей, завоевавших Монголию в 924 г., окончательно решили политическую судьбу киргизов на территории Центральной Азии. Они были оттеснены обратно в Минусинский край. Упадок могущества енисейских киргизов мало отразился на жизни тех киргизских племен, которые проникли на запад, в частности, в Семиречье во время победоносной борьбы с уйгурами.

Эти киргизы продолжали поддерживать широкие международные связи. Например, в одной древнекиргизской надписи упоминается тибетский хан, к которому явился в качестве посла знатный киргиз.

Киргизское государство, сложившееся на втором этапе борьбы с Уйгурским государством, явилось высшей точкой политического могущества киргизов. Государство киргизов простиралось от Манчжурии до Тянь-Шаня. По своей классовой структуре оно являлось организацией господства «эля», т. е. ханской фамилии, опиравшейся на беков, над трудящимися киргизами, будуном, многие из которых уже превратились в феодально зависимых людей, и над многочисленными рабами. Но между различными частями каганата не было сколько-нибудь прочных экономических и культурных связей. Киргизский каганат принадлежал к тому типу государств, о которых товарищ Сталин писал: «Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»[1]. Так было и с Киргизским каганатом средины IX в.: он распался на составные части так же быстро, как и возник.

---

[1] И. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

Второе проникновение киргизов на Тянь-Шань.

Проникновение киргизов в Семиречье во время их успехов в борьбе с Уйгурским каганатом подтверждается сходством енисейских надписей и надгробных надписей Таласа. Существование киргизов на Тянь-Шане начинает отмечаться и мусульманскими источниками, в частности, автором X в. Истахри и персидским географическим сочинением «Худуд-ал-Алам» («Граница мира»). Широкое проникновение киргизов на Тянь-Шань в ту эпоху было связано с появлением среди племен нушеби, живших на Тянь-Шане, киргизских родов ассиге и гешу, которые сохранялись до последнего времени под именем: ассык и кущу, или кудук. В Семиречье был даже город с именем «Кыргызхан».

Киргизы на Енисее в X в. находились в стадии упадка, чему способствовали военные неудачи в последней четверти IX в., когда киргизские племена, рассеянные по многим странам, не могли оказать необходимого сопротивления кара-китаям.

Политический упадок Киргизского каганата сопровождался и экономическим его упадком. Страна киргизов в IX в. снабжала кочевников целым рядом важнейших произведений того времени, особенно средствами войны. Но к X в. возросло ремесленное производство городов Семиречья. Эта страна становится центром ремесленного производства, и значение страны хакасов в этом отношении снижается. Киргизы Енисея стали поставлять на рынок не ремесленные изделия, а сырье, которым была богата Южная Сибирь. Увеличилось значение охоты, как средства добычи того сырья, которого требовал новый рынок. Это свидетельствует об упадке производительных сил киргизского общества, что вело, в свою очередь, к неизбежному застою общественных отношений.

В сообщениях мусульманских авторов X в. при характеристике страны киргизов в гораздо большей степени подчеркивается наличие родо-племенных отношений, чем моменты государственной организации.

Руководящая роль в политической и хозяйственной жизни перешла из Минусинского края в Семиречье. Это совпало с победой в Семиречье караханидской династии.

§ 6. СЕМИРЕЧЬЕ ПРИ КАРЛУКАХ

Господство карлуков в Семиречье.

Если на Енисее в VIII — IX вв. киргизские племена играли крупную политическую роль и создали обширное, хотя и непрочное и недолговечное, государство, то на Тянь-Шане, несмотря на значительное проникновение сюда киргизов, они попрежнему оставались за кулисами политической жизни. Здесь господство в IX в. перешло к карлукам. Господство карлуков

в Семиречье и на Тянь-Шане продолжалось с 766 г., т. е. со времени завоевания карлуками Тянь-Шаня и овладения ими ставкой тюргешских ханов — городом Суяб, вплоть до 940 г., когда им нанесли удар караханиды.

В это время на территории Средней Азии на смену арабскому господству пришла местная среднеазиатская династия Саманидов, являвшаяся представителем местной феодализирующейся знати. При саманидах, как и при арабах, господствующей религией на территории Средней Азии оставался ислам; местная среднеазиатская согдийская культура преследовалась. Это вызвало дальнейшее движение трудящихся согдийцев в сторону Семиречья.

В это время на базе древнейших согдийских колоний по долинам Таласа, Чу и Иссык-Куля возникает ряд городов. Города строились по типу классических городов Мавераннахра (так называли Среднюю Азию арабские завоеватели, что буквально в переводе означает: «То, что за рекой»).

Центром города являлась укрепленная цитадель, в которой помещался дворец владыки города. Кругом цитадели располагался окруженный мощными стенами шахристан — место сосредоточения аристократии города и всевозможных государственных учреждений, светских и духовных. За стенами города, в непосредственной близости от ворот (а обычно шахристан имел ворота в каждой стене), располагались базары, возникавшие в результате как оживленной местной торговли, так и караванной торговли международного характера. К этим базарам приезжали кочевники, привозившие с собой продукты кочевого скотоводства в обмен на изделия местных мастеров.

Характерно, что Семиречье в это время знало лишь медную монету, которая могла служить только для мелких сделок. Ни серебряной, ни золотой монеты Семиречье в период карлуков не знало, а это свидетельствует, что в сделках крупного масштаба преобладала меновая торговля, а не денежная купля-продажа.

Вокруг базаров обычно располагалось ремесленное предместье города, где жили и работали ремесленники, здесь же, у мастерских, продававшие свои изделия. Территория торгово-промышленного предместья называлась рабадом и часто обносилась еще одной внешней стеной. Обычно этими тремя составными частями ограничивалась структура городов Таласа и Чу.

В предместьях, а иногда вдали от них, но в пределах культурного оазиса, располагались замки, напоминавшие собой укрепленные дома согдийских переселенцев. Но, в отличие от последних, эти укрепленные замки были окружены поселениями сельского типа, составлявшими волости и рустаки. Это было новое явление, в котором отразилось формирование феодального способа производства: господствующие классы стали опираться преимущественно на труд зависимого крестьянского населения.

Развитие городской жизни.

Как правило, в центре оазисов строились города, а в округе располагались сельские поселения с возвышающимися над ними замками нарождавшейся феодальной знати. На окраинах оазисов строились крепости и на отдельных участках — стены, которые должны были защищать оазис от внезапных нападений кочевников. Крепости защищали не только окраины оазиса, но и пути, проходящие от одной округи к другой. Они назывались рабадами, или малыми крепостями, башни — хиснами.

К этому времени на Таласе возникало значительное количество городов. На месте современного города Джамбула находился город Тараз, или, как его называли арабы, «ворота в страну карлуков». Вокруг Тараза располагалось большое количество более мелких городов: Дохнудж-Тикес, к северу от него — Адахкес, к западу — Джувикат, к востоку — Джикиль и нижний Барсхан. К югу от Тараза находился город Бехлу, затем — крупный город Атлах (на месте современного селения Солдатского); в районе современного табаксовхоза, близ селения Богославского, был город Хамукат. Развалины Садыр-Курган (близ поселения Кировского) представляют собой остатки древнего города Шельджи. Города Сусы и Куль стояли на речках Урмарал и Кюмюштаг, на местах, где ныне находятся поселки Водное и Орловка. Крайним городом Таласской долины был Текбекет на правом берегу р. Таласа, около современного города Талас. За ним начиналось господство кочевников.

Таласская долина в период господства карлуков являлась крайней восточной границей более или менее сильного мусульманского влияния — ислам к востоку от Таласа не нашел себе еще большого количества последователей. От Нижнего Барсхана до первого большого города к востоку от Таласской долины, который находился на месте современного поселения Луговое и назывался Кулан, были расположены кочевья карлуков: Кульшуб и Касрибас.

От Кулана дальше на восток тянулась снова серия городов. Недалеко от Кулана—на месте современного города Мерке—уже тогда стоял город под тем же названием. На современной границе между Казахстаном и Киргизией, близ современного поселка Чалдывар, стоял город Ашпара, название которого сохранилось в наименовании ущелья. Несколько к северу (в трех километрах от современного поселения Карабалты) стоял старый город Нузкет, а к северу от современного селения Беловодского находился город Харран-Джуван, от которого караванный путь разветвлялся на две части: одна ветвь шла на восток, к берегам Иссык-Куля, вторая — к северу, пересекала р. Чу, Курдай и входила в Илийскую долину. От Харран-Джувана по Чуйской долине дорога шла к городу Джулю, находившемуся в 8 км к западу от современного города Фрунзе, затем к боль-

шому городу Сарыгу, где сейчас находится поселение Красная речка, а от Сарыга было 4 фарсаха (фарсах равнялся, примерно, 6 км) до города Баласагуна. Вероятно, впоследствии там, где стоит сейчас башня, возникло предместье Кирмирау. Город Невакет был на месте современного поселка Орловка в Чуйской долине; город Кумбрикет стоял на месте современного поселка Советского, Кеминского района, а далее путь через горы приводил в ставку тюркских каганов — город Суяб. Дальнейший караванный путь проходил по долине Кемина и через перевал Кугайрок выходил на северный берег Иссык-Куля около современного селения Чолпон-Ата, где находилась согдийская культурная земледельческая область Верхний Барсхан, состоявшая из четырех больших и пяти малых городов. Они располагались по северному берегу Иссык-Куля к востоку от Чолпон-Ата и, огибая восточный берег в районе Джергалана и Койсары (один из городов находится под водой — знаменитые иссык-кульские подводные развалины), по южному берегу доходили до Тонского залива у современного поселения Куньчигыш. В городах жило разноплеменное население. Расположенные на важнейших торговых путях международного значения, связывавших Восток и Запад, эти города привлекали купцов из разных стран. Поэтому, естественно, что в города Семиречья проникали элементы культуры различных стран: Китая, Уйгурского каганата, даже Аббасидского халифата. Сюда переселенцев привлекали не только торговые интересы. После 846 г. в Семиречье переселилось много уйгуров-буддистов, которые бежали от религиозных преследований со стороны сторонников конфуцианства в Китае. Они принесли с собой в города Семиречья элементы буддийской культуры. Особенно заметно проникновение в городскую жизнь элементов согдийской культуры — согдийцы издавна составляли преобладающую часть населения городов Семиречья. Но все эти культурные напластования были наносными явлениями в жизни основной массы трудящихся племен Тянь-Шаня и Семиречья. Они глубоко не проникали в культуру и быт местных тюркских племен и известное влияние оказали лишь на тех представителей тюркской знати, которые были тесно связаны с жизнью городов. Но и эти культурные наслоения были уничтожены во время бурных событий последующих столетий.

Кочевники и земледельцы в VIII—X вв.

Все города карлукского периода находились среди кочевников-тюрков, хозяйство которых переживало значительные изменения. Обнаруживалось стремление части кочевого населения к переходу к оседлости. Оседание кочевников вызывалось внутренними условиями жизни кочевой общины и прежде всего ее дальнейшей дифференциацией. Рядовые кочевники, разоряясь, не могли уже продолжать занятие скотоводством и вынуждены были переходить к земледелию или переселяться в города и заниматься здесь ремеслами. Изменения в хозяй-

ственной жизни вызывали появление в тюркской речи терминов, связанных с ремеслами и сельским хозяйством. В городах ремесленники работали на рынок, но еще не составляли ярко выраженных самостоятельных корпораций подобно западноевропейским цехам. Особенно широко ремесленное производство было развито в Таразе, ремесленники которого прочно овладели видами производства и техническими приемами, свойственными Мавераннахру согдийской эпохи. Так, в Таразе уже изготовлялась глазурованная посуда с изящным орнаментом и многоцветной росписью, которой еще не знали ремесленники Чуйской долины. Еще в более отсталом положении, чем поселения Чуйской долины, находились бассейн р. Или и глубинная территория Тянь-Шаня.

Названия большинства упомянутых городов были тюркского происхождения, причем они явственно несли в себе след джокающего тюркского диалекта. «Джуль» — несомненно, тюркское слово «степь», «джикиль» — племенное название, «кулан» — название животного, «сарыг» означало «желтый» и т. д.

Во времена господства карлуков местом обитания тюркских каганов, наряду с Суябом, становятся и города долины Чу и Таласа. Таковыми были: Невакет, Баласагун, который именовался еще Куз-Орду, и, наконец, Тараз. Этот переход ставок тюркских владык на запад, приближение их к городским центрам Чуйской и Таласской долин явились следствием постепенного сращения интересов кочевой аристократии с богатыми слоями населения городов не только Чуйской долины, но даже далекого Согда. Связи между тюркской знатью и дехканами Бухары (дехканами в то время называли не крестьян, а землевладельческую знать), укрепляемые брачными узами, существовали и раньше, а теперь были расширены и стали более постоянными.

Новые политические условия, экономическая связанность кочевников и земледельцев, изменения в жизни кочевой общины, которые приводили к постепенному оседанию некоторой части кочевников,—во всем этом заключалось основное отличие карлукской эпохи от предшествующих.

Но процесс оседания кочевников-тюрков и переселение части их в города не был глубоким: основная, подавляющая масса тюрков продолжала оставаться кочевниками. В ставках кочевников, главным образом на Тянь-Шане, процветали домашние ремесла, преимущественно по обработке продуктов животноводства и по изготовлению украшений и оружия из металла. Образцы оружия, найденного археологами, носят на себе следы обработки, характерной для киргизов Енисея. Это явилось следствием проникновения южносибирских киргизских племен на Тянь-Шань.

Тюркское кочевое население в карлукском периоде в основе своей оставалось шаманистами. Но несомненное влияние на их религию оказывал зороастризм.

Несмотря на соприкосновение культуры кочевников и земледельцев, все же разница в быте тех и других выступала совершенно отчетливо. Жители городов обитали в постройках, украшенных стенной живописью. Среди их домашнего инвентаря преобладали предметы, сделанные из глины: легко бьющаяся глиняная посуда, сделанные из глины столики для угощения, так называемые «достарханы». Не только посуда, игрушки, культовые предметы и прочая домашняя утварь, а порой даже орудия труда делались из глины. Глиняные изделия богато украшались орнаментом. В карлукском периоде окончательно теряется старая реалистическая струя, в искусстве побеждают появившиеся еще при усунях чисто орнаментальные мотивы.

В раскопанных от того времени могилах кочевников продолжал бытовать инвентарь, характерный для кочевого общества. В одной из могил Кочкорской долины была найдена часть одежды кочевника: те же мягкие бескаблучные сапоги, головной убор в виде башлыка, длинный кафтан и просторные шаровары. Эта одежда, равно как и вооружение кочевников — лук, стрелы, меч, кинжал, — может быть прослежена и на скульптурных изображениях человеческих фигур, так называемых каменных бабах, стоявших обычно у насыпи курганов. Обычно у этих изображений руки сложены на поясе и держат чашу. Такие изображения бывают двух типов и широко известны среди тюркских кочевников. Они являлись либо портретным изображением похороненного, либо изображением знатного врага, убитого покойным воином. В таком случае такие скульптуры на могилах должны были не только подчеркивать славу погребенного, но и в то же время представляли собой изображение раба, обязанного обслуживать покойного, подобно тому, как положенный в могилу инвентарь был необходим, по мнению кочевников, для загробной жизни.

Карлуки и саманиды. Саманиды не пытались включить Семиречье в состав своего государства, это было бы непосильно для них. Они вели с кочевниками торговлю, укрепляя границы своего государства длинными стенами, в систему которых были включены не только крепости, но и города, где велась оживленная торговля с кочевой степью. Тесные торговые связи не исключили военных походов саманидов в Семиречье.

Наиболее значительным был поход Исмаила-Ибн-Ахмеда на город Тараз в 893 — 4 гг. Заставив принять ислам аристократию города, он переделал церкви в мечети и, забрав богатую добычу, вернулся в Бухару. Точно также поступил в городе Нарыне саманидский эмир Фаик.

Но ни Исмаил-Ибн-Ахмед, ни другие правители из саманидов не устанавливали своей власти над Семиречьем. Крайней границей их политического проникновения на восток был город Мерке. Они настойчиво стремились насаждать ислам, создавая

опорные пункты мусульманской пропаганды в виде мечетей. Однако ислам не находил в начале карлукского периода почвы для своего широкого распространения в Семиречье, где феодальные отношения еще не были развиты, где подавляющая масса населения вела кочевой образ жизни и городская культура охватила лишь незначительную часть населения. Характерно, что вожди кочевых племен прекрасно сознавали связь религии ислама с жизнью городского населения. Когда однажды одному тюркскому хану предложили принять ислам, он справедливо ответил: «Скажи этому послу, чтобы он передал своему господину, что нет среди этих (т. е. кочевников) ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни?».

Это было справедливо для первой половины VIII в., но к концу карлукского периода ислам начал получать широкое распространение среди кочевников Семиречья. Это было связано с дальнейшим углублением классовых отношений в Средней Азии. В полной мере это проявилось в XI — XII вв., когда в Средней Азии утвердилась власть династии караханидов. Углубление классовых антагонизмов как в оседлых районах, так и среди кочевников Семиречья и Тянь-Шаня было вызвано ростом материального производства, который так ярко выступает в период господства карлуков.

Следует иметь в виду, что углублением процесса классообразования непосредственно были охвачены и киргизские племена Тянь-Шаня, число которых, как уже отмечалось, в конце IX — начале X в. здесь значительно возросло в связи с новым потоком переселенцев с Енисея.

§ 7. КИРГИЗСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ КАРАХАНИДСКОЙ ДИНАСТИИ

Возникновение династии караханидов.

Накануне выступления караханидов Семиречье было заселено кочевыми племенами, среди которых преобладали карлуки, занимавшие Чуйскую долину; по Иссык-Кулю жили джикили; по северному берегу Иссык-Куля и в Чуйской долине — тюргеши, состоявшие из двух ветвей: тухси и азы, причем тухси были искусными земледельцами. На юге Тянь-Шаня (к югу от р. Нарын) и в Восточном Туркестане кочевало племя ягма. Среди этих племен были разбросаны кочевья киргизов.

Ягма было воинственное племя, персидские источники называли его «грозой городов». Происхождение ягма мало известно. Персоязычный автор Гардизи указывает, что это племя в какой-то степени было связано с древним народом эфталитами, но свидетельство Гардизи маловероятно.

Первые правители династии караханидов, вышедшие из племени ягма, носили титул Богра-хан, впоследствии карахан, т. е. черные цари, отсюда произошло и название династии. Уже около 940 г. они завоевали город Баласагун и стали полными хозяевами Семиречья. Затем в очень короткий промежуток времени караханиды завоевали весь Мавераннахр. Несмотря на то, что один из первых караханидов Сатук-Богра-Карахан в 955—956 гг. принял ислам, караханиды весьма терпимо относились и к другим вероисповеданиям: к старому язычеству и зороастризму, который был занесен сюда еще согдийцами. Веротерпимость караханидов способствовала тому, что их завоевание, во всяком случае в начальном этапе, не встречало активного сопротивления ни на той территории, где новая династия возникала, ни в Мавераннахре. Но в основном успехи караханидов объясняются тем, что они содействовали победе феодального способа производства, уничтожив наиболее тяжелую форму эксплуатации — рабство. Новая династия содействовала также процессу оседания кочевников в городах, т. е. поддержала в широких масштабах то явление, которое наметилось еще в карлукском периоде.

Первым из караханидов, начавшим завоевание Средней Азии, оказала поддержку знать среднеазиатских городов, недовольная правлением саманидов. Это была знать, которая выступала в качестве оппозиции к старому среднеазиатскому дехканству, господствовавшему при саманидах и, по мнению академика В. Бартольда, более напоминавшему греческих базилевсов, чем феодальных рыцарей. Религиозная веротерпимость караханидов, самый факт появления династии, вместе с которой получили распространение более легкие, чем рабство, формы эксплуатации, привели к тому, что и народ, жаждавший получить облегчение своей участи, остался равнодушным к судьбе саманидов.

В 999 г. караханидами была взята Бухара. Этим было завершено завоевание Средней Азии. Власть саманидов пала. Таким образом, Восточный Туркестан, Семиречье и Средняя Азия до Аму-Дарьи стали областью правления караханидов. Их попытки перейти Аму-Дарью были пресечены газневидским султаном Махмудом, войска которого разбили тюрков на берегу Аму-Дарьи в 1108 г.

Вскоре Караханидское государство распалось на две части: на Мавераннахрский удел со столицей в городе Узгене и на восточный удел, куда входило Семиречье и Восточный Туркестан, столицами которого были то город Кашгар в Восточном Туркестане, то Баласагун в Семиречье. Восточный удел караханидов имел большое значение для всей Караханидской династии, являясь барьером, обеспечивавшим спокойствие всех племен Средней Азии от набегов племен Центральной Азии и Китая. XI в.

является временем расцвета Караханидской династии, XII в., особенно вторая его половина, — временем упадка.

Городская жизнь при караханидах.

В Караханидскую эпоху Семиречье сделало в экономическом отношении значительный шаг вперед.

Города этого времени заметно развивались, причем в караханидскую эпоху особенное развитие получили торгово-промышленные предместья, где кипела оживленная торговля городских жителей с сельской округой, а особенно с кочевниками. Увеличение производства привело к строгой организации цехового строя.

Техника производства значительно усовершенствовалась. Во всем чувствовалась тенденция массового производства в связи с увеличением спроса потребителями. Домашняя утварь украшалась мусульманскими надписями, свидетельствующими о сильном влиянии ислама. Однако это не исключало красочной росписи реалистического типа, например, изображений фазана, медведя, лягушки и проч. Такие изображения призваны были удовлетворять эстетические вкусы кочевников. Наряду с медными, в ходу были серебряные и золотые монеты (серебряные дирхемы и золотые динары): медные монеты уже не могли обеспечить потребностей широко развитой торговли. Характерно накопление больших денежных сокровищ в руках купцов и сохранение сокровищ в качестве кладов. О наличии крупных денежных сокровищ свидетельствуют находки многочисленных кладов: например, в районе города Харан-Джувана было найдено в одном сосуде свыше 3 тысяч дирхемов, а следует учесть, что в то время за дирхем можно было купить барана. Массовый чекан монеты вызвал серебряный кризис, и серебряные дирхемы стали делаться с большим приплавом меди.

Торгово-промышленные предместья — рабады по своей территории намного превышали остальную часть города — шахристан. В рабаде жили гончары-ремесленники, кузнецы, развивались здесь и другие ремесла. Длинные улицы этих ремесленников тянулись буквально на несколько километров от городских ворот.

Такие улицы были обнаружены при раскопках средневекового города Сарыг в Чуйской долине. Здесь была раскопана мастерская винодела, были найдены шлаки — отбросы кузнечного производства. Между прочим, была найдена надпись сирийским шрифтом «Георгий (видимо, христианин) — кузнец». В городах Чуйской долины, несомненно, существовала специализация по отдельным видам ремесла. Более того, иногда и целые селения специализировались на каком-либо виде промышленного производства подобно тому, как это было в Бухарском оазисе. На территории Чуйской долины, на левом берегу р. Сукулук, в районе современного районного центра Кагановичского, археологами открыты поселения выдающихся гончаров, Гончары обладали высокой техникой производства, в частности, им широко было из-

вестно использование глазури и многоцветной росписи. На Сукулуке открыто не только большое количество готовой продукции, но и полуфабрикатов, шлаков, а также средств труда, необходимых для изготовления посуды и прочих гончарных изделий. Эти сукулукские находки любопытны тем, что по ним прослеживается сохранение традиций согдийских мастеров в гончарном искусстве караханидской поры. Согдийцы оставались не только искусными мастерами, но в силу своего мировоззрения обеспечили известную свободу в рисунке орнамента на посуде, например, изображения животных, что было строго запрещено исламом.

Вторым примером ремесленного центра является безымянный поселок (около нынешнего селения Александровского) на левом берегу оврага Мамай, где в караханидскую эпоху жители специализировались в области кузнечного производства. Впоследствии это поселение перешло на гончарное производство.

Таким образом, в караханидскую эпоху значительного расцвета достигло не только ремесло торгово-ремесленных предместий городов, но происходило развитие и сельских промыслов.

Значительно повысилась при караханидах и техника городского строительства. Часть городских улиц была замощена булыжником, были сделаны тротуары; арыки, пересекающие город, были отделаны плитами. Широкое распространение в это время получил жженый кирпич, из которого воздвигались крупные государственные, светские и духовные здания, а в жилых домах им выстилался пол. Иногда из жженого кирпича делался фундамент в сырцовой постройке. Кирпич делался квадратный с желобками, которые служили для лучшей связи с вяжущим раствором. Квадратная форма кирпича, несомненно, была связана со стремлением придать постройке устойчивость при нередких землетрясениях. Той же цели служили прокладки из камыша, занимавшего в строительном деле весьма большое место как для перекрытия здания, так и для возведения стен.

К крупным городским постройкам принадлежали помимо дворцов мечети, погребальные сооружения — мазары и минареты. Особенное внимание уделялось внешнему виду — архитектурной отделке здания. Порталы украшались богатым и красочным орнаментом. В орнаменте этих зданий более ранней эпохи преобладали изображения животных или геометрические формы, а в более позднюю эпоху — растительные мотивы. Немалое значение в орнаментике зданий так же, как и на посуде, занимали мусульманские надписи и арабская вязь, вплетенная в растительный орнамент. Все это придавало крупным городским сооружениям высокохудожественный характер.

Ярким примером архитектурного мастерства той эпохи являются мавзолеи в городе Узгене, поставленные над могилами караханидских правителей начала XI и второй половины XII в.

Любопытна была система центрального отопления жилых по-

строек и бань, где нагретый воздух по специально сделанным в стенах каналам равномерно обогревал все помещение. Этот прием отопления, известный под названием каны, широко был распространен не только в банях от Китая до Волги, но и в жилых домах городов Киргизстана.

Внутри домов появилась фресковая роспись, т. е. роспись клеевыми красками по сырой штукатурке, а отделку верхней части стен и карнизов составляли лепные украшения.

Города снабжались водой не только путем арыков, но и специально сделанными водопроводами, состоявшими из гончарных труб. Эти водопроводы брали воду или из реки, или из источника, находящегося далеко за пределами поселения. Такие водопроводы были проведены в древнем городе Таразе, в районе городов Хамукат и Текабкет и в целом ряде других городов Чуйской долины.

Сказанное относится к центральной части городов, где жила городская знать. Все остальные городские жители жили в тесных помещениях и в чрезвычайно антисанитарных условиях. Колодцы для получения питьевой воды выкапывались чуть ли не рядом с выгребными ямами и благодаря этому легко загрязнялись, что способствовало распространению всевозможных эпидемий.

При караханидах стены городов были усилены башнями. Ворота имели специально сделанные укрепления. Как правило, города окружались рвом, наполняемым во время осады водой. Укрепления воздвигались и между городами. Это обеспечивало сравнительное спокойствие и безопасность населения.

Развитие феодальных отношений.

Города времени господства караханидов напоминали средневековые города Запада. Это сказывалось на внутренней структуре городского ремесла с его цеховой замкнутостью. Сказывалось это также и в том, что многие города не были свободными. При караханидах широкое распространение получил институт икты, соответствующий западноевропейским бенефициям или поместному владению в Русском государстве. Зарождение икты относится еще ко времени арабского владычества в Средней Азии VII — VIII вв. Но в то время икта не получила широкого распространения. Иктадары (так назывались держатели икты) имели право лишь на получение дохода с пожалованных им областей, но не имели права земельного владения. При караханидах икта стала основной формой земельного владения, вместе с которым иктадары получали и право взыскания с населения пожалованных им владений разнообразных доходов. Верховная собственность на землю при этом сохранялась за господствующей династией — караханидами. Такая форма землевладения, являвшаяся наиболее типичной для феодального способа производства, вытеснила в Средней Азии господствующую при саманидах форму земельной собственности — полную собственность на крупные земельные владения. В икту входили не

только сельские местности, но и города. Тем самым население города ставилось в вассальную зависимость от иктадара. Иногда в икту входили и земли, населенные кочевниками. Иктадары жили в городе или в замках, что, повидимому, было более частым явлением. От караханидской поры сохранилось большое количество таких замков, аналогичных тем, которые возникли в Семиречье при господстве карлуков. Как и тогда, эти замки господствовали над сельскими поселениями, подобно замкам средневековых рыцарей на Западе.

Эта типично феодальная система была характерна для оседлых районов Средней Азии. В кочевых районах государства караханидов окончательно складываются и становятся господствующими патриархально-феодальные отношения. Кочевые формы хозяйства, связанные с постоянным передвижением населения, не позволяли здесь укрепиться прочным территориальным связям внутри кочевых общин, мешали патриархально-родовой общине превратиться в территориальную. Важным связующим элементом общества продолжали оставаться кровнородственные связи. Это нисколько не мешало развитию глубокой дифференциации внутри кочевой общины, рода. Родо-племенная знать уже давно отделилась как привилегированная группа общества. Бегов отличало от основной массы трудящихся не только богатство. В фактическом распоряжении знати находилось основное условие производства—пастбище. Главное богатство кочевников—скот был в ее руках не только предметом потребления, но и средством эксплуатации обедневших сородичей. Вероятно, к этому времени относится зарождение «саана» — предоставление обедневшим сородичам скота в пользование за своеобразные отработки. Родоплеменная знать окончательно обособилась от народа в общественном отношении. Но отношения эксплуатации здесь были густо опутаны различными формами родовой коллегиальности, родовой помощи, что задерживало и маскировало процесс классового расслоения. Такие отношения эксплуатации, феодальные по своей основе, но опутанные патриархально-родовыми пережитками, и являлись патриархально-феодальными отношениями. Они оставались господствующими в Киргизстане до Великой Октябрьской социалистической революции.

Духовная культура.

Рост городов сопровождался развитием духовной культуры. Выходец из города Баласагуна Хаджиб Юсуф написал первое дошедшее до нас литературное произведение на тюркском языке «*Кудатгу-Билик*»—«*Знание, дающее счастье*» (1069 г.). Эта книга, написанная для одного из первых караханидов — Богрохана, представляет поучительную дидактическую поэму. Она содержит назидание правителю государства о том, как надо обращаться со своими подчиненными, как управлять государством.

Вот что говорит эта книга об отношении главы государства к ремесленникам:

«Еще один род составляют мастера,
Которые создают руками искусство, чтобы заработать
Себе на жизнь.
Все они — необходимые для тебя люди,
Близко держи их, полезных, великий,
Кузнецов, ткачей, сапожников, водовозов,
Седельщиков, каменотесов, мастеров стрел и
Мастеров луков,
От перечисления их (всех) мой язык удлиняется,
Тебе слушать (придется), все мои слова удлиняются.
Добро этого мира идет от них,
Как много удивительных вещей они делают,
С ними общайся и обходись,
Радуй ты их и живи в радости.
Работает он для тебя — непременно одари его,
Давая им есть и пить, давай им обильную пищу,
Пусть они не порицают тебя среди народа,
Твое имя не погибает, когда народ его видит».

Основную силу своего государства караханиды видели в оседлом населении. Поэтому такое же благожелательное отношение, как к ремесленникам, поэма Хаджи Юсуфа проявляла и к земледельцам, и особенно к купцам. С кочевыми племенами караханиды стремились поддерживать дружеские отношения.

«Кроме этих, существуют еще скотоводы,
Они надзирают за табунами лошадей,
Это очень правдивый род людей,
Но мудрости они не имеют....
Очень полезен этот род людей,
Обходись с ними очень хорошо...
Если ты общаешься с ними, то сдерживай себя,
Так как они постоянно без законов и направляющей нити.
Говори им хорошие слова, но не называй их друзьями».

Другим крупным сочинением явился составленный в 1072 г. Махмудом Кашгарским словарь тюркских слов «Дивани-лугат-ат-тюрк». Сочинение это не только свидетельствует об исключительно больших познаниях автора в области быта и культуры народов Семиречья; но и в части языкознания.

Приведенные данные о культуре караханидов с несомненностью позволяют утверждать, что Киргизстан в XI — XII вв. достиг большого культурного расцвета.

Нашествие кара-китаев и падение династии караханидов.

Несмотря на обширные размеры и подъем материального производства, Караханидское государство было непрочным. Оно составилось из различных народностей, и по уровню развития, и по верованиям, и по языку неоднородных. Политический строй государства строился на удельной системе. По мере роста материального производства, экономического укрепления отдельных областей их правители пытались стать независимыми от своего верховного сюзерена. Так, источники неоднократно отмечают борьбу иссыккульского

правителя Янал-Тегина против хана Ибрагима. Эта борьба за политическое обособление сочеталась со стремлением феодалов овладеть верховным престолом. Феодальная раздробленность караханидского государства и внутренняя междоусобная борьба привлекали внимание соседних с караханидами народов, которые, пользуясь этой раздробленностью, не раз пытались нанести удар своему сильному соседу.

Первый такой удар в области Аму-Дарьи нанесли караханидам сельджуки, но решило судьбу караханидского государства завоевание народом тунгусо-манчжурского происхождения — кара-китаями.

Еще в X в. кара-китаи образовали в Северном Китае сильное государство Ляо. Они приняли китайскую религию — буддизм. В конце XI в. их вытеснили из Северного Китая племена джуржени, предки современных манчжур, создав на месте династии Ляо новую китайскую династию Цзинь. Кара-китаи оттеснили в 924 г. киргизов из степей Монголии, но их попытка проникнуть на Енисей окончилась неудачно: киргизы отбросили завоевателей от пределов своих владений. Кара-китаи должны были уйти к берегам р. Эмиля, где и поселились с разрешения караханидского владетеля. Несомненно, что часть кара-китаев проникла на территорию Семиречья еще раньше, в X в.

Борьба в Семиречье, в частности, восстание племен карлуков и канглы заставила правителя города Баласагуна призвать на помощь кара-китаев.

Предводитель кара-китаев Елюйдаши принял предложение баласагунского владетеля и подавил восстание кочевников. Но вместе с тем, воспользовавшись победой, он низложил караханидского правителя, вслед за этим овладел Семиречьем и образовал империю западных кара-китаев Ляо со столицей в Баласагуне.

Около Баласагуна был построен по существу новый город — каракитайские кварталы со дворцом каракитайского сюзерена, носившего титул «гурхан». Около дворца гурхана был воздвигнут буддийский монастырь. Город Баласагун был переименован каракитаями в Хосун-Орду, или Хото, что буквально значит: «дом».

Каракитайский гурхан в своей империи ликвидировал удельную систему караханидов. Он посылал к местным правителям сборщиков дани, которые организовали новую систему сборов по типу китайской, в основу которой была положена подымная или подворная подать.

Впоследствии кара-китаи подчинили себе Восточный Туркестан и всю Среднюю Азию вплоть до Хорезма. Этот период наибольшей экспансии кара-китаев относится к 1171 г., когда они в районе Самарканда нанесли поражение сельджукскому султану Синджару.

С кара-китаями связано образование целого ряда новых посе-

лений; одно из них обнаружено у нынешнего селения Ворошиловского.

Около современного селения Александровского, рядом с гончарными мастерскими, было раскопано кладбище кара-китаев. В могилах обнаружено большое количество изделий из нефрита, высоко ценившегося на востоке полудрагоценного камня, добыча которого была сосредоточена главным образом в Восточном Туркестане, в оазисе Хотан. Аналогичные находки из нефрита — памятники каракитайской культуры — были обнаружены также и на правом берегу р. Чу в развалинах, видимо, древнего города Якакента, около местечка Кысмычи. Среди археологических находок встречаются изделия из фарфора, который проник из Китая на территорию Средней Азии при кара-китаях. Следы все той же каракитайской (равно как и караханидской) культуры были обнаружены к северу от Семиречья в бассейне р. Или, в частности, в городе Койлыке—карлукском центре времен караханидов и кара-китаев, который был расположен в бассейне р. Коксуи Каратала, в местечке Дунгене, около современного селения Талды-Курган.

Очевидно, что во время кара-китаев городская культура Чуйской долины проникла в северные районы, в бассейн р. Или. Городская культура распространилась и на юг, на территорию Тянь-Шаня. Вместе с этим происходил процесс дальнейшего разветвления торговых путей и включения районов р. Или и Тянь-Шаня в культурную и хозяйственную жизнь Семиречья.

Буддизм являлся верой завоевателей — кара-китаев. Кочевое население оставалось по преимуществу шаманистами. Основная масса оседлого населения завоеванных гурханами областей, а также их феодальные правители являлась мусульманами, нетерпимо относившимися к другим вероисповеданиям. Впоследствии различие в вероисповедании было использовано местными правителями как знамя борьбы против кара-китаев. При кара-китаях в Семиречье широко распространилось христианство, которое принесли с собой несториане. В Кашгаре была создана митрополия, и кашгарский митрополит носил титул митрополита Кашгара и Невакета.

После смерти первого гурхана правителями кара-китаев были женщины, среди которых особенно выделялась своей энергией Босыхуань. При ней кара-китаи приняли участие в борьбе между Хорасаном и Мервом и временно овладели городом Балхом в Афганистане, где был оставлен наместником тюркский князь. В 1172 г. кара-китаи активно вмешались в дела Хорезмского оазиса и возвели на Хорезмийский престол некоего Текеша. В 1193 г. кара-китаи под предводительством Танику опять вмешались в дела Хорезма, но на этот раз довольно неудачно.

К началу XIII в., несмотря на победу кара-китаев в 1204 г. над гуридами (мусульманская династия Афганистана) в связи со вступлением на престол в Хорезме энергичного правителя Муха-

меда, кара-китаи начинают терять свое политическое могущество в Средней Азии. Успехи Хорезмского хана Мухаммеда в известной степени были предопределены вторжением на территорию Семиречья кочевавшего до того в Западной Монголии племени найманов под предводительством Кучлука.

Кучлук появился в Семиречье, когда против гурхана составилась сильная коалиция мусульманских правителей Средней Азии, начавших борьбу за свержение господства кара-китаев под лозунгом ислама, борьбы против «неверных». По существу эта борьба явилась результатом стремления среднеазиатских владетелей освободиться от верховной опеки гурханов.

Кучлук. Кучлук, совместно с карлукским ханом Мамду, выступил против кара-китаев. В 1209 г. он овладел Узгеном. В 1210 г. против кара-китаев выступил хорезмский шах Мухаммед совместно с самаркандским ханом. В степи Иламыш, очевидно, где-то недалеко к западу от Таласа, в августе—сентябре 1210 г. произошла схватка между кара-китаями, которыми предводительствовал Танику, хорезмским шахом Мухаммедом и его союзником самаркандским ханом. Несмотря на то, что Танику был взят в плен, битва в степи Иламыш по существу кончилась вничью. Однако каракитаи отступили, но при приближении к Баласагуну встретили сильное сопротивление со стороны жителей этого города. После взятия Баласагуна кара-китаи устроили дикую резню, «было убито только одних именитых и уважаемых людей свыше 7 тысяч человек». Каракитайские войска потребовали от гурхана казны. Гурхан отказал. Тогда в войске против него поднялось возмущение. Этим ловко воспользовался Кучлук и оказал гурхану поддержку. В результате гурхан сохранил свое звание, но власть он потерял. Регентство, а вместе с ним и фактическое господство перешло к Кучлуку. Кучлук оставался полным хозяином края до 1218 г.

Укрепившись в Семиречье, Кучлук решил привести в повиновение жителей Восточного Туркестана; чтобы заставить их признать свое владычество, он в 1211—1214 гг. систематически четыре раза отправлялся в Восточный Туркестан во время сбора урожая и истреблял весь урожай. Созданный таким образом голод заставил жителей Восточного Туркестана покориться Кучлуку, но вместе с тем вызвал нескрываемую злобу против этого жестокого правителя. Ненавидели Кучлука и мусульманские правители Семиречья и Средней Азии. Когда в 1211 г. монголы овладели северной частью Семиречья, к ним присоединился карлукский Арслан-хан, а городом Алмалыком в Восточном Туркестане овладел Бузар. Последний принял титул хана, женился на внучке Чингис-хана (дочери Джучи) и стал вассалом Чингис-хана. В 1218 г. монголы во второй раз выступили против Кучлука под предводительством Джебе-Нойона. Бежавший Кучлук был

пойман и убит в Сарыколе. Гурхан умер несколько позднее, в 1220 г.

Так закончилось владычество каракитайских гурханов и узурпатора Кучлука на территории Семиречья.

Фергана в домонгольский период.

Связь между Северной и Южной Киргизией достовернее устанавливается археологическими памятниками, начиная с эпохи усуней, причем, несомненно, что в эту же пору в Фергану проникло влияние тюркских кочевников. После завоевания Ферганы, в частности Южной Киргизии, кушанами здесь заметное развитие, наряду со скотоводством, получает земледелие и горнодобывающий промысел. Местные племена разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз и овец. Особенной славой пользовались лошади Ферганской долины. Жители Ферганы обитали в укрепленных городищах, обнесенных валами. При кушанах земледелие и ремесленные центры проникли в горные долины.

Во время кушанов Фергана, в том числе и Южная Киргизия (современные Джалал-Абадская и Ошская области), обладала высокой для того времени культурой. Центром ее был город Гуйшань, современный Касан. В VI — VIII вв. Фергана имела 6 больших городов и около 100 малых. В середине VII в. Ферганой владел кушанский род Чжау-ву, верховным владетелем ее был Алиги. В то время столица Алиги имела 4 ли (т. е. около 2 км) в окружности. Вся страна была известна не только своим скотоводством и земледелием, но и богатством естественных ископаемых, в частности, киноварью, золотом и железом.

Археологические памятники, открытые в Южной Киргизии по течениям рек Ак-Бура, Куршаб, Кара-Дарья и других более мелких, показывают очень большую заселенность Ферганы, несомненное преобладание, во всяком случае в этих районах, земледельческого населения над скотоводческим.

В VII в. по пути, проложенному усунями, в Фергану проникла значительная группа тюркских племен Тянь-Шаня, и между 649 и 656 гг. в Фергане властвовали по существу две династии: во-первых, представители кушанской династии Аляошень в городе Хумынь и, во-вторых, тюркский каган Ебочжи (из конфедерации дулу), живший в городе Гесай, впоследствии переименованном в Хюсюнь. Ебочжи установил непосредственные связи с Китаем и в 656 г. был признан владетелем края. Аляошень вынужден был признать себя вассалом Ебочжи. С той поры Фергана тесно связывается с жизнью тюркских владений Семиречья, в частности, Северной Киргизии. В 739 г. ферганский владетель Арслан-Тархан, происходивший из рода Чигиль, величал себя, в частности, владетелем Таласа и Якакента (р. Чу) и, по всей вероятности, владел городами Тянь-Шаня по р. Атбаш и Алабуга. Правители чигильского происхождения, господствовавшие в Фергане в VIII в., активно поддерживали военные мероприятия китайцев,

в результате чего получили китайский княжеский титул. Некоторые из них были женаты на китайских царевнах.

Важнейшим итогом этого периода в истории Ферганы является постепенное отюречивание населяющих ее кушанских племен силами тюркских народностей из конфедерации дулу и чигилей. В создании в Фергане народностей тюркского типа, являющихся предками современного ферганского населения, активная роль принадлежала племенам Киргизстана. Следует отметить, что тюркоязычные племена больше всего укрепились в горной части Ферганы, т. е. именно той части, которая входит в состав современной Южной Киргизии.

В эпоху господства в Средней Азии династии саманидов, а затем караханидской династии Южная Киргизия все более органически связывалась с экономической жизнью Средней Азии.

Уже в X в. Фергана была крупным экономическим центром Средней Азии, с широко развитой добывающей промышленностью. Столицей ее был город Ахсыкет (к западу от современного города Намангана). Она делилась на ряд самостоятельных областей. Область Миян-и-Рудан, с центром в городе Хайлама (который был восточнее Таш-Кумыра в Кетмень-Тюбе), находилась в междуречье Кара-Дарьи и Нарына, т. е. по преимуществу в пределах современной Джалал-Абадской области. В область Миян-и-Рудан входил и город Узген. По соседству находилась местность под названием Хефтедэ (буквально: «семь деревень»), где и сейчас видны развалины древних поселений.

Второй район составляла группа несайских городов, в которую входили расположенные на территории современной Киргизии города Ош и Медва (современное селение Мады), Куршаб и Некад. Северные ферганские города входили в группу вагзийских городов.

На территории Южной Киргизии наиболее крупными городами были Ош и затем Узген.Но Узген составлял лишь $^2/_3$ площади Оша, хотя при караханидах он имел, несомненно, большое политическое значение. По величине Ош считался третьим городом Ферганы. Узген в X в. имел цитадель, шахристан и рабад, где происходила оживленная торговля с тюрками, приезжавшими к Узгену через Атбаш и через перевал Яссы. Сам Узген в IX в. принадлежал тюркскому князю Чур-Тегину. К лучшим временам для Узгена относится эпоха первых караханидов, когда он был столицей мавераннахрских правителей.

Современные развалины древнего города Узгена представляют собой внушительное зрелище. Это сильно укрепленная крепость, стоящая на высоком правом берегу Кара-Дарьи и, благодаря своему естественному положению, недоступная со всех сторон, кроме восточной, откуда поднимается дорога в горы. В древности город имел четверо ворот. В Узген к Илек-хану приезжали послы Махмуда Газневида, причем перечень подарков, отправленных Илек Наср Махмуду, свидетельствует о богат-

ствах, которыми владели узгенские правители. Среди этих даров упоминаются рудные богатства, в частности, железо, сурьма, ртуть и многие другие. В число подарков входили также мускус, кони, верблюды, рабы и рабыни, белые соколы, черные меха, рог хуту, куски нефрита, китайские драгоценности. Другой караханидский правитель отправил тому же Махмуду хороших коней с золотой сбруей, рабов с золотыми поясами и колчанами, соколов и кречетов, меха соболей, белки, горностая, черных лисиц и ласок, рога хуту и китайскую парчу. Этот перечень подарков свидетельствует не только о богатствах собственно самой Ферганы, но и о тех сокровищах, которые притекали в этот край по караванным путям из различных стран. Наибольшее значение для Узгена имел караванный путь, который через Яссы, Алабугу и Атбашинскую долину связывал его, с одной стороны, с Тянь-Шанем и Северным Семиречьем, с другой—выводил в Восточный Туркестан. Естественно, что значение Узгена особенно возросло, когда он стал столицей караханидских владык.

О горных частях Южной Киргизии, как о долине Чаткала, так и об Алае, историческая наука пока может сказать очень мало. Несомненно только, что земледельческая культура не проникла высоко в горы. Горнодобывающая промышленность местного населения располагалась ближе к окраинам ферганской впадины (Хайдаркан-Багишин). Тюркские племена, населявшие эти районы, оставались кочевниками и скотоводами. С городскими центрами они были связаны меньше, чем население Тянь-Шаня. Особенно это относится к области Чаткала и некоторым районам Алая, стоящим в стороне от транзитного пути, пересекающего Южную Киргизию по трассе Ош—Суфи-Курган—Кашгар.

Фергана политически была более тесно связана с Мавераннахром, чем с Семиречьем, и с начала арабского завоевания была включена в состав Среднеазиатского наместничества халифата. В Фергане в 715 г. был убит завоеватель Средней Азии Кутейба; могила его, считавшаяся у мусульман священным местом, находится в Миян-и-Рудане. Фактически арабские наместники мало вмешивались в дела Ферганы, и в VIII — IX вв. она управлялась местными князьями со столицей в Кассане.

В X в. Фергана была связана более с государством Саманидов, чем с карлуками, во всяком случае власть последних слабо простиралась на Фергану. Только в караханидское время Фергана составила единое государственное целое с Северной Киргизией.

Несмотря на политическую обособленность Ферганы от северного Тянь-Шаня, ее население, особенно горных районов, т. е. входящих в состав современной Киргизии, находилось со времени усуней и до караханидов включительно под беспрестанным воздействием тюркских кочевников Киргизстана. Этим объясняется и тот факт, что впоследствии Южная Киргизия была заселена относительно едиными с Северной Киргизией в этническом отношении племенами и в конечном счете оказалась областью рассе-

ления тюркских же племен киргизов, составив неотъемлемую часть Киргизской ССР.

Значение караханидского периода в истории киргизского народа.

Источники, относящиеся ко времени господства караханидов и кара-китаев, почти не упоминают о киргизских племенах. Авторов исторических хроник интересовали главным образом бурные политические события XI — начала XIII вв., в которых киргизские племена Тянь-Шаня не играли решающей роли. Тем не менее время господства в Средней Азии караханидов, а затем кара-китаев имеет важное значение в истории киргизского народа. Утеря карлуками политического господства, разгром караханидов кара-китаями, последующее падение господства кара-китаев под ударами грозных монгольских завоевателей и борьба между владетелями Средней Азии вызвали новую волну передвижения разбитых племен в горные районы Тянь-Шаня. Это усложняло этнический состав населения на Тянь-Шане. Материальная и духовная культура, верования, хозяйственные навыки усложнялись в связи с новыми пришельцами. Все это обогащало то содержание материальных и духовных ценностей, которое впоследствии было ассимилировано киргизскими племенами и вошло органической частью в культуру и быт киргизского народа.

Рассматриваемый период был важен в истории киргизского народа и потому, что в это время в основном был завершен процесс отюречивания племен, населявших Южную Киргизию (Фергана). Тем самым была создана относительная этническая однородность племен, населявших современную Северную и Южную Киргизию, что явилось важным моментом в образовании единой киргизской народности.

Но особенно существенным в жизни киргизского народа явилось создание среди кочевых племен Семиречья и Тянь-Шаня однородных социально-экономических отношений. В караханидское время окончательно складываются патриархально-феодальные отношения, особенностью которых были значительные пережитки патриархального быта. Тем самым была создана та основа, на которой могло произойти слияние многочисленных племен в единую народность в XV — XVI вв. Упрочение здесь патриархально-феодальных отношений позволяло конгломерату хотя бы и однородных в этническом отношении племен в ближайшие столетия превратиться в новое этническое целое — народность. Племенами, которые ассимилировали богатое материальное и духовное наследие местных тюркских племен, в силу ряда исторических условий, явились киргизские племена, которые дали новой народности свое название.

ГЛАВА IV

КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН ПОД ИГОМ МОНГОЛЬСКИХ И КАЛМЫЦКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

§ 8. КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ

Выступление монголов.

Монгольские племена населяли обширные степи Внешней и Внутренней Монголии. Часть из них кочевала в Северной Манчжурии, которая в конце XII в. находилась под властью Китая. Не подлежит сомнению военно-демократический характер монгольского общества того времени и то, что Чингис-хан, выступивший в качестве предводителя монголов, вначале был не более как вождем военно-демократического союза монгольских племен. Однако успешная борьба, которую вел Чингис, укрепила его положение и дала ему возможность объявить себя по аналогии с китайскими правителями императором. Фактически с 1206 г., т. е. с того момента, когда он на курултае монгольской знати провозгласил себя монгольским ханом, военно-демократический союз племен получил иную организацию по типу кочевых феодальных государств. Возможность такого превращения была заложена в зарождавшихся в монгольском обществе ранне-феодальных отношениях, превращения свободных членов общин — харачу в людей, феодально зависимых от родовой знати, — нойнов.

Начало деятельности Чингис-хана было связано с объединением под своей властью монгольских племен, прежде всего Кераитского союза (1203 г.) и несколько позже Найманского, окончательно покоренного в 1206 г., хотя первый удар найманам Чингис нанес еще в 1199 г., когда Ван-хан кераитский являлся еще его союзником. Кераиты после их разгрома Чингис-ханом бежали на юг, найманы—на север, а часть их совместно с меркитами бежала на запад. Предводитель меркитов Тунта-Беги весной 1207 г. дошел до реки Кеми и, вступив в страну киргизов, овладел всеми их пятью родами. Но пришедший в том же 1207 г. вслед за меркитами Чингис-хан потребовал у киргизов покорности и признания его власти. Киргизские правители отправили к Чингис-хану посоль-

ство и покорились завоевателю. Подчинение киргизов монголам было вынужденным.

Как рассказывает историк монгольской эпохи Рашид-Эд-дин, хотя киргизы первоначально и покорились монголам без сопротивления, но к 1218 г. дело дошло до войны. В это время против монголов вспыхнуло восстание байкальских народов, туметов и байлуков. Чингис-хан потребовал, чтобы киргизы дали войско для подавления восстания. Те отказались. Джучи-хан, старший сын Чингиса, посланный для приведения киргизов к покорности, выслал вперед авангард под предводительством некоего Бука, но тот ограничился только тем, что оттеснил киргизов в глубь их страны. Препятствием для дальнейшего продвижения в страну киргизов, как следует из рассказа Рашид-Эд-дина, были естественные преграды их страны. Джучи, однако, не удовольствовался действиями Бука и, воспользовавшись замерзшей р. Кемень, покорил киргизов. Тот факт, что предания тяньшанских киргизов сохранили воспоминание о Джучи-хане, дает основание полагать, что киргизы не только на Енисее, но и на Тянь-Шане действительно имели непосредственные отношения с этим завоевателем; какая-то часть их пришла на Тянь-Шань вместе с Джучи-ханом точно так же, как их предки переселились сюда в период завоеваний кара-китаев. Это подтверждается китайской хроникой Юаньши, которая отмечает, что киргизы на Енисее в то время были весьма немногочисленны. Если цифра Юаньши в 9 тысяч семейств киргизов и преуменьшена, то все же, считаясь с малонаселенностью Минусинского края, можно сделать вывод, что в XIII в. уход киргизов с территории Сибири был весьма значителен.

Рашид-Эд-дин и Юаньши сообщают, что в стране киргизов сохранились города и что там было развито земледелие. А знаменитый путешественник, буддийский паломник Чань-чунь, добавляет, что в области киргизов «добывают доброе железо и водится много белок, там также сеют пшеницу... Китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковой материи, флера, парчи и цветной материи». Это сообщение Чань-чуня подтверждается и данными археологии: на Енисее при раскопках было обнаружено много предметов ремесленного производства.

Чингис-хан, покорив киргизов, в отличие от обычных его завоеваний, обеспечил относительную сохранность их страны и даже способствовал дальнейшему развитию здесь земледелия. Он отправил в страну киргизов уйгура Чингая, который должен был принять меры к расширению земледелия Минусинского края. Тем самым монголы обеспечили себе новый источник хлеба. Это было необходимо для готовившегося похода в Семиречье: монголы имели теперь в своем тылу хлебные амбары, обеспечивающие питание их войск.

В том же 1218 г., когда были покорены киргизы и целый ряд племен, окружавших их, на юге была завершена военная экспеди-

ция против Китая. У Чингис-хана освободились войска, и он мог начать поход против Семиречья.

Монголы в Семиречье.

На территории Семиречья монголы вначале были встречены почти без сопротивления. Так, без борьбы сдался город Баласагун, за что был пощажен и назван — Гобалык, т. е. счастливый город. Но города, стоявшие дальше на запад, оказали завоевателям сопротивление и подверглись сильному разгрому.

Следует заметить, что высказанное в литературе мнение о том, что Семиречье и Восточный Туркестан в силу добровольного подчинения монголам нисколько не пострадали от монгольского нашествия, не соответствует действительности. Археологические раскопки на территории Семиречья показывают, что, как правило, верхние культурные слои городищ относятся в основном к караханидской эпохе и уже в первые десятилетия владычества монголов на территории Семиречья произошло их разрушение. Письменные источники после монгольского завоевания также совершенно не говорят о том множестве городов, о которых свидетельствовали авторы X—XII вв. Повторяется лишь упоминание о городе Баласагуне в Чуйской долине и городе Таразе под названием Яны на р. Таласе.

В первые годы завоевания еще сохранились некоторые поселения Илийской долины, в частности, город Койлык и безымянное городище на р. Талгар, около современного города Алма-Ата. Но монгольский удар привел к резкому сокращению числа городов и их опустению и в этом районе. Правда, некоторые свидетельства послов первых годов завоевания говорят о Семиречье как о крае, мало пострадавшем от нашествия. Елюйчуцай — китайский министр упоминает о городе Алмалыке, которому были подчинены 7 городов. Илийская долина была земледельческим центром, где жители возделывали пять родов злаков. Отмечаются города и в Чуйской долине. Аналогичную картину рисует и посол Чжурчженьского императора Вугусунь. Характеристика Семиречья, данная проезжавшим в 1221 г. через эти места китайским отшельником Чан-чунь, мало чем отличается от характеристики его предшественников. Он описывает этот край изобилующим земледельческими культурами. Здесь, кроме возделывания хлеба, занимались виноградарством и шелководством. Богатая оросительная система и пользование чигирями для полива полей свидетельствуют о высоком уровне земледельческой культуры.

Так же, как и его предшественникам, Чан-чуню бросилось в глаза прежде всего обилие и преобладание сельских поселков над городами.

Большое количество населения погибло. Это особенно относится к кара-китаям. Повидимому, в связи с борьбой монголов с Кучлуком и гурханом много кара-китаев было уничтожено завоевателями, многие из них бежали в высокогорные районы Тянь-

Шаня, а оставшиеся, по свидетельству Вугусуня, «приняли одежду и обычаи хойху», т. е. мусульман.

Не случайно, что каракитайские кварталы города Баласагуна, как это известно из археологического исследования, носят характер явно намеренного, методического и полного разрушения. И очень скоро, на протяжении лишь 32 лет, т. е. до 1253 г., произошло резкое изменение экономического облика Семиречья, в том числе и Киргизстана.

Уже для 1246 г. в описании Плано Карпини, который посетил ставку старшего сына Джучи у оз. Алакуль, отсутствуют прямые указания на городскую жизнь в Семиречье, а сообщение Рубрука, *посетившего этот край в 1253 г., не только красноречиво* говорит о небольшом количестве городов Семиречья, но дает очень красочное описание того, как пришли в запустение многолюдные города прошлого, как упала здесь земледельческая культура и пашни превратились в пастбища. Слова Рубрука в отношении Илийского края, в частности, города Койлыка, весьма характерны:

«На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».

К. Маркс объяснял разрушительную деятельность монголов тем, что они «действовали соответственно их способу производства; *для скотоводства большие необитаемые пространства* являются главным условием» [1]. Действительно, Семиречье являлось выгодным местом для пастбищ кочевников. Все эти земли были расчищены для пастбищ, а ранее цветущие города и селения превращены в развалины и пепелища. Поэтому можно утверждать, что завоеванием монголов был положен конец оживленной городской жизни Семиречья. Население городов было частью уничтожено, и только ремесленники получили пощаду и были частью уведены в плен в ставку монгольских ханов. После монгольского разгрома Семиречье становится снова, как и до согдийской колонизации, областью исключительного господства культуры кочевников. Значительно пострадали не только города и *земледельческие поселения, но и скотоводческие районы.* Много скота было уничтожено и угнано завоевателями, население мобилизовывалось на принудительные работы. Производительные силы Киргизстана были подорваны. Местная знать постепенно сближалась с завоевателями. Но в отличие от северных областей Семиречья, которые ныне входят в состав Казахской ССР, прослойка монгольской знати в Киргизстане отсутствовала. Здесь не сложилась степная аристократия—султаны, причислявшие себя к потомкам Чингис-хана.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к критике политической экономии. Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

Повидимому, монголы оставили управление киргизскими племенами в руках родовых биев и ограничивались взиманием дани и мобилизацей населения на трудовые повинности (строительство дорог, облавные охоты и т. д.), а также в свои вооруженные отряды.

Семиречье при потомках Чингиса. Чагатай

Если до великого хана Угедея (1229—1241 гг.) единство Монгольской империи в какой-то мере сохранялось, то после него Монгольское государство распалось на ряд по существу самостоятельных государств. Еще при жизни Чингис-хана (он умер в 1227 г.) его трем сыновьям—Тулую, Джучи и Чагатаю—были выделены уделы «инджу». Киргизы сначала входили в удел Тулуя, впоследствии киргизами Енисея владел Джучи. Основная часть Киргизстана входила в удел Чагатая, занимавший Восточный Туркестан и Среднюю Азию. Северная часть Семиречья входила в состав удела Джучи. Земли, отведенные Чингис-ханом его сыновьям, при его жизни не представляли собой самостоятельных государств, а были только источниками дохода. Важным источником дохода монгольских царевичей были ремесла, продукция которых по существу была личной собственностью этих царевичей.

Вот почему ремесленники и среди них огромное количество христиан-несториан получили в условиях монгольской империи мало-мальски сносные условия существования. Чагатай не жил в Мавераннахре. Он кочевал в Семиречье, и его резиденция находилась в бассейне реки Или. Покровительствуя несторианам, он не доверял местному мусульманскому населению, в котором видел людей, затаивших злобу к завоевателям. Хотя Чагатай нетерпимо относился к религии мусульман, но в то же время он содействовал подрыву их экономической мощи. Частые казни мусульман не были исключением, и даже известный мусульманский ученый Абу Якуб-Юсуф-Секаки был, по приказанию Чагатая, казнен в 1229 г. Лишь богатые купцы-мусульмане пользовались покровительством Чагатая. Одним из влиятельных лиц при Чагатае был мусульманский купец Кутб-ад-Дин Хабаш-Амид. Монголы выдали за него замуж дочь хорезмшаха Мухаммеда, вторая его дочь досталась самому Чагатаю.

О большом количестве христиан в Чуйской долине и на Иссык-Куле говорят найденные в районе современных городов Фрунзе и Токмак, а также в ущелье Зауке (Джуука) на Иссык-Куле большие несторианские кладбища. Рубрук отмечает около Койлыка селение, в котором все жители были несторианами и имели свою церковь. На берегу Иссык-Куля был армянский христианский монастырь. Марко Поло даже говорит, что якобы сам Чагатай принял христианство.

Политические трения на религиозной почве, возникшие между христианами и мусульманами, при явном покровительстве Чагатая христианам, дополнялись еще и соперничеством с мусуль-

манами уйгуров, которые в большинстве случаев были либо христианами, либо буддистами — в обоих случаях ожесточенными врагами мусульман.

Уйгуры имели большое влияние на монгольских ханов. Известно, что культура уйгуров оказала решающее влияние на культуру монголов. В частности, уйгуры передали монголам свое письмо, и монгольское письмо является ничем иным, как уйгурским с весьма незначительными изменениями. Уйгуры вели всю переписку монгольского двора.

Немногочисленные находки археологов, относящиеся к монгольскому периоду, очень ясно характеризуют паразитический характер ставок монгольских царевичей. В состав мастеров ставок монгольских ханов отбирались лучшие мастера из огромного количества завоеванных городов, попавших под монгольское владычество. Ремесло монгольских ставок вырастало на основе разрушения старых городских центров, а не являлось результатом органического роста производительных сил монгольского общества. В этом заключался паразитический характер ставок монгольских ханов. А так как ремесленники свозились сюда из различных областей с далеко неоднородной культурой, то, естественно, искусство монгольских ставок получило эклектический характер, в котором бессистемно переплетались элементы как западного, так и восточного искусства.

Покровительство торговле, которое оказывали первые монгольские владыки, в частности, Чагатай (например, безупречная организация почты, которая могла в течение суток пройти до 150 км), не обеспечивало экономического благополучия завоеванных областей.

Следует отметить, что до известной степени Чагатай покровительствовал и науке, хотя она имела чисто дворцовый характер.

Сильное обеднение населения, с которого взимали очень высокие подати, произвольно увеличиваемые штатом чиновников и сборщиков податей — дарукчи, натуральные повинности (поставка людей в военные отряды, наблюдение за дорогами, обслуживание почты и др.) — все это было очень тяжелым ярмом для местного населения, и его обнищание шло исключительно бурными темпами. Киргизы на Тянь-Шане в этот период были настолько придавлены и экономически разорены, что не могли играть заметной политической роли в жизни своей страны. Поэтому исторические источники нигде не сохранили о них сведений вплоть до XVI в.

Экономический упадок был усилен после смерти наиболее сильных правителей, наследников Чингис-хана — Угедея и Чагатая, феодальной, междоусобной борьбой претендентов на верховную власть.

Межфеодальные войны XIII в.

В 1241г. состоялся курултай монгольской знати, на котором сын Угедея Гуюк был провозглашен великим ханом, т. е. верховным владыкой монголов. Гуюк продолжал проводить антиисламскую политику Чагатая. В Киргизстане в это время фактически управляла ~~докая женщина~~ Тугаши — жена личного друга Гуюка Есу-Мунке, сына Чагатая.

Не все монгольские ханы признали верховную власть Гуюка. Уклонился от признания власти Гуюка правитель улуса Джучи— Батый. В борьбе с Гуюком Батый опирался на племена южного Семиречья, т. е. киргизов. В горах Ала-Тоо, в местечке Аламалык, постепенно накапливались силы для борьбы с великим ханом. Батый умело использовал недовольство мусульманского населения политикой Гуюка. Однако военного столкновения между Батыем и Гуюком не произошло вследствие смерти в 1248 г. великого хана. Курултай для выбора нового хана был созван в Кара-Коруме (Монголия), где под давлением Батыя был возведен на престол Мунке, правитель Чагатайского улуса. Мунке и Батый поделили власть между собой. Сам Мунке (внук Тулуя) говорил венецианскому послу Рубруку: «Как солнце распускает свои лучи, так власть моя и Батыева простирается на все страны». Граница сфер влияния Батыя и Мунке проходила несколько восточнее Таласа, причем, Киргизстан входил во владения Мунке. Наместником в бывших землях Чагатайского улуса, в том числе и на территории Киргизстана, фактически была Эргене — вдова Хара-Хулагу (внука Чагатая). Поскольку она была ставленницей Мунке и тем самым Батыя, она не могла не быть покровительницей мусульманства, ибо покровительство исламу было важным условием победы батыевской оппозиции над чагатаевскими тенденциями Гуюка.

Во время Мунке и Батыя произошло оживление культурно-политических связей Семиречья с западом и с Китаем. В это время Семиречье посетил Рубрук (1253 г.), а в 1255 г. приезжал армянский царь Гайтон. Семиречье описывает также китаец Чжандэ, приезжавший сюда в 1259 г. Ранее приведенные слова Рубрука относительно состояния Илийского края и Семиречья в целом подтверждаются Гайтоном и Чжандэ, свидетельствующими об исчезновении земледельческой культуры и о бесчисленном количестве развалин древних городов.

Со смертью Мунке в 1259 г. вновь началась междоусобная борьба между двумя претендентами на монгольский престол. Борьба происходила между Хубилаем и его младшим братом Арик-бука.

Воспользовавшись временным отвлечением сил Хубилая волнениями в Китае, Арик-бука занял Семиречье. В 1263 г. он установил свою власть и на территории Киргизстана, причем ставка влиятельных лиц его лагеря, в частности известной Эргене, нахо-

дилась в долине Атбаш. Но этот временный успех был подорван голодом 1264 г., когда Арик-бука вынужден был признать Хубилая ханом всей Монгольской империи. Однако, власть Хубилая, как великого хана, была номинальной. Фактически Хулагу в Персии, Алгуй в Средней Азии и Беркай (брат Батыя) во владениях джучидов были самостоятельными государями. Союзником Беркая в Средней Азии был внук Угедея Хайду.

Во времена войны Хубилая с Арик-бука Хайду был вначале на стороне Арик-бука, но затем занял самостоятельную по отношению соперников позицию, полагая, что он, как внук Угедея, больше, чем Хубилай или Арик-бука, имеет прав на первенство в империи. Последнее основывалось на предании, что по завещанию Чингис-хана его престол не должен переходить в другие руки, пока в живых будет хотя бы один потомок Угедея.

Воспользовавшись ожесточенной междоусобной борьбой феодальных группировок, Хайду утвердил свою власть первоначально в Семиречье и восточной части Сыр-Дарьинской области. В 1258 г. он одержал победу над владельцем Средней Азии и Восточного Туркестана Бараком. Война между Хайду и Бараком закончилась договором о дружбе между обоими ханами, заключенным на курултае, который собрался на р. Талас в 1262 г. В положении этого курултая очень ясно отразились основные принципы политики Хайду. Согласно этим положениям, монгольские царевичи были обязаны жить или в городах, или в степях, но не выпускать свои стада на пашни, не брать с жителей ничего, кроме узаконенных податей, а также доходов с принадлежащих им ремесленников.

Такая политика Хайду была вызвана угрозой полного экономического упадка его владений, в том числе и Киргизстана. Надо было обуздать произвол сборщиков податей и отдельных феодалов, чтобы восстановить экономическую жизнь страны и тем самым сохранить и политическое могущество ханства. Той же причиной объясняется и относительно мирная политика Хайду. Располагая прекрасно организованным войском, он занимался только обороной своих владений, не предпринимая завоевательных походов. Этим он приобрел себе высокую оценку в сочинениях мусульманских авторов и, несомненно, симпатии со стороны оседлого городского населения, которое при его правлении достигло известного подъема. Поддерживать мир Хайду удавалось с большим трудом. Отдельные монгольские правители неоднократно пытались нарушить постановление курултая. Особенно трудно было в этом отношении совладать с многочисленными царевичами из дома Джучи, неоднократно пытавшимися отойти как от Хайду, так и от Золотой Орды. Хайду умер осенью 1301 г. Наследником стал его старший сын Чапар, ближайшим помощником которого, как и в последние годы правления Хайду, явился Тува, сын Барака. Чапар и Тува пытались продолжать мероприятия Хайду, на-

правленные на ликвидацию междоусобных войн и особенно борьбы между кочевниками и земледельцами. Но поскольку последняя задача была связана с необходимостью восстановить единство государства, это не могло не вызвать продолжения междоусобиц. Вся последующая история, особенно после смерти Тувы в 1307 г., связана с бесконечной борьбой царевичей за власть, причем основной территорией борьбы была область от берегов Таласа до Иртыша. Эта борьба крайне пагубно отразилась и на жизни племен Киргизстана. Попытки отдельных правителей продолжать политику Хайду не увенчались реальными результатами. В итоге этих бесконечных войн сильно пострадали земледелие и торговля.

И писатель первой половины XIV в. Аль-Омари имел все основания сказать: «В пустыне теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенные селения, окрестности которых покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к ним в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыми. Все жители страны — кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

В конце 30-х годов XIV в. в Семиречье сложилось исключительно тяжелое внутреннее положение: чума 1338 — 1339 гг. унесла в могилу много человеческих жизней. Усугубилась и междоусобная борьба между мусульманами и сторонниками христианства, которое находило поддержку у чагатайских ханов. Борьба завершилась гонениями против христиан и их мученической смертью в 1339 г. Все это привело к дальнейшему опустошению страны и подорвало власть монгольской знати и чагатайских ханов. Чагатайские ханы в Мавераннахре становятся лишь подставными лицами. Реальная власть перешла в руки тюркских эмиров. Власть монгольских ханов в какой-то степени продолжала сохраняться лишь в Семиречье. С этой поры, т. е. с середины XIV в., Семиречье вошло в состав нового государства — Могулистана.

Государство кочевников в Семиречье. Могулистан.

Основателем Могулистана был монгольский эмир Пулатчи. Не будучи сам знатного происхождения, он возвел на престол Токлук-Тимура (1343 — 1362 гг.). Новое государство, носившее название Монголай-Субэ, при его основании включало часть Восточного Туркестана от Кашгара до Кучи и часть Семиречья к югу от озера Иссык-Куль. Но при Токлук-Тимуре границы Могулистана были значительно расширены. В него вошли также земли от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Ферганы и Балхаша. В состав Могулистана входили и тяньшанские киргизы.

Несмотря на временный захват Мавераннахра, Токлук-Тимуру не удалось восстановить единство Чагатайского государства. Не удалось ему преодолеть и вражду оседлого населения Сред-

ней Азии к кочевникам Семиречья. В глазах мусульманского оседлого населения страна, занятая кочевниками, именовалась страной разбойников — джете. Правившие после Токлук-Тимура ханы Могулистана сохранили власть лишь над кочевыми районами Средней Азии. Могулистан выступал как государство, в котором преобладали интересы знати кочевых общин. Его составляли постоянно враждовавшие и мало связанные между собой племена, в том числе и киргизские. Могулистан, достигший при Токлук-Тимуре наивысшего расцвета, после его смерти в 1362 г. вновь был объят междоусобицей.

С 70-х годов XIV в. в Могулистане начался период бесконечных междоусобных войн, которыми воспользовался тюркский эмир Тимур, к 1370 г. ставший уже полновластным хозяином Мавераннахра.

Тимур в Семиречье.

Походы Тимура в Семиречье начались в 1370 — 1371 гг., когда он дошел до Кочкара. Для Тимура Семиречье было важно, во-первых, как плацдарм для задуманного им похода в Китай; во-вторых, покорение кочевников обещало обеспечить безопасность оседлых земледельческих оазисов Мавераннахра. Закрепления своей власти среди кочевников он стремился достигнуть не только путем военных походов и создания военных лагерей и крепостей, но и путем строительства мечетей и мазаров в их стране в целях пропаганды ислама.

Памятником деятельности Тимура в областях, занятых кочевниками, является ряд городов, восстановленных Тимуром и превращенных им в неприступные крепости. Таковы были: город Шельджи у Капкинского ущелья, на левом берегу Таласа, и город Ашпара около современного селения Чалдывар, против ущелья того же названия, и целый ряд других более мелких городов. К мечетям, созданным по повелению Тимура, относится прежде всего мечеть Ходжа-Ахмеда Яссеви в Туркестане, построенная в 1397 г. К этому же времени — XIV в. — относится также мазар Кенизек-Хатун, приписываемый киргизами батыру Манасу.

Строительство Тимура в Семиречье отличалось исключительной монументальностью. Так, например, стены выстроенной Тимуром цитадели города Ашпара имели высоту до 18 м., а стены шахристана — до 6 — 8 м.

В 1375 г. Тимур из Сайрама дошел до Чарына (левый приток реки Или) и, завоевав племена, расположенные по берегу Или, через Кастек прошел в Атбаши, где восстановил древний город того же названия (развалины, именуемые ныне Коной-курган), и затем через перевал Яссы вернулся в Узген.

В 1376 г., пользуясь походом Тимура в Хорезм, хан Могулистана Камар-ад-Дин (брат Пулатчи) вторгся в Фергану, но скоро, как только узнал о возвращении Тимура, вынужден был от-

ступить к Атбаши. В последующем, 1377 г., Камар-ад-Дин был разбит Тимуром. На этот раз Тимур дошел до Кочкора. После этого в течение нескольких лет он не вторгался в Семиречье. Только в 1383 г. войска Тимура, легко разбив могулистанцев, прошли мимо Иссык-Куля в горы Кок-Тепе и, не найдя там Камар-ад-Дина, вернулись в Самарканд. Власть Камар-ад-Дина в борьбе с Тимуром была значительно поколеблена. С 1388 г. стало заметно возрастать среди могулистанских племен влияние Хызр-Ходжи, сына Токлук-Тимура, тайно воспитанного в горах.

К концу 80-х годов в Могулистане одновременно царствовали уже два хана — Камар-ад-Дин и Хызр-Ходжа. В 1389 г. Тимур снова предпринял поход в Могулистан и вторгся в пределы северного Семиречья. Во время этого похода Тимур дошел до Иртыша и Аягуза и вышел в Восточный Туркестан до Карашара. В 1390 г. Тимур отправил войска для преследования Камар-ад-Дина, бежавшего на Балхаш. Его войска прошли из Ташкента на Иссык-Куль через горы Кок-Тепе, затем через урочища Алматы и реки Или и Каратал дошли, видимо, до самого Алтая, носившего в то время древнее название Толес. Во время этого похода Камар-ад-Дин, убегая от войск Тимура, пропал без вести. В Могулистане утвердилась власть Хызр-Ходжи.

Хызр-Ходжа добился в 1397 г. мира с Тимуром, закрепленного выдачей за Тимура замуж его сестры, получившей при дворе Тимура титул «малой госпожи».

Многочисленные военные походы Тимура стоили жизни сотням тысяч человек. Жестокость Тимура не уступала жестокости Чингис-хана. Население побежденных стран беспощадно уничтожалось, их хозяйство разорялось, ремесленники уводились в столицу Тимура Самарканд. Но военачальники Тимура смотрели на эти походы как на источник легкого обогащения и наживы. Та же участь постигла и племена Могулистана, в том числе и киргизские племена. Они, придавленные господством могулистанских ханов, были разорены полчищами Тимура, их скотоводство пришло в упадок.

Последние годы относительно спокойного правления Хызр-Ходжи (умер в 1399 г.) сменились после его смерти распрями между его 4 сыновьями. Большая часть Могулистана подчинилась Тимуру.

К этому времени относится переселение Тимуром в район озера Иссык-Куль выведенного им из Малой Азии племени черных татар.

Тимуриды в борьбе с Могулистаном.

После смерти Тимура (1405 г.) наследники Хызр-Ходжи пытались активно вмешиваться в дела Мавераннахра. Они часто оказывали поддержку мятежным эмирам и этим путем, порой добивались значительного влияния на восточные окраины государства, оставленного Тимуром. В частности, больших успе-

хов добился в этом отношении Мухамед-хан, сын Хызр-Ходжи, прославившийся как ревностный защитник ислама. С его именем связано строительство на северном берегу озера Чатыр-Куль знаменитого здания караван-сарая Таш-Рабат. Несмотря на то, что междоусобная борьба продолжалась не только между сыновьями Хызр-Ходжи, но и его внуками, могулистанские правители добились восстановления самостоятельности Могулистана. В 1421 г. полновластным хозяином Могулистана стал Шир-Мухамед, сын Хызр-Ходжи. При его правлении Могулистан начал представлять определённую опасность для Мавераннахра. Это вызвало в 1425 г. поход Улуг-бека, внука Тимура. Улуг-бек перешел через Чу и Нарын, но был разбит Шир-Мухамедом, который его преследовал до Или. Со смертью Шир-Мухамеда остался полновластным хозяином Могулистана другой сын Хызр-Ходжи — Вейс-хан.

Китайские источники сообщают, что и в XV в. Могулистан продолжал оставаться страной, заселенной исключительно кочевниками, жившими в войлочных шатрах, питавшимися мясом и кумысом, а по одежде походившими на монголов. Но в этих источниках очень мало говорится о городах и цветущих поселениях, о которых упоминали путешественники начала XIII в. На территории, которая была подчинена могулистанским владетелям, безраздельное господство кочевников продолжалось вплоть до начала XIX в.

§ 9. КИРГИЗЫ И КИРГИЗСТАН В ПЕРИОД ГОСПОДСТВА КАЛМЫКОВ НА ТЯНЬ-ШАНЕ И НА ЕНИСЕЕ.

Калмыки. В самом конце XIV в. (1399 г.) в Западной Монголии образовался мощный союз ойратских племен. В него вошли племена: чорос, олот, торгоут и хаит. Ойратов мусульмане называли калмыками.

На территории Киргизстана калмыки появились во время правления в Могулистане Вейс-хана. Вейс-хан был вынужден перевести свою ставку из Восточного Туркестана в бассейн реки Или в город Илибалык.

Непосредственное завоевание Семиречья было произведено ойратским предводителем, по имени Эсень-Ходжа, с которым Вейс-хан имел 61 сражение.

В 1428 г. Вейс-хан был убит на берегу Иссык-Куля в сражении с ханом Самарканда. После смерти Вейс-хана в Могулистане усилилась междоусобная феодальная борьба. Эмиры принадлежали к различным партиям, из которых одна пыталась возвести на престол старшего сына Вейс-хана—Юнуса, другая—второго его сына Эсень-Бука. Усиление междоусобной борьбы в Могулистане позволило калмыкам проникнуть до Иссык-Куля и втор-

гнуться в Сыр-Дарьинскую область. Однако положение скоро изменилось.

В Могулистане в 1434 г. победила партия Эсень-Бука, Юнус должен был удалиться в Мавераннахр. В 40-х годах власть Эсень-Бука значительно укрепилась. Он привлек на свою сторону значительную часть эмиров поддержкой традиций кочевого быта, в то время как Юнус, получивший образование в Персии, был известен своими симпатиями к оседлой жизни. Эсень-Бука не обострял отношений с эмирами и при всех важных государственных мероприятиях советовался с ними. Способствовала усилению Могулистана и изменившаяся внешняя обстановка. В средине XV в. на западных границах Могулистана возникло новое государственное образование. Это было Казахское ханство.

На западе Могулистан граничил с обширными владениями Узбекского ханства. Оно было расположено к северу от Сыр-Дарьи и объединяло многочисленные тюркские племена, кочевавшие в степях Дешти Кипчака. Сюда входили и бывшие владения Белой Орды (Ак-Орды), отколовшейся от Золотой Орды еще в XIV в. В 20-х годах власть в Узбекском ханстве захватил султан Абулхаир, отстранив от управления страной султанов, ранее господствовавших в Белой Орде. Это повело к обострению междоусобной феодальной борьбы между султанскими группировками. Часть узбекских султанов с подчиненными им аилами, во главе с султанами Жаныбеком и Гиреем, недовольная ханом Абулхаиром, бежала на восток и отдалась под покровительство могулистанского хана. Эсень-Бука принял беглецов милостиво и отвел им для кочевий земли в районе р. Чу. Этим и было положено основание Казахскому ханству. Первые казахские ханы выступали как верные союзники могулистанского хана. Их владения насчитывали до 200 тыс. человек. Понятно, как это усиливало положение могулистанских ханов. Одновременно на востоке, в Китае была восстановлена национальная династия Мин. Китайские войска нанесли ряд жестоких поражений калмыкам. К довершению всего в 1455 г. умер энергичный предводитель ойратов Эсень Ходжа, и его смерть сильно ослабила сплоченность ойратских племен.

В результате они должны были покинуть Тянь-Шань и другие завоеванные области на западе. Временно опасность порабощения со стороны ойратов была устранена. Их набеги уже не угрожали независимости Могулистана. Это повело к временному укреплению ханской власти, но созданию прочной государственности мешала центробежная сила патриархально-феодального общества, сепаратизм эмиров, межплеменные столкновения, антагонизм между оседлым и кочевым населением. Эсень-Бука умер в 1462 г. После его смерти власть в западных районах Могулистана перешла в руки Юнуса, а в 1472 г. Юнус объединил под своей властью весь Могулистан. Он пытался склонить к оседлости часть

своих подданных и распространить среди них ислам, но безуспешно. В 1472 г. Семиречье в последний раз подвергалось набегу калмыков под предводительством Аман-Санджи тайши. Юнус был разбит на берегу Или, но калмыки не удержались в Семиречье, и в том же году Юнус восстановил свою власть. Это была последняя военная операция калмыков в периоде их первого появления на Тянь-Шане. Юнуса весьма привлекала Фергана, которую он хотел присоединить к своим владениям, но ему удалось завоевать в 1482 г. лишь Сайрам и в 1485 г. Ташкент.

Отрыв Юнуса от степей и жизнь его за последние годы в городах привели к тому, что большой властью среди кочевников пользовался его второй сын Ахмед, а Восточный Туркестан по существу отделился, признав власть эмира Абубекра. Ахмед был типичным представителем кочевников и свято соблюдал монгольские народные обычаи, поэтому он сразу завоевал себе признание родовой знати, особенно после успешных сражений с калмыцким предводителем тайчжи-Эсеном, за что калмыки называли его Алага (убийца). Юнус умер в 1487 г. Ему наследовал Махмуд. Но власть его была номинальной. В военном отношении он был человеком бесталанным и, по существу, не вмешивался во внутренние дела Могулистана. В конце своей жизни он, как и Юнус, поселился в Джетыкенде. Восточный Туркестан принял Мансур-хан, сын Ахмеда, а его брат Халиль-Султан удалился в Семиречье к киргизам и стал во главе их.

Образование киргизской народности.

Тяжелое для киргизов время господства монголов, бедствия, связанные с монгольским завоеванием и последующей угрозой порабощения в государственных образованиях монголов — ханствах Тулуя и Чагатая, затем Могулистана, бесконечные феодальные смуты и нашествие иноплеменных захватчиков, как это было в период господства Тимура в Средней Азии, а затем первого завоевания Тянь-Шаня калмыками, — все это разоряло хозяйство киргизов, повело к падению их политической роли, но не остановило процесса формирования самой народности. Более того, в основном процесс образования киргизской народности протекал именно в это время — XIII—XV вв. Но процесс образования киргизской народности осложнился. Тесное общение монголов с тюркскими племенами Семиречья и Тянь-Шаня, культура тюркских племен, преобладающая в этих районах, — все это повело к отторжению пришедших сюда монголов. Могулистан был населен племенами в основном тюркскими, и сами монголы, которые составляли здесь господствующую прослойку населения, по своему языку, духовному облику больше напоминали тюрков, чем монголов времен империи Чингис-хана. Но и в свою очередь монгольские элементы вошли в антропологический тип, язык и культуру местных тюркских племен, в том числе и киргизов. Формирование киргизской народности происхо-

дило на этнической основе, в которую входили и монголы. Это отразилось на усилении монголоидных черт в антропологическом типе киргизов, на их языке, в состав которого вошло много монгольских слов. Среди киргизских племен появились племена с монгольскими именами, например, монголдор.

Некоторые современники, как, например, могулистанский автор XVI в. Мухаммед Хайдер, даже считали киргизов одной из ветвей монголов. Но это было не так. Киргизы не растворились среди монгольских племен, они остались тюрками и по языку и по культуре, но их этнический тип приблизился к монгольскому типу.

Усилившись в районе Тянь-Шаня в процессе новой волны переселения во время движения на запад монгольских племен в XIII в., киргизы составили теперь здесь одну из наиболее многочисленных групп тюркских племен. Однородность форм быта и хозяйственного уклада, безраздельное господство на Тянь-Шане после монгольского завоевания кочевого скотоводства и, что особенно важно отметить, однородность классовых, общественных, патриархально-феодальных отношений — все это способствовало ассимиляции киргизами ранее населявших эти районы племен: потомков древних саков и усуней, осколков тюргешей, карлуков и отчасти кара-китаев и других племен. Как происходил этот процесс ассимиляции, источники не отразили, но он происходил; к XVI в. исчезает обособленность населявших южное Семиречье и Тянь-Шань тюркских племен, они выступают не как самостоятельные этнические единицы, а как части единой киргизской народности. Одновременно сглаживалась обособленность различных киргизских племен. Все это было связано с процессом классообразования в киргизском обществе, создавшем однородные социальные формы быта. Племена управлялись своими биями, часто враждовали друг с другом, между ними не было экономической общности, и все же среди них укреплялось сознание принадлежности к одной народности. Следы существовавших здесь ранее племенных групп сохранились в самоназвании отдельных племен: усуней, канглы, найман, кыпчак, кытай, монголдор и др., они сохранились также в некоторых особенностях языка различных племен. Но эти племена к XVI в. в исторических источниках совершенно явственно выступают как части единой киргизской народности, а племенные различия в языке — как диалекты единого киргизского языка. Этот вопрос образования киргизской народности в основном завершился в XVI в. Дальнейшее переселение киргизов на Тянь-Шань с Енисея в конце XVII в. уже не могло внести в сложившуюся на Тянь-Шане киргизскую народность существенно новых этнических элементов. К тому же число киргизов, переселившихся на Тянь-Шань в конце XVII в., было, повидимому, не так уж велико, если их могли принудительно увлечь за собой 2500 калмыков.

Усиление политической роли киргизов на Тянь-Шане в XVI в.

В начале XVI в. международная обстановка на границах Киргизстана значительно изменилась. Возникшее в середине XV в. на западных окраинах Могулистана молодое Казахское государство превратилось при хане Касыме (1511—1518 гг.) в обширное, хотя и слабо спаянное, политическое объединение, границей которого на западе являлся Урал, а на востоке оз. Балхаш. В то же время в первом десятилетии XVI в. пала власть Тимуридов в Средней Азии. Энергичный завоеватель, узбекский хан Мухамед Шейбани покорил Мавераннахр и установил здесь узбекское владычество. Казахский хан Касым, враждовавший с узбекским Мухамедом, естественно, искал поддержку у Могулистана. В этом союзе были заинтересованы и повелители Могулистана, поскольку они не отказывались от притязаний на среднеазиатские владения. Если в конце XV в. они еще поддерживали Мухамеда Шейбани, то теперь усиление его не входило в их расчеты. В 1503 г. Шейбани-хан при Ас хикете разбил монгольское войско и отнял у Махмуда могулистанского Ташкент и Сайрам. Власть могулистанского хана сохранилась в Семиречье и частично в Восточном Туркестане, где Кашгар оставался под властью враждебного Могулистану Абубекра. Но и в Могулистане Махмуд сохранял лишь верховное господство, а отдельными частями ханства владели члены ханского рода.

Киргизстан находился под властью Халиля, сына Ахмеда и племянника Махмуда. Между членами ханского рода вражда не прекращалась, и вскоре, в 1508 г., Махмуд вынужден был бежать в Мавераннахр, где был убит в том же году по приказанию Мухамеда Шейбани. Власть в Могулистане захватил Мансур, сын Ахмеда. Оба его брата, Халиль и Сеид, должны были бежать от его преследования. Халиль вскоре был убит в Фергане, где он искал убежище. Сеид долгое время скрывался в лесах, а затем в Фергане. Но Мансур встретил сильного соперника в лице Абубекра Кашгарского, войска которого вторглись в Семиречье. Мансур должен был удалиться в Чалыш. Он увел с собой и часть киргизов. Некоторые из них погибли в пути, другой части удалось вернуться на родину. Абубекр, под властью которого находился теперь Киргизстан, отвел им кочевья по южному берегу Иссык-Куля. Но власть Абубекра не распространялась на северное Семиречье. Там господствовал казахский хан Касым, ставка которого находилась в Каратале. Он поддерживал тесную дружбу с Сеидом. В 1514 г. Сеид с кучкой храбрецов — в его войске находилось только 4700 человек — напал на Абубекра и завоевал Кашгар и Яркенд. Он помирился со своим братом Мансуром. Владения Могулистана были поделены между братьями. Мир установился от Восточного Туркестана до Ферганы, что содействовало экономическому возрождению края, в частности, развитию широ-

ких торговых связей. Караваны из Китая беспрепятственно проходили в Фергану. С купцов не взыскивалась пошлина. Сеид, который владел Кашгаром, поручил управление Киргизстаном киргизу Мухамеду, который оказал ему большую помощь в борьбе с Абубекром Кашгарским. Но Мухамед не мирился с своим вассальным положением и стремился отделиться от Могулистана. Он надеялся найти сообщников среди узбеков и с этой целью освободил из плена брата Шейбани-хана, старого врага Могулистана. Это послужило поводом к войне между Сеидом и Мухамедом, которая началась в 1517 г. Мухамед не был поддержан своими соотечественниками, киргизы смотрели на него как на ханского ставленника. Покинутый киргизами, он потерпел полное поражение. Его скот сделался добычей победителей, а сам он был захвачен в плен.

В 1522 г. Сеид предпринял новый поход против киргизов, теперь под предлогом наказания язычников, якобы притеснявших мусульман. Действительной причиной похода было стремление захватить под стада монголов богатые тяньшанские пастбища, так как пастбища Восточного Туркестана по мере восстановления экономической жизни уже не удовлетворяли потребностей монголов. Над киргизами снова был поставлен Мухамед, но киргизы не подчинялись ему: многие бежали в горные, труднодоступные районы Киргизстана. Правда, Мухамеду вскоре удалось вернуть на старые кочевья рассеянные аулы киргизов. Но положение власти Сеида в Киргизстане было неустойчиво. Сеид каждый год для поддержания своей власти должен был прикочевывать в Кочкор. Наконец, в 1524 г. Мухамед, не обеспечивший покорности края и снова обвиненный в сношениях с узбеками, был удален в Кашгар.

Между тем, к границам Киргизстана прикочевал казахский хан Тахир, преемник Касыма. Он искал сближения с могулистанским ханом, так как казахские султаны его ненавидели за стремление ограничить их самостоятельность, не останавливаясь ни перед жестокостью, ни перед коварством. Сеид-хан принял его очень приветливо. Однако, вскоре между Тахиром и Сеидом начались столкновения, и только что возникший между ханами мир окончился враждой. Этого было достаточно, чтобы киргизы, стремившиеся освободиться от власти могулистанского хана, который захватывал их пастбища, стали массами присоединяться к Тахиру. Сеид поспешно двинулся с войском к Киргизстану, но смог увести на Атбаш только тех киргизов, которые еще не успели присоединиться к Тахиру. Вскоре Сеид выступил против Тахира, но успел только отогнать у киргизов 100 тыс. баранов. Этот поход в народе был назван «кой черик», т. е. бараний поход. После этого неудачного похода могулистанские войска были вынуждены покинуть Семиречье. Тахир двинулся к Атбашу и вернул оттуда уведенных Сеид-ханом киргизов. Семиречье теперь принадлежало казахам и киргизам.

В 1526 г. ряд казахских султанов поднял восстание против Тахира. Хан со своими аилами был вынужден откочевать к киргизам и стал еще больше укреплять союз с ними. Около 1533 г. Тахир умер среди киргизских кочевий. Киргизы оставались ему верными до конца, видя в нем союзника в борьбе с могулистанским ханом. Упадок Казахского ханства в результате междоусобной феодальной борьбы между султанами при Тахире и его брате Буйдаше помог преемнику Сеид-хана, его сыну Рашиду, на короткий срок восстановить власть Могулистана над киргизами. Но в 60-х годах при сыне Касыма, хане Хак-Назаре, началось быстрое возрождение Казахского ханства. Могулистанские войска были разбиты Хак-Назаром, и он стал ханом казахским и киргизским. Однако, удержать власть над киргизами ему не удалось. Вскоре он потерпел страшное поражение от Рашида и должен был откочевать на запад, в сторону Сары-су. Несмотря на это, киргизы сохранили свое господство на Тянь-Шане, откуда они предпринимали походы на юг, в сторону Кашгара, и на запад, в сторону Ферганы. Во время царствования в Бухаре Абдулла-хана киргизы активно оперировали на территории Ферганы, в районе Ош и Андижана. Попытки истребить киргизов, поднявших восстание на территории Ферганы, и избиение 10 тыс. человек, о чем сообщают источники, конечно, не решили судьбу киргизов. Жители Ферганы, испытавшие на себе походы киргизов, заявили, что киргизы проявляли определенное почтение к «божьим людям», т. е. шейхам, не меньше, чем сами ферганские мусульмане. Ферганские шейхи посылали дервишей в страну киргизов. Действия этих дервишей не привели все же киргизов к признанию ислама. В сочинениях Сейфи—османского тюрка, писавшего о Средней Азии в XVI в., сообщается, что киргизы не были ни кафирами, ни мусульманами. Очевидно, среди них, как и казахов, держалось двоеверие, в котором элементы старых языческих верований своеобразно переплетались с исламом.

В XVII в. столкновения монголов с киргизами происходили главным образом на территории Восточного Туркестана. Действия киргизов в основном по южную сторону Тянь-Шаня, с одной стороны, говорят о том, что они сильно закрепились в Тянь-Шане, а с другой стороны, эти действия свидетельствуют об ослаблении монголов.

Небольшие походы, не имевшие успеха, монголы совершали лишь в долине Аксай. Они должны были признать силу киргизского народа и называли киргизов «дикими львами Могулистана».

Киргизам в борьбе с Могулистаном даже удалось захватить в 1680 г. Кашгар и Яркенд. Но это был последний значительный успех в политической жизни киргизов в XVII в. Многолетняя борьба, которую киргизы вели против господства могулистанских ханов, принудительный увод киргизских племен в пределы Могу-

листана, переселение 12 тысяч киргизских семей в Гиссар — все это ослабило силы киргизов, остававшихся на Тянь-Шане. Между тем, на востоке происходило новое усиление ойратского союза, над киргизами нависла новая угроза калмыцкого завоевания.

Второе завоевание Тянь-Шаня калмыками.

Активные действия калмыков против киргизов развернулись в 1683—1685 гг., во время правления в ойратском союзе Галдан-Бошокту-хана. Поход Бошокту-хана в Киргизию окончился разгромом киргизов, и на территории Тянь-Шаня надолго, до середины XVIII в., установилось господство калмыцких князей (тайши). Но буруты, как называли киргизов калмыки, не прекратили борьбы. Они продолжали сопротивление, несмотря на могущество калмыков. Калмыкам так и не удалось уничтожить до конца силы киргизского народа.

Капитан Унковский, побывавший в 1722 г. в ставке калмыцкого хунтайчжи, рассказывает, что в районе озера Иссык-Куль, которое называлось тогда Тускел, насчитывалось до 5 тыс. кибиток киргизов, и они могли выставить до 3 тыс. войска. Согласно сведениям шведского унтер-офицера Рената, захваченного в плен калмыками и пробывшего у них до 1733 г., киргизы жили также к югу от Сыр-Дарьи, в Ферганс. Значительная часть киргизов вследствие калмыцкого завоевания перебралась в Кашгар и Алай, а также в сторону оазисов Яркенда и Хотана.

Международное и внутреннее положение киргизов на Енисее в XVII в.

После подчинения монголам в XIII в., по существу, никаких сведений об енисейских киргизах вплоть до XVII в. в письменных источниках не содержится. Вместе с тем, этот период имел, несомненно, большое значение в истории киргизской народности.

Благодаря завоеванию в XVII в. русскими Сибири, в том числе и страны енисейских киргизов, и отражению этого завоевания в многочисленных документах история енисейских киргизов XVII в. вплоть до их окончательного исчезновения с Енисея может быть представлена с относительной полнотой.

Киргизы Енисея не составляли в это время единого государства, они делились на четыре княжества. Первое княжество — Тубинское было расположено по реке Туба (в современном Красноярском крае), по левой стороне Енисея до реки Абакана. Второе княжество — Езерское также было расположено по левой стороне Енисея, от Абакана к северу до Батеевского горного края. Алтырское княжество находилось к юго-западу от Езерского и, наконец, Алтысарское княжество — к северу и северо-востоку от Езерского.

Первым свидетельством о киргизской земле было повествование Василия Тюменца и Ивана Петрова в 1616 г. и подробное описание, относящееся к 1618 г., Ивана Петлина, который сообщил, что киргизская земля находится от Омска «в десяти днях

хода скорым обычаем». Далее Петлин писал, что главой киргизской земли считался князь Мемед, у которого в подчинении находились Номчи и Кора, и что соседят киргизы на юго-западе с владениями Алтын-хана Тумецкого. Тубинское княжество было несколько обособлено от остальных трех и стояло на более низком уровне развития, чем Алтысарское и Алтырское, а также Езерское. Руководящую роль по отношению к остальным играло Алтысарское княжество, но и оно стояло по своему культурному уровню намного ниже, чем государства Енисея в XIII в. Киргизы, как говорят русские источники, «едят рыбу и зверя бьют, а бой у киргизов ручной. Лошадей и коров много, а хлеба не сеют».

§ 10. КИРГИЗИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ФЕОДАЛЬНОГО КИТАЯ

Установление власти китайских феодалов на Тянь-Шане и в Семиречье.

Несмотря на все бедствия и разрозненность своих сил, киргизы сохранили волю к сопротивлению калмыцкому государству. «Киргиз, — говорит о них один китайский источник... — бедняк, но отважный, не дорожит жизнью, храбр на войне... даже чжунгары (ойраты) во время своего могущества не могли покорить их под свою власть». В середине 50-х годов XVIII в., воспользовавшись внутренними феодальными смутами, вызванными борьбой за власть между представителями ойратской знати, китайская армия под предводительством Чжао-хой вторглась в пределы Джунгарии. В 1758 г. завоевание Джунгарии было завершено. Этим был положен конец существованию калмыцкой державы. Небольшие остатки этого ранее многочисленного народа рассеялись в горах. Киргизы активно поддерживали Китай в борьбе с ойратами. Китайские военачальники, высоко оценивая боевые качества киргизов, привлекали их к себе и широко использовали их помощь. Но разгром Джунгарии не принес свободы киргизскому народу: господство калмыков сменилось для него господством феодалов и чиновников Китая.

Вожди киргизских племен, бии, спешили признать над собой протекторат Срединной Империи. Участь ойратов, много десятилетий угнетавших киргизский народ, пугала киргизских биев: сопротивление новым завоевателям, которые теперь установили свой протекторат над территорией Киргизии, могло оказаться для киргизов столь же роковым, как и для ойратов. Некоторые из биев связывали с подчинением Китаю надежды расширить свои владения. В 1758 г., когда китайцы еще только начали завоевание Джунгарии, предводитель племени Саяк—Туруке-бий отправил посла к Чжао-хой с просьбой о принятии подчиненных ему аилов в китайское подданство. Чжао-хой с ответным посольством прислал Туруке-бию благоприятный императорский указ. Этот указ был зачитан на совместном съезде саяков, сарыбагышей и таласских киргизов, и в Китай было направлено киргизское по-

сольство с изъявлением покорности. Послы заявили китайскому императору: «Джунгары, державшие нас под тираническим игом, были Вами разбиты и разгромлены. Казахи, хвастающиеся своей силой и могуществом, подчинились при одном только известии о приближении Вашей армии. Как же мы, только совсем маленькое племя, могли бы осмелиться и не подчиниться?» Послы были милостиво приняты императором. Это посольство оформило подданство восточных киргизских племен китайской империи. Почти одновременно приняли подданство Китаю и западные киргизские племена. Предводитель племени адигене, Хаджибай, в 1759 г. связался с завоевателем Джунгарии Чжао-хой и просил принять его в подданство Китая.

В 1760 г. к нему был прислан из Кашгара декрет, удовлетворивший его просьбу о подданстве. Хаджибай со своим подданством Китаю связывал надежды объединить под своей властью и другие племена Западной Киргизии. Он писал китайскому императору в своем обращении, содержавшем просьбу о подданстве: «Надо, чтобы я объединил двести тысяч человек киргизов, которые рассеяны от Бухары до Востока, и сделал их подданными императору». Однако, этой цели добиться ему не удалось. Бии ряда племен самостоятельно сносились с китайскими воинскими властями. Вскоре вслед за Хаджибаем, независимо от него, китайское подданство приняли бии пятнадцати племен Западной Киргизии. Наиболее крупный набег был произведен в 1770 г. казахским ханом Аблаем, который разорил кочевавшие в южном Семиречье киргизские племена и увел с собой большое количество пленных.

Китайские власти в первые годы завоевания территории Киргизии вели по отношению к киргизам осторожную политику, целью которой являлось привлечение на сторону киргизских биев. Они не препятствовали заселению киргизами Тянь-Шаня. Киргизские племена, покинувшие Тянь-Шань во время владычества ойратов, теперь вернулись на свои старые пастбища. Китайские власти оказывали поддержку отдельным биям в их борьбе с возраставшим Кокандским владением. Так, когда в 1762 г. кокандский владетель Эрдене разорил земли Хаджибая в районе Узгена, китайский император приказал министру по управлению новыми провинциями оказать Хаджибаю помощь.

Китайское правительство рассчитывало создать из Киргизии надежный буферт между владениями Срединной Империи и среднеазиатскими ханствами. Оно поэтому стремилось не обострять отношений с киргизскими биями и удовлетворялось признанием со стороны их формального подданства, носившего характер вассальных отношений. Однако, опасаясь в то же время усиления киргизов, китайские власти не оказывали поддержки тем владельцам, которые стремились объединить под своей властью ряд киргизских племен.

ГЛАВА V

КИРГИЗЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в КОКАНДСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ КИРГИЗИИ

§ 11. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КИРГИЗОВ

Расселение киргизских племен в первой половине XIX в.

В начале XIX в., как и позднее, в досоветский период, киргизы не составляли еще нации. Кочуя на территории нынешней Киргизии, отчасти Казахстана, Узбекистана и в пределах Синьцзяна, они не жили единой экономической жизнью, не имели своего государства. Крупные феодалы-скотоводы, господствуя над киргизскими племенами, годами и десятилетиями вели между собой войны, стремясь к захвату пастбищ, скота, военной добычи. Часто они прибегали к помощи своих соседей—китайских и кокандских феодалов и других, которые, в свою очередь, стремились использовать эту борьбу в своих интересах, для порабощения и эксплуатации трудовых масс киргизского народа.

Основная масса киргизов в первой половине XIX в. занимала территорию теперешней Киргизской ССР.

Одно из крупнейших киргизских племен, бугу, располагалось на южном берегу озера Иссык-Куль; оно занималось хлебопашеством и скотоводством, используя верховья рек Текеса, Нарына и Кегена для своих летних кочевок. Бугинцев насчитывалось свыше 15 тыс. юрт. Племя сарыбагыш, имевшее около 9 тыс. юрт, кочевало по рекам Чу и Кемину и к западу от Иссык-Куля.

Племя солто, насчитывавшее около тысячи юрт, располагалось своими кочевьями в районах Пишпека, рек Чу и Таласа. Племя саяк—около 7,5 тыс. юрт, находившееся в постоянной борьбе с бугинцами и сарыбагышами, держало в своих руках огромные кочевья в верховьях и по среднему течению р. Нарына и в долине Джумгала. Дальше на юг и юго-запад, по Ферганско-

му хребту и в районах Алая и Памира, располагались кочевья крупных племенных объединений адигене и ичкилик, имевшие около 14 тыс. юрт. Зимой ичкилики уходили со своими стадами в Ферганскую долину. К югу от р. Нарын кочевало племя черик, которое насчитывало свыше 4 тыс. юрт. Богатую своими замечательными альпийскими пастбищами Таласскую долину заселяли небольшие племена: сару, кушчу, басыз и другие, имевшие в общей сложности свыше 9 тыс. юрт. Кроме того, в различных долинах и урочищах Киргизии были расселены другие, более мелкие племена.

Вся основная масса киргизских племен делилась на две группы, носившие название канат (крыло): правую—онг и левую—сол. Левое крыло по численности было значительно меньше правого. Корни этого членения на два крыла относятся к глубокой древности и связаны с делением племен на две фратрии.

К правому крылу относились племена: саяк, черик, бугу, сарыбагыш, солто, джедигер, азык, багыш, карабагыш, басыз, монголдор и др. Правое крыло, в свою очередь, распадалось на две группы: тагай, занимавшую основную часть Тянь-Шаня, и адигине, располагавшуюся на территории Южной Киргизии.

В состав левого крыла входили такие племена, как: кушчу (кучту), саруу, муундуз, кытай, басыз, найман и др.

Всего у киргизов насчитывалось около 40 племен, поэтому в киргизском героическом эпосе киргизы нередко называются «сорокаплеменным народом». Можно предполагать, что имя «кыргыз» возникло в эпоху сложения киргизских племен в единый племенной союз и что в этом самоназвании отразилось количество объединившихся племен (кирг. кырк—сорок).

В составе киргизского народа сохранились названия племен самого различного происхождения: кушчу (древнетюркское—чеши), азык (древнетюркское—азы); далее, кипчаки, отмеченные выше кара-китаи (племя кытай), монголы (племя монголдор, могол и др.) и т. п.

Каждое киргизское племя занимало более или менее определенную территорию. Между родами, составлявшими то или иное племя, существовала тесная связь, особенно проявлявшаяся во время межплеменных столкновений.

Хозяйственные занятия киргизов

Главным занятием киргизов оставалось в XIX в., как и раньше, скотоводство. Оно носило экстенсивный кочевой характер и основывалось на использовании в течение круглого года богатого подножного корма. Следует, однако, заметить, что кочевое скотоводство у киргизов уже давно сопровождалось земледелием.

Кочевание со скотом, содержавшимся на подножном корму, велось по установившемуся веками циклу, причем каждое племя

или род кочевали на определенной территории. В большинстве случаев кочевание совершалось в вертикальном направлении: из низко лежащих горных долин к высокогорным, альпийским пастбищам и обратно. Необходимо заметить, что полный цикл кочевания сохранялся только в многоскотных хозяйствах. Бедняцкие хозяйства, не имевшие лошадей и овец или имевшие их в незначительном количестве, самостоятельно не кочевали: одни из них оставались возле своих посевов, другие кочевали со своими богатыми «сородичами», получая от них часть скота на выпас. Малоскотные хозяйства выкочевывали только на близлежащие пастбища. Пользование пастбищами носило в большинстве случаев общинный характер, хотя фактически распоряжались ими феодальные верхи племен.

Заготовки кормов на зиму почти совершенно не производились. Отсутствие запасов кормов на зиму ставило киргизское кочевое скотоводство в полную зависимость от стихийных сил природы. Большой урон скотоводству приносили эпизоотии и периодически повторявшийся джут — массовые падежи скота от бескормицы в результате затяжных и суровых зим с глубокими снегами и особенно гололедицы, во время которой ранней весной скот (прежде всего овцы) погибал, не имея сил пробить ледяную корку и добыть корм.

В скотоводческом хозяйстве на мужчине лежали все работы, связанные с организацией выпаса стада и заготовкой кормов. На долю женщин приходился уход за скотом, пасущимся поблизости от аила, дойние кобылиц и коров, уход за молодняком, частично охрана стада ночью, а также главная часть работы, связанная с перекочевкой аила.

Значительным подспорьем в хозяйстве киргизов являлась охота. Охотились при помощи ружей, железных капканов и силков. Употреблялись фитильные ружья с деревянными подпорками. Объектами охоты были горные бараны, козлы, косули, медведи, волки, лисицы. На горных баранов и козлов устраивались иногда коллективные, облавные охоты. Большое место занимала охота на маралов, рога которых, добытые в определенное время года, высоко ценились китайцами и скупались ими у киргизов. Киргизы славились как искусные и неутомимые охотники. Особенно распространена была среди киргизов охота с ловчими птицами. В качестве ловчих птиц, дрессировка которых была доведена до большого совершенства, служили орлы, соколы, ястребы. Необходимо отметить, что промысловое значение имела главным образом охота с орлами (беркутами), с которыми охотились на лисиц и куниц. Охота же с соколами и ястребами на пернатую дичь носила скорее любительский характер.

Любопытный вид охоты представляла охота с борзыми собаками. Киргизы издавна разводили особый, горный тип борзой собаки (тайган), которая хорошо шла на лисицу.

Земледелие у киргизов имело подсобное значение. Оно было распространено преимущественно в Иссык-Кульской котловине, по рекам Чу и Таласу, а также в Ферганской долине и повсюду в горах, где это позволяли условия, иногда на значительной высоте. Киргизское земледелие носило преимущественно потребительский характер. Основными культурами были просо, ячмень (особенно в высокогорных районах) и пшеница, в небольшом количестве сеялась также люцерна.

Земледелие у киргизов было главным образом поливное. Основным пахотным орудием была разновидность деревянной сохи с железным наконечником. Посев производился вручную, горстью, из полы халата, а также из мешка или шапки. Для боронования употреблялась связка хвороста. Жали серпом. Молотьба производилась при помощи животных (лошадей или быков), кое-где употреблялись каменные катки. Для перемалывания зерна, наряду с водяными мельницами, часто употреблялись ручные каменные жернова.

Основная доля труда в земледельческом хозяйстве лежала на мужчине, хотя женщина также принимала иногда участие в некоторых видах работ (боронование, жатва, веяние).

Значительное место в киргизском хозяйстве занимали различные домашние промыслы, большинство которых было связано с обработкой продуктов скотоводства. Из овечьей шерсти женщины изготовляли пряжу при помощи деревянного веретена. На примитивном ткацком станке из этой пряжи изготовлялась ткань для халатов, штанов, мешков, перемётных сум, тесьма для обвязывания остова юрты и т. п.

Овечья шерсть шла также на выделку ворсовых ковров (у южных племен) и войлоков, которыми покрывались юрты, принадлежностей одежды (халаты, головные уборы, чулки), седел и т. п. На выделку ткани для пошивки одежды шла главным образом верблюжья шерсть. Из шерсти коз и яков вили веревки.

Овечьи шкуры употреблялись на шитье зимних тулупов, штанов, головных уборов, на выделку подстилки для юрты и т. п. Из козьих шкур изготовлялись мешки для хранения и перевозки жидкостей; из кожи крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов изготовлялась обувь и различные типы кожаной посуды. В числе домашних промыслов, обслуживавших потребности каждой отдельной семьи, необходимо еще упомянуть плетение цыновок из стеблей степного растения — чия, тесьмы из шерстяных и хлопчатобумажных ниток, вязание и вышивание.

Обработка дерева была представлена главным образом изготовлением деревянного остова юрт, ленчиков для седел, колыбелей, и частично деревянной посуды.

Из добывавшегося на озере Иссык-Куль шлихового железного песка киргизы получали железо. Кузнецы изготовляли подковы, ножи, серпы, топоры, сошники, а более искусные из них — оружие: фитильные и кремневые ружья, клинки и боевые топорики (ай-балта). Серебряных дел мастера изготовляли из серебра женские украшения, украшения для мужских поясов, сбруи, отличавшиеся часто большим художественным вкусом.

Из различных видов цветного камня киргизы выделывали пулелейки, светильники, пуговицы. Памирские киргизы добывали хрусталь, яшму, самородное золото, сбывая все это на рынках Кашгара и Яркенда.

С соседними странами киргизы вели оживленный меновой торг. К ним приезжали торговцы из Ферганы и Кашгара со стёганными бумажными и полушелковыми халатами, одеялами, тюбетейками, платками, шелковыми и бумажными тканями, из которых особенно большим спросом пользовались бязи и бумажная армячина, оружие и т. д. Из Кульджи китайцы привозили чай, рис, табак, шелковые ткани. Более ценные из привозимых товаров (например, шелковые ткани, кожи, рис и т. п.) приобретались только богатыми киргизами. В обмен на привозившиеся товары купцы получали от киргизов скот, шкуры, войлок, кожу, шерсть, пушнину, волос. В качестве всеобщего эквивалента служила овца.

Материальная культура.

Хозяйственные занятия киргизов определяли их материальную культуру. Господствующим типом жилища у киргизов являлось переносное жилище — юрта.

Бедняки жили в маленьких прокопченных юртах, покрытых рваными тёмными войлоками.

Юрты богачей отличались не только большими размерами, но и качеством войлочных покрышек; их юрты покрывались белыми и тонкими войлоками и украшались большим количеством орнаментированных шерстяных тканых полос.

Внутреннее убранство киргизской юрты обычно состояло из самой несложной обстановки и утвари.

На земле расстилались войлоки, поверх которых клали подстилки из бараньей или телячьей шкуры, а у богатых — ковры, медвежьи или волчьи шкуры. Встречавшиеся иногда деревянные кровати и низкие столики были принадлежностью богатого жилища.

Во время дальних перекочевок, а также во время походов употреблялась юрта малых размеров.

Однако, хотя юрта для кочевников служила одновременно и летним и зимним жилищем, на зимних стойбищах кое-где строили зимние помещения, в которых укрывались от стужи и непогоды в самые холодные месяцы. Зимние жилища представляли собой в большинстве случаев глинобитные или, что встречалось реже, сложенные из камней, скрепленных глиной, хижины с плос-

кой крышей. Окна в них заменялись щелями в верхней части стен, под крышей.

К жилищу у богатых киргизов иногда пристраивались хозяйственные помещения. Загоны для овец представляли собой площадку, обнесенную невысоким барьером, выложенным из камней или сделанным из валежника.

Одежда мужчин состояла из рубахи и просторных штанов. Поверх рубахи надевался короткий бешмет или безрукавка, а в холодную погоду и в дорогу еще халат. Зимой носили нагольные тулупы из овчины и штаны из овечьей шкуры шерстью внутрь. Одежда бедняков часто изготовлялась из грубой шерстяной ткани домашнего производства. Богатый киргиз носил бешмет и штаны из дорогих тканей, суконные и шелковые халаты; его тулуп шился из мягких белых шкурок ягнят. Необходимой принадлежностью мужского костюма был кожаный пояс или кушак из шерстяной ткани, к которому подвешивался нож.

Женская одежда состояла из длинной и широкой рубахи, служившей вместе с тем и платьем, из длинных шаровар на вздержке, носившихся под платьем, и безрукавки. При перекочевке или поездке в другие аилы надевался халат из бумажной, а у богатых из шелковой ткани или же шуба, подбитая снизу каким-либо мехом.

Головной убор замужней женщины состоял из белого платка или, чаще, из белого тюрбана. Головным убором девушек была круглая шапка, отороченная мехом куницы или выдры и украшенная пером филина. Богатые девушки-невесты надевали конусообразную шапку, отделанную мехом, серебряными украшениями и каменьями.

Важнейшую часть питания киргизов-кочевников составляла молочная и мясная пища. В хозяйствах, более прочно связанных с земледелием, на юге Киргизии преобладала растительная пища в сочетании с молочной.

Одним из основных видов пищи было мясо в разных видах, доступное, однако, в качестве повседневной пищи зажиточным скотоводам. В таких хозяйствах, кроме того, широко употребляли кумыс, чай со сливками, лепешки из пшеничной муки, кусочки теста, запеченные в сале, — боорсок. Убой скота с целью заготовки мяса на зиму производили осенью.

Во время трапезы с участием посторонних мужчин особенно подчеркивалось неравноправие женщины; она получала пищу во вторую очередь, причем очень часто это были лишь остатки пищи.

Главными средствами передвижения киргизов служили верховые лошади, верблюды, быки и ослы. Киргизы—неутомимые наездники, способные в течение длительного времени не сходить с седла и преодолевать самые тяжелые препятствия на своем пути: перевалы, кручи, стремительные горные реки.

Те же животные использовались и для перевозки тяжестей. У памирских киргизов основным ездовым и вьючным животным являлся як.

Общественный строй киргизов в середине XIX в.

Классическую характеристику общественных отношений у киргизов дал И. В. Сталин, определив их как «патриархально-феодальные отношения»[1].

Основную массу киргизских племен составляли владельцы сравнительно небольших стад, так называемая букара, чарба. Во главе каждого рода и племени стояла родовая знать—бии и манапы.

В отличие от узбеков и казахов, у киргизов, как уже указывалось выше, не было султанов, т. е. степной аристократии, причислявшей себя к потомкам Чингис-хана и образовавшей в Средней Азии и в Казахстане особое сословие «благородных» — «тюре», или знать «белой кости». Но это не мешало киргизской кочевой общине переживать процесс классового расслоения.

На всем протяжении существования киргизского общества с IX — X вв. мы встречаемся с родовой знатью как экономически и политически господствовавшей группой. Основной костяк ее в начале XIX, как в XVIII в. и в более раннее время, составляли бии, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью киргизов, в том числе и суд — главнейшая функция управления в то время. Поэтому в последующее время звание бия и стало отождествляться с званием судьи. Но в действительности положение бия определялось не судебными функциями, а господством в жизни киргизского общества. Для XVIII в. это очень хорошо отмечают китайские источники.

В первой половине XIX в. состав биев подвергался значительным изменениям. Из их среды выделялась привилегированная прослойка — манапы. Манапы — это прежде всего наследственные бии. Когда именно они образовали привилегированную группу киргизского общества, точно сказать трудно. По преданиям самих киргизов, манапы появляются в XVIII в. Но в 20-х гг. XIX в. в киргизских аилах побывал очень внимательный наблюдатель, оставивший обстоятельное и одно из самых ранних в русской литературе описание общественного быта киргизов, — лекарь Зиберштейн. Описывая жизнь киргизского аила, он упоминает только биев; о манапах Зиберштейн не говорит. В источниках 30—40-х годов упоминания о манапах становятся обычными. Правильнее всего допустить, что манапы выделились как привилегированная прослойка во второй четверти XIX в. Этой феодально-родовой

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 65.

знати противостояла масса трудящихся киргизов, объединяемая одним названием—букара. Это была не крепостная, но феодально-зависимая масса трудящихся кочевников и земледельцев.

Манапы делились на крупных или главных (ага-манапы или чонг-манапы), средних (орто-манапы) и мелких (чала-манапы). Составляя верхнюю прослойку бийства, в классовом отношении манапы составляли с ними одну группу.

В основе классового деления лежало различное отношение членов киргизского общества к основному условию производства — к земле.

Номинально в первой половине XIX в. частной собственности на землю среди киргизов не существовало. Фактически же вся земля с пастбищами и угодьями была поделена между биями и манапами. Именно они, владельцы тысячеголовых табунов лошадей, отар овец, стад коров и верблюдов, распределяли землю между собой и «сородичами». Крупные манапы держали в зависимости средних и мелких манапов и определенное количество подвластных им юрт. Так, в Северной Киргизии у старшего манапа племени сары-багыш Джантая насчитывалось до 700 юрт подвластного ему населения, у старшего манапа племени бугу Боромбая — до 1000 юрт, манап Уметаалы (сын Ормон-хана) из племени сарыбагыш имел 1500, а его брат Чаргын — до 1000 юрт. Были многочисленные мелкие манапы, которые имели подданных менее 100 юрт. Таким образом, под оболочкой родовой собственности на землю в киргизском обществе складывалось далеко неоднородное отношение к земле биев и манапов, с одной стороны, и букары—с другой. «Родовая» собственность скрывала захват земли родовой знатью. В этом заключалось своеобразие имущественных отношений. Это своеобразное обусловливало и специфичность эксплоатации. Особенность заключалась в том, что эксплоатация киргизского народа манапами и биями маскировалась многочисленными, пронизывавшими всю общественную жизнь киргизов формами родовой коллегиальности, проявлявшейся в многообразных явлениях патриархально-родового быта. Целая сеть разнообразных форм эксплоатации и повинностей опутывала букару, ставила ее в зависимое положение от манапа и бия. Владея большим количеством скота, манапы и бии отдавали скотоводам-беднякам часть своего скота на выпас. Букара пользовалась за это молочными продуктами, но полученный бийский скот нужно было кормить целый год, нужно было сохранить его приплод, нужно было, наконец, выполнить ряд работ в хозяйстве бия. Эта очень изнурительная для массы букары форма эксплоатации носила название саан. Рядом с нею существовала другая, так называемая куч, когда бедняк-«сородич» должен был трудиться в хозяйстве манапа или бия за арендное пользование ско-

том для перекочевки или обработки полей. Тяжелым бременем на плечи букары ложился прямой налог в пользу манапов, взимавшийся скотом и продуктами,—салык; налог для стола манапа—союш; налог на покрытие расходов манапа по организации угощений и пиров — чыгым и т. п.

Чтобы добиться от букары выполнения всех этих разнообразных повинностей, недостаточно было наличия только привычно-традиционных, патриархальных отношений между манапами и букарой. Нужна была еще и сила, опираясь на которую можно было бы заставить букару выполнять повинности по отношению к манапу в том случае когда букара не могла либо не хотела выполнить эти повинности «добровольно». Такая сила была в руках манапа. К его услугам была всегда и сабля джигита и суд биев. В тех случаях, когда авторитет и сила освященной веками патриархальной традиции оказывались недостаточными, на сцену выступал бий в роли судьи. Писаного закона в эту эпоху киргизы не знали. В своей судебной практике бий руководствовался неписаным обычным правом—нарком. Нарк же исходил из уже сложившихся твердых положений неравенства, считая, что женщина не может рассматриваться как равная мужчине и букара не может быть равна с манапом. Поэтому, например, предусмотренное нарком наказание за убийство в виде куна — выкупа за кровь — колебалось в своих размерах в зависимости не только от того, был ли убитый мужчиной или женщиной (за убийство женщин уплачивалась половина куна), но и какое общественное положение (бия, манапа, джигита, букары) занимал убитый. Размеры куна за убитого манапского пастуха или рядового скотовода были значительно ниже размеров куна за убитого манапа.

Если же учесть, что бий был полновластным истолкователем этого неписаного закона, что бии и манапы в классовом отношении были родственными, — станет ясным, что суд был могучей силой, служившей интересам родовой верхушки. А там, где, паче чаяния, оказывал бессильным нарк, там решала прямая физическая сила — плетка манапского джигита.

Не только труд букары обогащал представителей родовой знати. У киргизов продолжали еще существовать остатки патриархального рабства: рабами (кул) были главным образом военнопленные, захваченные во время войн. Кроме того, в рабов превращали иногда и задолжавших бедняков.

Манапы включали рабов в состав калыма и приданого, выставляли в качестве призов на скачках, ими уплачивали кун. Они использовались, в основном, в домашнем хозяйстве в качестве прислуги.

Сами рабы не считались членами родовых общин, потомки же их входили в число членов общины, но с ограниченными правами. Широкого распространения рабство у киргизов не получило.

Основой общественного производства являлся труд феодально-зависимых общинников — букары.

Наконец, был еще один путь, обещавший в случае успеха новую добычу, новые доходы манапу и бию.

Это — межплеменные и феодальные войны. Тяжелые и изнурительные для букары, они были, однако, настолько выгодны манапско-бийской верхушке, что она не прекращала их вплоть до присоединения Киргизии к России.

Межплеменные войны были в Северной Киргизии повсеместным явлением. На первых порах они еще продолжали сохранять характер набегов, целью которых был угон скота (барымта) и захват пленных для использования их как рабов в домашнем хозяйстве. Но по мере того, как росла и крепла власть манапов и как развивались классовые противоречия, масштабы и цели этих войн менялись. Из мелких набегов они превращались в крупные военные столкновения с целью захвата пастбищ, скота и расширения эксплуатации трудовых масс киргизов. Подчинив и объединив вокруг себя все или большинство родов своего племени, крупные манапы стремились теперь к расширению своего влияния и власти над все большим числом юрт. Укрупнение своих владений, захват новых земель и пастбищ, подчинение своей власти и эксплуатация соседних родов и племен — такова была цель, которую ставили перед собой манапы. Но и эти захватнические феодальные войны, которые велись исключительно в интересах феодально-родовой знати и только разоряли букару, выступали как общеплеменные предприятия. Пережитки патриархально-родового быта глубоко маскировали их классовый характер, их агрессивные цели.

Патриархально-родовые пережитки.

Пережитки патриархально-родовых отношений проявлялись не только в различных сторонах общественной жизни, но с наибольшей силой, более упорно они держались в семейном быту, в культе и т. п. Между членами рода сохранялся обычай взаимной поддержки и защиты.

В тех случаях, когда одному из членов рода наносилась обида, иногда весь род объединялся для отмщения обидчику или, наоборот, уплачивал сообща кун (виру). Но при этом следует иметь в виду, что кун при раскладке его уплачивался поровну, т. е. практически ложился далеко не одинаковым бременем на хозяйство бедняка и богача. В похоронах и поминках по кому-либо из членов рода каждый сородич должен был принимать личное участие, в том числе, нередко, и материальное. Особенно разорительными были такие поминки для бедноты. У каждого рода существовало свое кладбище. В прошлом брак также являлся делом всего рода, но и в описываемый период в уплате калыма нередко участвовали все ближайшие сородичи. Браки внутри рода были, как

правило, запрещены. Среди киргизов еще продолжали существовать большие патриархальные семьи, хотя процесс их распада начался уже давно. Господствующей формой семьи являлась парная (малая) семья. Многоженство было распространено в манапских, бийских и вообще зажиточных семьях.

Распространенными формами брака были выдача вдовы замуж за младшего брата умершего мужа и женитьба вдовца на младшей сестре умершей жены. Практиковалось и умыкание девушек, причем требовалось обязательное согласие девушки. Калым являлся обязательным условием для заключения брака, но он до некоторой степени компенсировался приданым, в которое входила у богатых юрта для молодых, одежда, украшения и домашняя утварь.

Отношения в киргизской семье строились на патриархальной основе. Глава семьи считался распорядителем всего имущества и судьбы своих детей. Однако киргизская женщина, находясь под полной опекой и в подчинении у мужчины, пользовалась некоторой свободой и самостоятельностью в домашнем быту и в хозяйстве.

Значительные пережитки патриархально-родового быта имели место в военной организации киргизов. Каждый род и каждое племя имели свой боевой клич — ураан, свое боевое знамя. В сражениях, как и на общественных собраниях, роды и племена группировались вокруг своих манапов. Но эти и другие формы проявления родовой солидарности скрывали за собой глубокое общественное неравенство.

§ 12. КИРГИЗСКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Народные знания.

Несмотря на общую отсталость, вызванную господством кочевого уклада и патриархально-феодальных отношений, киргизский народ сумел пронести через века, сохранить и развить многие самобытные культурные ценности, создававшиеся многими поколениями.

Народом был накоплен богатый запас эмпирических знаний, вынесенных из опыта хозяйственной деятельности и глубокого общения с природой. Наряду с распространенным среди других народов 12-летним животным циклом, у киргизов существовал свой народный календарь, в котором представлен оригинальный 12-месячный цикл и крайне древний счет времени по Плеядам. Названия некоторых месяцев киргизского календаря подчеркивают тесную связь его с хозяйственным бытом народа. Киргизам было известно и лунное месяцесчисление. Были распространены и зачатки представлений о строении мироздания, тесно связанные с пастушеским образом жизни киргизов.

Опыт наблюдения за цветением растений и их ростом, за поведением животных и птиц позволил киргизам выработать ряд примет, по которым они пытались определять время наступления весны или зимы, предвидеть малоснежность или многоснежность последней, качество травяного покрова и т. п. Как бы ни были примитивны эти приметы, они дают право говорить о наличии у киргизов в прошлом своей фенологической системы.

Исключительным многообразием отличались познания киргизов в области живой природы. С глубокой старины им были известны сотни различных растений, хорошо выяснены их ядовитые или полезные свойства как для скота, так и для народной медицины. В окружающем разнообразном животном мире киргизы всегда свободно ориентировались. Особой, можно сказать, виртуозности в распознавании различных видов хищных птиц, использовавшихся для охоты, достигали обслуживавшие киргизскую знать специалисты-охотники.

Следует упомянуть и об анатомических познаниях киргизов, что прежде всего относится к анатомии домашних животных.

Древняя письменность киргизами была утрачена. Грамотных среди них насчитывались единицы. Пользовались крайне слабо приспособленным к киргизскому языку арабским алфавитом и писали, подражая образцам староузбекского (чагатайского) языка.

Обучением детей феодальной верхушки занимались приглашавшиеся манапами в свои аилы бродячие узбекские муллы, все знания которых заключались в умении читать некоторые главы корана, плохо понимая их. Дети трудового народа грамоте не обучались.

Поэтическое творчество.

Крупную роль в культуре киргизов играло народное поэтическое творчество. В этом творчестве в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная древняя культура, поэтическое восприятие природы, неодолимое свободолюбие, храбрость и мужество в борьбе с многочисленными врагами.

Киргизское устное творчество отличается большим разнообразием составляющих его жанров. Наряду с лирическими, трудовыми и обрядовыми песнями, значительное развитие в творчестве киргизского народа получили и другие виды народных произведений: сказки, предания, героические поэмы типа народных романов и, в особенности, богатырский эпос.

Кочевой уклад жизни киргизов породил ряд таких произведений, как пастушеские женские песни (бекбекей) и песни конских пастухов (шырылдан). Песни бекбекей исполнялись женщинами и девушками ночью, при окарауливании овец. Пение их сопровождалось протяжными заунывными выкриками. В них женщины

предостерегали друг друга о грозящей от волков опасности, призывали к бдительной охране отар, угрожали волкам:

...Надо чутко в загоне стеречь овец!
Из боярышника жердь у меня.
Волк-ворюга, тебе смерть у меня!
...Только сунься волк, окружим!
Палками его оглушим!

Песни шырылдан распевали пастухи, приходившие с далеких пастбищ в аилы с целью сбора пищи. Табунщики пели:

...Шырылдан — это наш удел.
Мы сегодня не смеем спать.
Только был бы табун наш цел,
Сон успеем мы наверстать.
Я устал от долгой езды,—
Я коня по нагорьям пас...

Помимо этих трудовых пастушеских песен, существовали песни, которыми сопровождались процессы земледельческого труда, в частности молотьба.

Жизненный опыт народа, его мудрость получили яркое воплощение в многообразных пословицах и поговорках. Как и всякие народные изречения, киргизские пословицы и поговорки в очень образной и доходчивой форме прививают любовь к родине и к народу, чувство мужества и отваги, порицают пороки, осуждают зло. Они тесно связаны со скотоводческим, а отчасти и с военно-кочевым бытом народа. Из этого жанра устного народного творчества вырос ряд самостоятельных, специфических для киргизского фольклора произведений, представлявших собою нравоучительные песни и поэмы. Они состояли из ряда пословиц (часто имевших стихотворную форму) и рифмованных афоризмов. Такие поэмы называются санат («поучение», или «пример, достойный подражания»). Включавшиеся в них пословицы не сочинялись, а черпались из числа бытующих в народе. Они подбирались или на одну какую-либо тему или были разнообразны по тематике, но в целом выступали в виде поэтических моральных поучений.

Другой вид нравоучительных поэм (насыят, т. е. «наставление», «совет») включал в себя пословицы лишь в качестве дополнительного элемента. Более поздние насыяты содержали наставления об обучении ремеслу и грамоте, о пользе знаний. Существовали насыяты и религиозного содержания.

Большое место в киргизском фольклоре занимает песенное творчество. Это связано в первую очередь с совершенно исключительным поэтическим даром у киргизов, с их необычайной способностью к импровизации, к воплощению в поэтических образах и в стихотворной форме всех наиболее значительных событий окружающей жизни. Широкое развитие песни связано также с музыкальной одаренностью народа. Ведущую роль в песенном жанре

занимает лирика. В свою очередь лирические произведения представлены преимущественно бытовыми песнями. Здесь мы встречаем и песни, любовные в собственном смысле,—секетбай и кюйгён и песни-жалобы (арман), сложенные по случаю какого-либо горя, личной утраты. В последних рассказывалось о нужде и бедности, о насильственном замужестве и т. д. К песням-жалобам примыкают песни-прощания (коштошуу), исполнявшиеся при прощании с народом и любимой, с родным краем.

Особую разновидность песен представляли песни-состязания (айтыш), исполнявшиеся во время своеобразных поэтических и музыкальных турниров между народными поэтами-акынами. В таких состязаниях в умении владеть даром импровизации участвовали чаще всего два акына. Но на больших празднествах устраивались состязания, в которых принимало участие большое число присутствующих. Состязания-диалоги иногда состояли из загадок и разгадок.

Киргизские манапы культивировали жанр песен-восхвалений (мактоо), которым, однако, противостоялись песни-издевки (кордоо), слагавшиеся демократически настроенными акынами, высменявшие баев, манапов и неблаговидные поступки людей.

Существовали песни различных возрастных групп, особенно молодежи, которые пелись обычно во время игр. Так, исполнялись песни во время игры «целование девушки», во время качания на качелях (селкинчек), девичьи песни-соревнования (акый или акыйнек) и др. Большой любовью к детям были насыщены колыбельные песни.

Среди бытовых песен видное место занимали причитания и обрядовые песни, которыми, в частности, сопровождались свадебный и погребальный обряды. Перед отправлением невесты из родительского дома в дом будущего мужа ее мать, родственницы и подруги пели трогательные песни-плачи (кошок), в которых с большой силой раскрывалось бесправие девушки, выходившей замуж, и содержались также наставления дочери о том, как вести себя в доме мужа.

Под тем же названием были известны достигавшие большой художественной силы похоронные плачи, слагавшиеся нередко женщинами. В одних случаях это были причитания, короткие лирические произведения, в других — более крупные произведения типа элегий, подробно повествующие о жизни покойного. Последнего типа плачи зачастую слагались профессиональными певцами по заказу феодальной знати и имели целью идеологическое воздействие на трудящихся, прославление того или иного манапа.

Причитания, исполнявшиеся в дни поминовения умерших, перерастали в особые поминальные песни—жоктоо.

Помимо перечисленных видов устного творчества, киргизы создали мощно звучащие эпические произведения. Крупнейшим среди них является поэма «Манас».

«Манас» представляет собою монументальное эпическое произведение, созданное в результате коллективного творчества многих поколений талантливых сказителей-манасчи. Впервые отрывок из «Манаса» был записан в конце 50-х годов XIX в. казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым. На русском языке в прозаическом переводе он был опубликован лишь в 1904 г. Сокращенный вариант «Манаса» был позднее записан и в 1885 г. опубликован академиком В. В. Радловым в киргизском оригинале и переводе на немецкий язык.

Среди киргизов «Манас» бытовал только в устной традиции. То обстоятельство, что «Манас» сохранился в народе до самого последнего времени, объясняется не только феноменальной памятью сказителей, но и тем, что киргизский эпос даже в XIX в. переживал период своего творческого развития. Очевидно, этими же причинами следует объяснить то, что эпос у киргизов в известной степени подчинил себе все остальные жанры фольклора, вобрав в себя в той или иной мере все его богатство: и предания, и сказки, и песни, и поговорки.

Выдающаяся роль в сохранении, в дальнейшей творческой переработке и обогащении эпоса принадлежит сказителям. Первым крупным манасчи, имя которого сохранилось в памяти стариков, является Кельдибек. Он жил во второй половине XVIII в. — начале XIX в. Его преемником называют знаменитого Балыка, родившегося в Чуйской долине. Творческая деятельность его относится, главным образом, к первой половине XIX в. Талант Балыка перешел к его сыну Найманбаю.

«Манас» так велик по своему объему, что для полного его исполнения требовались многие недели и даже месяцы. Приглашать к себе манасчи на длительный срок могли преимущественно манапы, бии и баи. Большую роль в распространении «Манаса» в народе играли ырчы—рапсоды, исполнявшие отдельные, наиболее популярные эпизоды из поэмы. В отдельных отрывках «Манас» был известен широким слоям населения. Исполнялся «Манас» обычно при большом количестве слушателей, без инструментального сопровождения. Часть поэмы, содержащая рассказы и описания, излагалась в более быстром темпе, а диалоги и речи героев пелись речитативом, плавно и торжественно. Исполнение их носило характер музыкального сказа. Существует свыше двадцати мелодий, употребляемых при исполнении «Манаса». Сказитель сопровождает исполнение поэмы богатыми жестами и мимикой.

Основная сюжетная линия, проходящая через всю поэму, — это богатырские подвиги легендарного Манаса. По содержанию

в «Манасе», с некоторой долей условности, можно выделить девять основных циклов песен. Первый из них посвящен рождению, юношеским годам и ранним подвигам Манаса; второй цикл повествует об избрании Манаса ханом; следующие пять циклов поэмы содержат подробное описание военных походов Манаса и его дружины из сорока витязей (кырк чоро) в различные части Средней Азии и в соседние страны. Во время одного из походов ближайшим другом и соратником Манаса становится китайский царевич Алмамбет. Восьмой цикл представляет красочную картину тризны по ташкентскому хану Кокетею, сподвижнику Манаса. Поэма завершается девятым циклом, в котором дается описание последнего похода Манаса. Тяжело раненный в этом походе, Манас возвращается в долину Таласа, где и умирает.

В «Манасе» подробно разработано несколько отдельных сюжетов, из которых наиболее крупными являются сватовство и женитьба Манаса на Каныкей, дочери таджикского хана, заговор семи ханов против Манаса, история прибывшего к Манасу Алмамбета — его первого соратника и названного брата и др.

Большое место в эпосе, наряду с описанием многочисленных батальных сцен, занимает бытовой материал: мастерски написанные картины свадьбы, поминок, народных игр и развлечений, домашнего быта и т. п. Манас выведен в эпосе как главное, стержневое действующее лицо, вокруг которого группируются все остальные. В поэме нет почти ни одного эпизода, где бы не участвовал сам Манас. Эпос рисует замечательный образ женщины, красавицы Каныкей — умной и проницательной жены Манаса, верной и мужественной подруги богатыря. Крупную роль рядом с Манасом, кроме его дружины, играет его сподвижник Алмамбет Большое место возле Манаса отведено в поэме его сказочному коню Ак-Кула.

Многое в «Манасе» можно отнести к области сказочного, фантастического, богато представлена в нем мифология. Но совершенно очевидно, что значительная часть из тех военных событий, которые описываются в «Манасе», является художественным отображением реальных фактов.

На протяжении своей истории киргизам многократно приходилось выступать против чужеземных захватчиков и угнетателей: древнеуйгурских каганов, монгольских, ойратских и других феодалов и ханов. В большинстве военных эпизодов эпоса отражены события, связанные с ожесточенной борьбой киргизских племён против джунгар (ойратов), вторгавшихся на территорию Средней Азии в XV—XVIII вв.

Этот мотив борьбы с джунгарами сближает киргизский эпос с эпосами и других народов Средней Азии (казахов, узбеков, каракалпаков).

Вместе с тем, в эпосе «Манас» нашли, несомненно, свое воплощение и эпизоды более раннего исторического прошлого киргизских племён с характерным для него господством военно-демократического строя. «Манас» представляет собою чрезвычайно сложное явление; в нём «сплавились» различные по своему происхождению и по времени возникновения жанры и сюжеты. Состав эпоса свидетельствует о том, что он не возник в своем теперешнем виде в течение короткого времени, а постепенно развивался и обрастал всё новыми и новыми сюжетами и песнями, впитывая в себя прежде всего эпические сказания тех племен, которые образовали в конечном итоге киргизскую народность.

Идейное содержание «Манаса» отражает те противоречия, которые характерны для патриархально-феодального строя. Сложившийся в эпоху начавшегося объединения разрозненных племён и формирования киргизской народности, эпос «Манас», с одной стороны, воплощает прогрессивную для своего времени идею народного единства, с другой стороны, он идеализирует патриархально-феодальные порядки и те, подчас жестокие, методы, с помощью которых утверждала свое господство правящая знать киргизских племён.

Эпос содержит в себе немало мотивов, обязанных своим возникновением существованию в киргизском обществе классовых отношений. Мы находим здесь и систему вассалитета, и такую социальную категорию, как рабы, обслуживающие своим трудом знать; захватнические войны, сопровождающиеся угоном скота и пленных, увозом богатой добычи, и пышность ханского двора, и расточительные, обременительные для народа тризны, и многое другое. Следовательно, в эпосе оказалась довольно широко представленной идеология господствующего класса киргизского общества XIX в.

Эти сюжеты были обязаны своим возникновением тем манасчи, которые составляли окружение феодализирующейся знати киргизского общества. Но среди манасчи, особенно рапсодов, исполнявших отдельные сюжеты эпоса перед народными массами, было немало сказителей, близких народу. Эти манасчи по-своему, в демократическом духе осмысливали сказания эпоса. Многочисленные военные столкновения они истолковывали в плане патриотической идеи защиты родины, борьбы за независимость народа, против чужеземных посягателей на его свободу и достоинство. Эта патриотическая идея воплощалась в главном герое эпоса Манасе. Манас—вовсе не богатырь-одиночка и даже не только вождь своей дружины витязей-удальцов. За Манасом стоит народ, и именно во главе народа и с народом Манас добивается осуществления своих целей. А эти цели — «собирание» киргизских земель, объединение родственных, но разобщенных племён.

В образе Манаса киргизские племена, в течение многих веков страдавшие от отсутствия единства, хотели видеть того идеального вождя, который мог бы стать во главе всех киргизов, сплотить их в силу, способную противостоять всем внешним врагам. Эта мечта о единстве народа, воплощённая в эпосе, и была высшим выражением его народности. С этой точки зрения эпос имел большое воспитательное значение.

Не случайно буржуазные националисты пытались использовать эту здоровую целеустремлённость эпоса, порождённую конкретной исторической обстановкой, в своих контрреволюционных пантюркистских и панисламистских целях, стремясь придать образу Манаса черты вождя и объединителя всех тюркоязычных народов, всех мусульман.

Продолжением основной части «Манаса» являются эпические поэмы: «Семетей», относящаяся к жизни и подвигам сына Манаса—Семетея, и «Сейтек», посвященная сыну Семетея — Сейтеку. По своему объему «Семетей» не уступает «Манасу». Однако в отличие от «Манаса», стиль которого характеризуется чертами торжественности, суровой героики, поэтический стиль «Семетея» и «Сейтека» приближается к романтическому, он обладает многими особенностями, свойственными стилю лирического произведения. Поэтому указанные части трилогии могут быть названы лирико-эпическими поэмами.

Трилогия «Манас»—не единственный памятник эпического творчества киргизского народа. В устном народном творчестве киргизов имеется свыше десятка других эпических произведений: сказочно-героические поэмы «Эр төштүк" и «Коджоджаш» и другие. Большинство этих поэм содержит описания богатырских подвигов, совершённых героями в борьбе против иноземных поработителей. Многие черты этих произведений указывают на их происхождение из племенных эпосов.

К эпическому жанру примыкают сказки, весьма разнообразные по своему содержанию. Здесь и сказки волшебные, которые содержат необыкновенные приключения героев, и бытовые, ярко описывающие жизнь народа, и анекдотические, и сказки о животных. Создателями и распространителями этих произведений являлись сказочники-профессионалы (жомокчу).

В целом киргизское устное народное творчество во всем многообразии его жанров и богатстве содержания может быть названо одним из важнейших достижений народной культуры; оно непрерывно обогащалось за счет усиления мотивов социального протеста против феодального и колониального гнета. Во многих своих лучших образцах киргизский фольклор дожил до наших дней и вошел составной частью в киргизскую советскую культуру.

Музыка.

Киргизская музыка уходит своими корнями в глубокую древность. Уже в источниках, относящихся к VII—VIII вв., имеются указания на существование у древних киргизов музыкальных инструментов: флейты, бубна и других. О любви киргизов к музыке и поэзии свидетельствуют почти все наблюдатели и исследователи. Музыка сопровождала различные общественные события, в том числе и военные походы, тризны, празднества, семейные торжества и т. п.

Музыкальное творчество киргизского народа было представлено как в вокальных, так и в инструментальных формах. Оно выработало свой законченный стиль, отличается богатым запасом ритмических средств и характерно своим лиризмом, сдержанностью и эпической простотой. Киргизской музыке свойственны жизнерадостность и оптимизм. Большой степени выразительности и оригинальности по своему мелодическому содержанию, несмотря на сравнительную простоту исполнительских средств, достигла киргизская инструментальная музыка. Среди народных музыкальных инструментов первое место по степени распространения и популярности занимал комуз — струнный щипковый инструмент лютневого типа, близкий к казахской домбре, но имеющий, в отличие от нее, три струны и не имеющий ладовых подразделений. Далее следовал кыяк — струнный смычковый инструмент, состоящий из деревянного кузова грушевидной формы, с вытянутой кверху шейкой, несколько удлиненного книзу. Нижняя половина кузова обтягивалась верблюжьей кожей, служащей декой инструмента. Кыяк имел две струны из пучков конских волос; из таких же волос делался и смычок. Металлический инструмент—темир-комуз, типа варгана, употреблялся преимущественно женщинами и детьми. Сурнай близок к аналогичным среднеазиатским инструментам типа гобоя. Он употреблялся во время военных походов. Чоор, разновидность пастушеской дудки, — продольная открытая флейта с тремя или четырьмя пальцевыми отверстиями изготовлялась из стебля степного растения, иногда из дерева, обтянутого в некоторых случаях пищеводом теленка.

Виртуозность исполнителей-инструменталистов была доведена у киргизов до совершенства. Среди пьес для комуза встречались подлинные шедевры музыкального творчества. Пьесы для кыяка более древнего происхождения, по своей тематике они часто отражали военные события. Таковы пьесы: «Ураан» (боевой клич), «Олжо» (военная добыча), «Кайракачба» (не отступай) и др. В киргизской музыке были широко представлены пьесы программно-изобразительного характера.

Известны имена старых народных композиторов XVIII—XIX вв. — Тилена, Кальчеке, Сыртбая Куренкея, Музооке.

Прикладное изобразительное искусство.

Изяществом и богатством форм, четкостью рисунка, высокой культурой цвета было отмечено издавна развитое у киргизов изобразительное искусство. Его применение, в силу особенностей кочевого уклада жизни, было ограничено художественным оформлением жилища, одежды, предметов утвари, сбруи и т. п. Тем не менее в этой стороне народного творчества также проявлялась высокая художественная одаренность народа. Изобразительное искусство у киргизов было представлено орнаментом на коврах, изготовлением разных типов узорчатых войлоков, орнаментированных цыновок, вышивкой, тиснением по коже, резьбой по дереву и художественной обработкой металла.

Выделкой шерстяных ворсовых ковров занимались памиро-алайские и ферганские киргизы, а также киргизы, кочевавшие в западной части китайского Туркестана. Ковровое производство было сосредоточено преимущественно среди родов кыдырша, мангыт и др. Киргизские ковры изготовлялись на таком же станке, как и туркменские, на шерстяных основе и утке. Изготовлялись главным образом небольшие ковры. Преобладающими цветами в коврах являлись мареново-красный и индигово-синий, изредка попадались желтый, коричневый, черный и белый. Тона и оттенки красок были своеобразны, а сочетание их свидетельствовало о тонкости вкуса исполнительниц. Орнаментная уборка ковров слагалась из различных ромбических фигур в сочетании с мотивами типа «бараньего рога», из восьмиугольников, меандрового (в виде изогнутых лент и линий), излюбленного гранатного орнамента и других. В орнамент ковров, особенно у кашгарских киргизов, проникали китайские элементы и мотивы.

Наиболее распространенными среди киргизов являлись войлочные ковры и различные предметы быта из орнаментированного войлока. Изготовлялись, в частности, мешки и сумки для хранения и перевозки утвари, принадлежности сбруи и т. п. Орнамент на войлочных изделиях отличался простотой, ясностью рисунка, сравнительно крупными его размерами и окрашивался чаще всего в два основных цвета: синий и красный, красный и белый, красный и желтый.

Видное место в искусстве киргизской женщины занимала вышивка. Вышивкой украшались одежда, различные предметы домашней утвари, подвесные сумки, мешочки, покрывала, полотенца, чепраки и т. д. Лучшими образцами вышивального искусства являлись богатые по мотивам цветные композиции, обрамлявшие украшения на внутренних стенах юрты, — особого типа бархатные ковры — тушкийиз.

Оригинальными по технике и рисунку были узоры из цветной шерсти, которыми покрывали цыновки из стеблей степного ра-

стения—чия, употреблявшиеся для обтягивания деревянного остова юрты. Тканые полосы, служившие для крепления различных частей юрты, также делались часто орнаментированными. Тиснение по коже и аппликация из кожи встречались главным образом на сундуках, футлярах, различных кожаных сосудах для кумыса или молока, принадлежностях седла, одежды и т. д.

Конская сбруя, мужские пояса и некоторые другие предметы украшались металлическими пластинками и бляхами, покрытыми чеканкой, гравировкой и чернью или прорезным узором; из серебра изготовлялись различные женские украшения. Резным орнаментом покрывались двери и дверные рамы, сундуки, музыкальные инструменты, ручки деревянных мешалок для кумыса.

Резьба по дереву, как и художественная обработка металла, производилась мужчинами, все остальные виды изобразительного искусства составляли область художественного творчества женщин. В киргизском орнаменте встречались реалистические изображения животных, птиц и других элементов окружающей природы, а также предметов быта. Наряду с ними, особенно в вышивках и аппликациях, попадались фантастические узоры — кыйал. В целом киргизский орнамент генетически связан со скифским искусством, особенно ярко представленным в древности в тех же районах, где в дальнейшем формировались киргизские племена.

Кроме орнамента, киргизам был известен и другой вид искусства — тематический рисунок, применяющийся с XVIII в. в росписи надгробных сооружений. Это — живопись типа фресок. Среди рисунков на стенах таких сооружений встречаются изображения вооружения, одежды, человеческих фигур. Иногда чувствуется желание расположить фигуры в связную композицию (сцены охот, перекочевок, а также намек на пейзаж). Композиции отражали события, имевшие место при жизни умершего. Изображения должны были заменить предметы, необходимые, по верованиям киргизов, для удовлетворения нужд покойного в «загробном мире».

Религиозные верования.

Устойчивое сохранение патриархально-феодальных отношений в киргизском обществе способствовало тому, что в народном мировоззрении киргизов удерживалась наиболее отсталая форма идеологии, а именно религиозная идеология. Она играла большую роль в духовной жизни киргизов, хотя содержание её далеко не ограничивалось официальной господствующей религией этого периода — исламом.

Ислам у киргизов появился сравнительно поздно. Даже в исторических источниках, относящихся к XVII в., киргизы еще называются «кафирами», т. е. немусульманами. Проникновение ислама в среду киргизов можно отнести приблизительно ко вто-

рой половине XVII и к XVIII вв., когда киргизы начали вступать в особо активные сношения с мусульманским населением Кашгара и Ферганской долины. Этот процесс, повидимому, усилился с момента захвата киргизских земель Кокандским ханством.

Значительную роль в насаждении и распространении ислама, помимо всякого рода проповедников — дервишей, ходжей и ишанов,—сыграло манапство. При помощи узбекского духовенства манапы заставляли подвластное им население обучаться мусульманской обрядности и заучивать молитвы. Однако, среди подавляющего большинства киргизского населения религиозного фанатизма не наблюдалось. Догматы ислама были мало известны, религиозные обряды выполнялись далеко не всеми. Насколько свободно толковались предписания ислама, свидетельствует тот факт, что однажды по ходатайству «сородичей» манап Ормон разрешил перенести тридцатидневный пост (орозо) с летнего времени на зиму.

О поверхностном усвоении ислама киргизами свидетельствует наличие у них многочисленных пережитков древних религиозных представлений, среди которых особенно крупное место занимали культ предков и элементы шаманизма. Некоторые факты из области киргизского фольклора говорят о том, что киргизам было известно и буддийское мировоззрение. Среди южных киргизских племен ислам пустил гораздо более глубокие корни, некоторые из сохранившихся у них древних верований подвергались заметному влиянию ислама.

Благоприятной почвой для бытования многообразных домусульманских верований являлась живучесть патриархальных традиций, коренившихся, в свою очередь, в отсталых формах кочевого скотоводческого хозяйства. Неустойчивость последнего, приводившая к систематическим голодовкам и разорению, вместе с беспомощностью перед «власть имущими», а также перед эпидемиями и разного рода болезнями вызывали к жизни превратные представления о причинах бед и несчастий. Бессильный перед социальными силами гнёта и бесправия, перед стихийными силами природы рядовой кочевник искал поддержки, с одной стороны, у созданных его же фантазией сверхъестественных существ, с другой стороны, — у своих сородичей и родственников, у предков; последним приписывалась способность влиять на благополучие потомства.

Особенно широко была распространена вера в духов умерших предков. Результатом этого воззрения являлось особое уважение к могилам предков. По рассказам, в старину за оскорбление могилы полагалась смертная казнь. На могилах умерших у племени саяк ставился высокий шест с привязанным к нему хвостом самой любимой лошади покойного. Обычно могила обносилась глинобитной стеной, а у более состоятельных устраивались

надмогильные сооружения (кумбёз), иногда довольно крупных размеров, типа мавзолеев. С углублением классовых, патриархально-феодальных отношений усиливалось влияние ислама, и культ предков начал постепенно приходить в упадок, причем его место занимал культ мусульманских «святых», нашедший свое выражение в почитании разного рода гробниц. Наряду с представлениями о духах предков, стало распространяться пришедшее вместе с исламом верование в Кыдыр-ата (Хызра), невидимого странствующего «святого», приносящего с собою счастье, богатство, славу и прочие блага.

Среди киргизов было широко распространено почитание священных рощ, деревьев, источников и т. п., связанное с многочисленными магическими действиями и обрядами. В таких местах, называвшихся мазарами, клали кости и черепа животных, рога горных козлов, архаров, ставили шесты с хвостами яков, к деревьям привешивали лоскуты материи, кусочки ваты и т. п. Возле этих мазаров по случаю каких-либо стихийных бедствий (засуха, джут и др.) или во время мусульманских праздников устраивались моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями. Имели место и частные жертвоприношения у таких мазаров по случаю болезни людей или скота, при отсутствии детей и т. д. При жертвоприношениях произносились заклинания, иногда ничего общего с исламом не имеющие. Такие мазары устраивались и на особо высоких перевалах.

В киргизской мифологии большое место занимали представления о разного рода демонических существах, способных нанести вред человеку или его богатству, каким для кочевников был скот. Из них были известны существо в образе женщины с медным клювом и медными когтями, особенно часто «нападающее» на охотников (джез тырмак), существо в образе старухи, якобы сосущей кровь из пятки человека (мастан кемпир), существо в образе женщины с длинными грудями, главная опасность от которой будто бы грозит роженицам (албарсты), и ряд других. Широко распространена была вера в злое божество (джер-суу, т. е. земля-вода), которому приносились умилостивительные жертвы.

Особое место среди этих верований занимали злые духи—джины; их представляли себе в виде маленьких мошек и мух, вызывающих различные болезни человека и животных, чаще всего сумасшествие, падучую и другие нервные болезни. Способность влиять на джинов, изгонять их из тела больного приписывалась определенным лицам (мужчинам-бакшы и женщинам-бюбю), приемы лечения которых во многом напоминали шаманские камлания. Существовала своеобразная дифференциация шаманских функций. Бакшы и бюбю занимались главным образом лечением. Функции прорицателей, угадывателей воров и т. п. вы-

полняли особые лица — сынчы. Выделялись еще «вызыватели дождя» (джайчы), предсказатели погоды (эсепчи) и другие.

Ислам и пережитки языческих верований широко использовались феодальной верхушкой в деле усиления эксплуатации трудовых масс киргизов. Религиозные верования держали массы народа в темноте и забитости, культивировали рабскую покорность букары перед маканами и биями. Идеология ислама закрепляла угнетенное положение киргизской женщины.

§ 13. КОЛОНИЗАЦИЯ КИРГИЗИИ КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ

Начало завоевания Киргизии Кокандским ханством.

Кокандское ханство, обособившееся в самостоятельную политическую единицу во второй половине XVIII в. и первоначально территориально ограниченное только Ферганской долиной, в начале XIX в. превратилось в обширное государство. Основателем Кокандского ханства был Алим-хан, наследовавший власть у своего отца Нарбото-бия в 1799 г.

В 1808 г. Алим первый принял титул хана, и Ферганская долина с этого времени стала именоваться Кокандским ханством.

При Алим-хане в состав Кокандского ханства входили кочевья некоторых киргизских племен, живших в самой Ферганской долине и вокруг Андижана и Намангана. Но основная масса киргизских племен была завоевана Кокандским ханством позднее — при Омар-хане (1810—1821 гг.) и при его преемнике Мадалы-хане (1821—1842 гг.)

В 1819 г. Омар-ханом были завоеваны территории казахов с городами: Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, Сайрам.

В Кокандском ханстве жили различные народности. Коренными жителями первоначального ядра ханства — Ферганской долины—были главным образом узбеки. С расширением территории ханства шло и увеличение численности населения за счет казахов, киргизов, узбеков и таджиков. Основным населением продолжали оставаться узбеки.

По своему общественно-экономическому строю Кокандское ханство было феодальным. Его господствующим классом являлись крупные землевладельцы—светские и духовные феодалы. Значительным влиянием пользовались крупные торговцы и купцы.

Земельные владения крупных феодалов расширялись в основном за счет захвата дехканских-хараджных земель, частично также за счет освоения целин.

Сосредоточив в своих руках лучшие и обширные земли, феодалы закабаляли дехкан, которые обрабатывали эти земли свои-

ми орудиями и уплачивали подати государству и ренту феодалам и духовенству.

С развитием товарно-денежных отношений натуральная рента заменялась денежной. В связи с этим значительно усиливалась зависимость дехкан от ростовщиков, которыми были купцы, феодалы и духовные учреждения.

Промышленность в Кокандском ханстве была развита очень слабо.

Политическое управление носило ярко выраженный феодальный характер. Хан являлся формально полновластным владыкой страны. Но его власть неограниченно распространялась только на районы, прилегавшие к столице. Остальные округа управлялись крупными феодалами, военными «правителями» округов, кушбегами, хакимами, датха и беками.

Получив с кушбега определенный налог, хан становился до некоторой степени лишь номинальным владельцем округа.

Кушбеги, в свою очередь, передавали управление отдельными городами и районами и более мелким феодалам, которые непосредственно хану уже не подчинялись.

Сосредоточив в своих руках крупные участки земли, кушбеги часто выходили из повиновения хана. Для Коканда были характерны внутренние феодальные раздоры.

Кокандские ханы стремились к завоеванию всей территории Киргизии, усматривая в этом большие выгоды в пополнении материальных ресурсов Коканда. Киргизия имела значение как рынок сбыта товаров кокандских купцов и как источник дешевого скотоводческого сырья. Немаловажное значение имело также обеспечение безопасности торговых путей с Кашгаром. Эксплоатация населения Киргизии проходила и путем массового военного грабежа кочевников во время походов и путем систематического изъятия прибавочного продукта в виде многочисленных сборов и постоянного сбора зякета.

Зимой 1821 г. бывший хаким наманганского вилайета Сайдкул-бек по приказу Омар-хана совершил поход против кочевников в Дашти-Кипчак. Поход закончился успешно, и тогда у Сейдкул-бека назрел план нового похода против кетменьтюбинских киргизов. Там находились в это время киргизские племена багыш, саяк и сатыке.

Получив согласие Омар-хана, Сайдкул-бек во главе сильного отряда предпринял поход в Кетмень-Тюбе. Разорив население Кетмень-Тюбинской долины, захватив добычу и взяв пленных, он вернулся.

Следующий поход был предпринят Бекназар-бием на киргизов племени сарыбагыш, кочевавших на караванной дороге из

города Оша в Кашгар. Поводом для похода была использована жалоба купцов о разграблении их каравана сарыбагышами. Этим походом было нанесено сарыбагышам сильное поражение и утверждена над ними власть кокандского хана.

Завершение завоевания Киргизии Кокандским ханством.

Со второй четверти XIX в. началась усиленная колонизация Северной Киргизии Кокандским ханством. Наступление кокандцев шло от Ташкента через Чимкент, Аулие-Ата, Чуйскую долину до реки Или и от Ферганской долины через Кугартский перевал на долины Тогуз-Торо, Атбаши, Нарын, Джумгал, Кочкор и до берегов Иссык-Куля.

Кушбеги Ташкента, воспользовавшись феодально-родовыми распрями между племенами солто и сарыбагыш, в 1825 г. заняли Чуйскую долину и основали укрепление Пишпек на одноименном урочище.

Относительно сильное сопротивление встретили кокандские войска со стороны племени саяк, кочевавшего на Тянь-Шане. Однако войска кокандского военачальника Хак-Кулы разбили саяков и привели их под власть кокандского хана.

В 1832 г. на Нарыне Хак-Кулы основал укрепление Куртка. Впоследствии было основано укрепление Тогуз-Торо в одноименной долине и Таш-Курган на южных склонах Памира. Хак-Кулы обложил ясаком восточные племена киргизов, а кушбеги Ташкента — киргизские и казахские племена, кочующие по реке Чу. В результате всего этого в 30-х годах XIX в. владения Кокандского ханства дошли до Кашгара и Кульджи, захватывая при этом всю Киргизию.

Быстрым военным успехам кокандцев значительно способствовала раздробленность киргизов, находившихся в межплеменных раздорах. Разрозненные киргизские племена, разбросанные на обширном пространстве современного Киргизстана, разделенные естественными горными преградами, не позволявшими в зимних условиях установлению связи между отдельными племенами, были слишком слабы для оказания сколько-нибудь серьезного сопротивления организованному натиску со стороны кокандских завоевателей. Своей военной организацией и вооружением киргизские племена далеко уступали кокандцам. Кокандцы, кроме преимущества в ручном огнестрельном оружии, имели артиллерию, которая была совершенно незнакома кочевым киргизам и потому производила на них сильное впечатление. Особенно опасны были для киргизов походы кокандцев в зимнее время, когда киргизы становились наиболее уязвимыми, так как, будучи привязаны к своим зимовкам и не имея обычной подвижности, они не могли успешно укрыться в недоступных ущельях гор, как это бывало летом.

Для поддержания своего господства кокандцами были возведены укрепления в кочевьях киргизов: Пишпек, Токмак, Мерке — на реке Чу, Аулие-Ата — на Таласе, Куртка и Тогуз-Торо — на реке Нарын, Кетмень-Тюбе и Джумгал — на реке Джумгал, Бостон-Терек и Таш-Курган — на Памире, Кызыл-Курган—на Алае, Чиняз — в Чаткале. Впоследствии кокандцами были воздвигнуты мелкие укрепления на Аксу и Карабалты в Чуйской долине и в Атбаши. В 1832 г. кокандским военачальником Хак-Кулы после покорения бугинцев были воздвигнуты мелкие укрепления на берегу озера Иссык-Куль: Каракол, Барскоун и Конур-Уленг.

Наиболее значительными укреплениями в Северной Киргизии были Куртка и Пишпек.

Киргизы под властью Кокандского ханства.

В административном отношении территория Киргизии была разделена на несколько податных округов, которыми управляли кокандские беки. Киргизы, кочующие в Ферганской долине, находились под властью правителей ближайших городов, вносили им налог и должны были отбывать военную службу. Сравнительно рано подпав под власть кокандского хана, они более всех остальных киргизских племен сблизились с оседлым населением Коканда, частично освоили их быт и культуру. Большое племенное объединение адыгине, занимавшее Алайскую долину, в административном отношении было приписано и Андижанскому наместничеству. Андижанскому же округу были подчинены киргизы, кочевавшие на Тянь-Шане, по р. Нарын и в нагорье Сырт. Управлялись они непосредственно из укреплений Куртка, Тогуз-Торо, Джумгал и Атбаши.

Киргизы Чуйской и Таласской долин, а также и Иссык-Кульской котловины были подчинены Ташкентскому наместничеству и управлялись из укреплений Аулие-Ата, Мерке, Аксу, Пишпек и Токмак. Сюда же относились и киргизы Чаткальской долины и Сусамыра.

Кокандское ханство в административном отношении в Киргизии не имело твердо установленной и постоянной системы. В связи с перекочевкой киргизов административно-политическое разделение менялось и запутывалось; вследствие этого часто происходили стычки между сборщиками зякета отдельных кокандских округов. В аилах южных и тяньшанских киргизов иногда разъезжали сборщики зякета от разных округов. Пограничные с Китаем киргизские племена, которые иногда перекочевывали в пределы Китая, нередко должны были платить зякет и кокандскому хану и китайским властям. Так было, например, с племенами чон-багыш, черик и бугу.

В Кокандских военных укреплениях, воздвигнутых в кочевьях киргизов, стояли кокандские гарнизоны, силой своего оружия поддерживавшие власть кокандского хана над киргизскими пле-

менами. Кокандский наместник, местом пребывания которого была крепость, имел высшую власть над всеми киргизами, находившимися в ведении этой крепости. Местное управление было оставлено в руках киргизских правителей—биев и аильных старшин. Но в основном власть на местах находилась в руках отдельных представителей родо-племенной знати—манапов, которые были подчинены наместникам кокандского хана. Родо-племенная знать, таким образом, выполняла функции непосредственных исполнителей ханской власти.

Кокандские военные укрепления являлись не только центрами административно-политического управления, но и центрами торговли. Здесь находились сборщики зякета и торговцы. Около крепостей происходил оживленный обмен товаров кокандских купцов и кочевых киргизских племен: выгодно сбывались изделия ремесленно-кустарных предприятий и дешево скупалось скотоводческое сырье. Здесь же сбывались транзитные товары.

Наряду с начальниками крепостей и гарнизонов, для наблюдения за киргизами кокандцы держали еще особых чиновников—ильбеги, которые, находясь непосредственно в аилах, осуществляли постоянный надзор за киргизами. Киргизская правящая знать, опираясь на власть кокандского хана и на силу кокандских гарнизонов, производила еще больше насилий над подвластным ей киргизским народом. Тяжелые налоги кокандского правительства, всевозможные поборы, вымогательства и произвол кокандских феодалов и киргизских манапов нередко заставляли массу кочевников оставлять свои обычные места и откочевывать в отдаленные глухие горные ущелья.

Кокандское ханство широко использовало религию ислам в качестве орудия упрочения своей власти над киргизским народом. Для этого оно использовало идеологическое влияние мусульманского духовенства. В укреплениях и других пунктах строились мечети, распространялась проповедь фанатических ишанов и дервишей. Ислам становился также и идеологическим оружием в руках господствовавшей феодально-родовой верхушки киргизов.

Для поддержания власти хана применялось и прямое насилие. В крепостях были построены «зинданы» — тюрьмы-колодцы. Для инструктирования местных судей и для решения различных межродовых споров и конфликтов в Пишпеке и Куртке ежегодно созывалось собрание манапов, проходившее под председательством кокандского губернатора-датха. Он имел право отменять или утверждать решения манапов и суда биев.

Для поддержания своей власти и обеспечения получения налогов кокандские коменданты крепостей всегда имели аманатов (заложников) из знатных семей киргизов и поддерживали постоянную вражду между киргизскими родоначальниками.

Особенно тяжелой была для киргизского народа налоговая политика кокандского хана. Зякет, ежегодно собираемый в пользу кокандского хана, являлся для скотоводов чрезвычайно тяжелым. Сбор его производился без всякого контроля и почти всегда носил характер массового вымогательства и грабежа со стороны чиновников-зякетчи с целью личного обогащения. Нередко жестокости и насилия ханских сборщиков зякета вызывали восстания киргизов, подавлявшиеся вооруженными силами.

Киргизы платили тюндюк-зякет — подымный сбор с каждой юрты по одному барану, кой-зякет — налог на баранов, по одному из пятидесяти (а иногда из сорока и даже двадцати, смотря по обстоятельствам), харадж — сбор с земледелия от каждого гумна по три барана. Кроме этого, в пользу духовенства платились битир (подушный налог) и ушур (подоходный налог).

Но этими налогами дело не ограничивалось. Взимался налог еще на содержание гарнизонов крепостей и продовольствие при «временных сборах» войск, когда с каждой юрты взималось до трех баранов. Племена солто и сарыбагышей ежегодно представляли на прокормление кокандских войск тысячи пудов пшеницы и проса. Помимо того, им приходилось еще кормить целую армию зякетчей.

Тяжесть от всех этих «законных» налогов возрастала еще благодаря злоупотреблению местной кокандской администрации, прежде всего зякетчи. Один из современников, посетивший Кокандское ханство в 1849 г., писал: «Сборщики, посылаемые правителями областей, позволяют себе, по словам самих кокандцев, разные притеснения и через то вынуждают подарки и прибавку сверх законного положения».

Кокандские налоги не были постоянны и часто изменялись в зависимости от обстоятельств. С ухудшением внутреннего и внешнего положения кокандского ханства налоги увеличивались. В 50-х годах, в период правления Худояр-хана, кокандские налоги стали еще тяжелее, чем раньше. Вот как характеризует налоговую политику Худояр-хана один из свидетелей: «Отделения киргизов, кочующие в окрестностях Иссык-Куля, до своего освобождения от власти Коканда, платили хану с 40 штук наличного скота по одной. С других родов, кочующих в пределах Коканда и Ташкента, прежде взыскивались и ныне собираются по одной штуке с 25, за исключением верблюдов. Пошлина эта, или зякет, собирается кокандскими чиновниками, которые сверх казенной подати требуют для себя с каждой юрты по одному барану, опираясь в правах своих на печать хана. Требования Кокандского правительства приводятся в исполнение каждым киргизом, отчего бедные лишаются последнего достояния, а иногда и детей, которых отдают или богатым в услу-

жение, или чиновникам хана в виде залога. Наконец, каждую осень командируются особые чиновники для сбора с каждой юрты по два барана на продовольствие хана и двора: вообще в обоих этих случаях сборы усиливаются от злоупотреблений чиновников».

Особенно тяжела была система откупа, нередко применяемая кокандскими ханами. Кокандское налоговое бремя для киргизов было тяжелым, но не менее тяжелым для них была земельная политика ханства. Уже со времен первых кокандских ханов земли южных киргизов систематически захватывались представителями узбекских военно-служилых феодалов. Беднота киргизов оттеснялась в глубь гор.

«Омар-хан, — сообщает Наливкин, один из исследователей истории Кокандского ханства, — желая обогатить свою казну, через тогдашнего Наманганского хакима Сеид-кул-бека, продал земли, бывшие в пользовании [redacted] Наманганского вилайета. Земли эти покупались в складчину целыми родами (или, вернее, коленами), после чего в общинном владении остались одни только горные пастбища, а все те участки, которые могли эксплоатироваться плугом при условии искусственного орошения, поступили в частную собственность покупателей и были разделены ими между собою пропорционально тем паям, которые вносились отдельными лицами при огульной покупке земли у хана. Этим был нанесен тяжелый удар общинному владению землей между здешними киргизами».

Вытеснение киргизов из наиболее богатых районов Ферганской долины разорило широкие массы кочевников и усилило среди них социальную дифференциацию. Трудящиеся массы киргизов становились самым беспокойным элементом в ханстве и нередко восставали против кокандских правителей и бай-манапов.

Вместе с кокандскими ханами и феодалами действовали и киргизские бай-манапы, которые держали в своих руках не только местное управление, но иногда занимали и высшие посты в органах государственной власти и становились опорой хана.

Феодально-родовая знать киргизских племен играла иногда заметную роль в низложении и возведении на престол ханов. В 1842 г. Шарылы-хан был возведен на престол киргизско-кипчакской знатью. Алымбек-датха, кокандский вазир начала 60-х годов, был представителем феодальной знати племени адыгене Алая. Малабек-хан взошел на престол при помощи киргизско-кипчакских феодалов. Фактический правитель ханства средины 60-х годов — Алымкул — также был видным представителем южно-киргизских феодалов.

Борьба киргизского народа против господства Кокандского ханства.

Трудовые массы киргизского народа неоднократно выступали против кокандских правителей. В 30-х годах восстали нарынские киргизы под руководством Тайлака. Попытку сбросить ненавистное иго кокандского хана киргизы предприняли и в 1842—43 гг. Толчком к восстанию послужили события, развернувшиеся в Коканде.

Мадалы-хан правил долго, но окончательно подчинить себе мятежных феодалов он не сумел. Стремление к обособлению таили в себе и отдельные крупные киргизские родоначальники—правители, которые при удобном случае не прочь были избавиться от протектората кокандских наместников и всю власть над племенем забрать в свои руки. Чрезмерный рост налогов, усиление различных злоупотреблений чиновников и насилие самого хана усугубляло недовольство широких слоев населения ханства, в том числе и киргизов.

Недовольство правлением Мадалы возросло до такой степени, что против хана в среде его приближенных и высшего духовенства назрел заговор. Заговорщики вступили в сношения с эмиром бухарским Насруллой.

В 1842 г. в столице ханства произошло восстание. Эмир Насрулла, получив известие о происшедшем восстании, выступил с войском против кокандского хана. Мадалы-хан был убит. Эти события послужили поводом к восстанию ряда северо-киргизских племен против кокандского владычества.

В этом же году вспыхнуло восстание в Иссык-Кульской долине среди племен бугу, части саяк и сарыбагыш. Кокандские гарнизоны, стоявшие в крепостях на берегу озера Иссык-Куль, не в состоянии были подавить восстание. С других пунктов Кокандского ханства также не могла прибыть помощь из-за политических переворотов, которые в это время происходили в центре Кокандского ханства. Гарнизоны кокандских крепостей вскоре были изгнаны с берегов озера Иссык-Куль. Кокандские же укрепления в Караколе, Барскоуне и Конур-Улене были уничтожены киргизами. Так временно была уничтожена власть кокандского хана над киргизами в Иссык-Кульской долине.

В этот же период прервали свои подвластные отношения с Кокандом и правители—манапы чуйских киргизов.

В 1843 году ханом был провозглашен Худояр-хан, а в качестве регента к власти пришел представитель кипчакских феодалов Мусульманкул.

В 1845 г. под Ошем восстали киргизы. Мусульманкул лично руководил разгромом восстания. Восстание было подавлено. Подобные вспышки ослабляли власть хана. Подтачивали ее также и внутренние противоречия.

В этот период таяньшанские киргизы неоднократно выходили из повиновения кокандского хана. Один из предводителей племени бугу — Табылды несколько раз поднимал восстание против кокандцев. Он долго боролся с комендантом укрепления Куртка. Не желая платить зякет, он откочевал на плато Тарагай.

Правда, кокандцам к концу 40-х годов до некоторой степени удалось добиться зависимости от Коканда почти всех северо-киргизских племен, но эта зависимость была шаткой. Прочно восстановить власть хана кокандцам удалось только над южными киргизами.

В Северной Киргизии в 1857 г. вновь вспыхнуло восстание киргизов, кочевавших в районе р. Чу. В этом восстании активное участие принимали и казахи окрестностей Чимкента.

В этот период ряд киргизских племен делает попытки уничтожить свою зависимость и от китайских феодалов. Пограничные с Китаем киргизские племена – чон-багыш, черик, часть бугу — продолжали по временам платить дань китайским правителям.

Пограничные с Кашгарией киргизы в 40-х годах стали делать набеги на Кашгарию. Один из потомков ходжей — Катта-тюра воспользовался этим положением и с небольшими силами, составленными большей частью из кашгарских эмигрантов и киргизов, осенью 1847 г. занял Кашгар. Но это был временный успех. При новом столкновении с китайским отрядом 18-тысячные силы Катта-тюра были разбиты и бежали.

Попытки антикитайских восстаний под руководством ходжей не прекращались.

В условиях ослабления внешней зависимости северо-киргизских племен обострилась борьба среди киргизских манапов. Влиятельнейшие из них стремились расширить свою власть на новые владения, подчинить себе новые киргизские племена за счет умаления власти других манапов. Во второй половине 40-х годов XIX в. особенно выдвигается сарыбагышский манап Ормон, который начинает претендовать на ханскую власть над всеми северо-киргизскими племенами. Возрастанию влияния Ормона много содействовала война северо-киргизских племен с казахским султаном Кенесары Касымовым.

Война киргизов с Кенесары Касымовым.

Восстание казахов во главе с султаном Кенесары Касымовым в конце 30-х годов было реакционным феодально-монархическим движением. Султан Кенесары поднял восстание в целях восстановления власти и привилегии своей фамилии, ущемленной колониальной политикой царизма. В начале движения к нему примкнули некоторые слои трудящихся казахов, но очень скоро обнаружились глубокие противоречия между руководством движения и трудящимися казахами.

Казахи-скотоводы примкнули к движению в надежде вернуть себе отнятые царским правительством и кокандским ханством кочевья. Кенесары стремился превратить эти кочевья в собственность своего ханского рода. Естественно, что трудящиеся массы скоро стали отходить от Кенесары.

Продвижение оренбургских военных отрядов в глубь казахских кочевий и основание в 1845 г. Уральского и Оренбургского укреплений сильно ухудшили положение Кенесары. Кроме того, развивавшиеся до 1844 г. военные действия Кенесары против Коканда вскоре приняли неблагоприятный для него оборот.

В такой обстановке в 1845 г. Кенесары вынужден был оставить Центральный Казахстан и перенести свои действия из Сары-Арка в район кочевий Большой Орды — в пределы Семиречья. Здесь он ставил задачей подчинить своей власти казахов Большой Орды и алатооских киргизов. Но попытки Кенесары в этом отношении дали самые отрицательные результаты.

К 1845—1847 гг., когда Кенесары обосновался в кочевьях казахов Большой Орды, он сумел добиться поддержки лишь некоторых султанов Большой Орды и предъявил старые претензии своего деда Аблая на владения алатооских киргизов.

В 1845 г. Кенесары направил письмо-ультиматум влиятельнейшим киргизским манапам с требованием покорности. Он предлагал признать его ханскую власть. «Если же,—писал он,— это предложение не придется вам по сердцу... то отвечайте сами за свою судьбу». Посольство от Кенесары прибыло к сарыбагышским манапам — Ормону и Джантаю. Последние созвали собрание представителей племен сарыбагыш, бугу, саяк, солто, черик, сару и кушчу для определения отношения киргизов к Кенесары. На этом собрании было решено не выполнять требований Кенесары и готовиться к войне с ним. Решающим же фактором являлся резкий протест киргизских народных масс против явно агрессивной и захватнической деятельности Кенесары.

Получив отказ, Кенесары с 1846 г. стал активно действовать против северо-киргизских племен. Это обстоятельство должно было привести и действительно привело к столкновению Кенесары с Кокандским ханством на территории Северной Киргизии. Кенесары прежде всего столкнулся с гарнизонами кокандских крепостей Ит-Кечуу и Мерке и захватил эти крепости. В том году Кенесары произвел ряд нападений на аилы солтинских родов: джайл, талкан, болокбай и др.

Солтинский манап Джангарач, аилы которого оказались под непосредственной угрозой нападения со стороны Кенесары, предпринял попытку к мирному урегулированию отношений с ним. С этой целью он послал к Кенесары делегацию во главе с бием Тыналы. Кенесары не принял его мирных предложений и продол-

жал войну. Значительно был разорен род тынай. Кокандские гарнизоны, стоявшие в чуйских крепостях, отсиживались в своих укреплениях.

В методах борьбы Кенесары проявлялись наиболее жестокие стороны, свойственные войнам феодальной эпохи. Невероятные жестокости, применяемые Кенесары по отношению к киргизскому народу, вызвали всеобщее возмущение киргизов против него. Это обстоятельство давало большую силу киргизским правителям—манапам, в частности Ормону, выступившему в роли организатора борьбы против Кенесары.

Таким образом, Кенесары столкнулся с сопротивлением всех киргизов, заселявших Северную Киргизию. Именно это обстоятельство и сделало сопротивление киргизов чрезвычайно упорным и гибельным для Кенесары.

Весной 1847 г. Кенесары предпринял решительное наступление с большими силами, чтобы покончить с сопротивлением киргизов.

К этому времени положение киргизов укрепилось благодаря помощи со стороны России. Власти Западной Сибири вступили в сношения с киргизскими предводителями и призывали их решительно действовать против Кенесары, обещая им, в случае необходимости, свою помощь вооруженной силой. Это обстоятельство имело существенное значение, так как оно придавало киргизам уверенность в победе.

При вторжении Кенесары в Киргизию чуйские киргизы отступили в глубь гор, в верховья реки Чу.

В начале своих действий Кенесары имел успех. Многие киргизские аилы были им разорены: немалое количество киргизов было им перебито, причем не щадили ни женщин, ни детей.

В период нападения Кенесары создававшаяся опасность заставила все северо-киргизские племена сплотиться под общим предводительством манапа Ормона.

Во время военных действий в тыл Кенесары был послан русский отряд сотника Абакумова с задачей не допустить соединения с Кенесары его дополнительных сил, которые должны были прибыть на место боя несколько позже. Одновременно с Абакумовым наготове стоял другой отряд — Семиреченский, под начальством есаула Нюхалова, который в случае необходимости должен был начать действия против Кенесары.

Сильный отряд в количестве 5 тыс. человек, высланный Кенесары против киргизов, под предводительством племянника Кенесары—Худайменды при углублении в горы был полностью разбит. Худайменды попал в плен и был казнен. Силы самого Кенесары были окружены киргизами в верховьях р. Чу, в местности Мей-Тюбе, где и произошло решительное сражение. Оно длилось три дня и закончилось полным поражением Кенесары. Сам он, вместе

с десятком султанов и группой своих воинов, не мог пробиться из окружения и вынужден был сдаться в плен.

Киргизия накануне падения Кокандского владычества.

В истории киргизского народа период владычества кокандцев был одним из наиболее тяжелых времен для трудящихся масс киргизского народа. Кокандская колонизация не принесла киргизскому народу ничего прогрессивного ни в экономическом, ни в культурном, ни в политическом отношениях. Она не могла создать в Киргизии твердо установленной формы управления, на которую продолжали влиять отсталые патриархально-феодальные отношения.

У киргизов не было никакого писаного закона, все основывалось на допотопном «нарке», истолковываемым феодально-родовой знатью по своему усмотрению. Получивший некоторое распространение среди киргизов «шариат» также представлял собой отсталые формы юридически-правовых отношений. Он являлся орудием для защиты интересов господствовавшей феодальной верхушки, мусульманского духовенства и ханской власти.

Кокандская колонизация не смогла способствовать прекращению разорительной родо-племенной распри между киргизскими племенами. Киргизский народ попрежнему оставался сплошь неграмотным, наука и литература для него были чужды. Кое-где при мечетях кокандцы организовывали начальные духовные школы-мектебы, которые явились, однако, больше орудием насаждения ислама, чем распространения грамотности среди населения. В таких начальных духовных школах обучалась незначительная часть представителей феодально-родовой верхушки. Проучившись 7 лет на непонятном арабском языке по пособиям «аптиек» и коран», они так и не умели грамотно писать. Все их обучение за этот период заключалось в зубрежке и выучивании непонятных им текстов на арабском языке.

Не произошло сдвигов и в экономике. Киргизы оставались, как и раньше, почти сплошь кочевниками.

ГЛАВА VI

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КИРГИЗИИ К РОССИИ

§ 14. ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Причины движения царизма в Среднюю Азию.

Присоединение Киргизии к России происходило в процессе завоевания царизмом среднеазиатских ханств.

К завоеванию Средней Азии царское правительство побуждали следующие моменты:

В первой половине XIX в. в России происходило разложение крепостнического хозяйства и рост капиталистических отношений. Особенно быстро развивалась хлопчатобумажная промышленность. Для развития крупной капиталистической промышленности, в том числе хлопчатобумажной, особенно после крестьянской реформы, необходимы были новые рынки сбыта. Эти новые рынки царизм находил в Средней Азии.

«...могучее стремление развитого капитализма, — писал В. И. Ленин в 1899 г.,—расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[1].

Развитие капитализма в 50 — 60-х гг. XIX в. требовало ускоренного расширения рынка.

«Фабрикантам, — пишет Ленин, — нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 76.

рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны» [1].

После реформы 1861 г. русский царизм усиливает свое наступление в Средней Азии, рассматривая ее как рынок сбыта и дешевого сырья.

Во второй половине 40-х годов начались торговые связи с Кашгаром. Киргизия являлась лучшим путем для проникновения в Кульджу и Кашгар.

Оренбургский генерал-губернатор Катенин разработал план развития торговли с Китаем через Кашгар и завоевания Коканда. 6 июля 1858 г. к товарищу министра иностранных дел он писал: «Оставаться в этом положении мы решительно не можем... занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии». Катенин настаивал на немедленном завоевании Средней Азии.

Для развития молодой капиталистической хлопчатобумажной промышленности России требовались не только рынки сбыта, но и новые источники сырья. Средняя Азия, в том числе и Киргизия, обладала богатыми источниками сырья (хлопок, шерсть, шёлк, кожа и др.). В середине XIX в. вывоз сырья по всей среднеазиатской границе в Россию выражался в 10,5 млн. рублей.

За 40 лет, с 1812 г. по 1860 г., количество перерабатываемого хлопка в России возросло более чем в 50 раз.

С 1861 г. по 1865 г. в привозе хлопка в Россию ввиду гражданской войны в США произошло резкое сокращение. Ввоз американского хлопка в Россию с 1861 по 1862 гг. сократился в шесть раз. Цены на хлопок значительно возросли, и текстильная промышленность России ввиду отсутствия хлопка оказалась в состоянии кризиса.

Цены на среднеазиатский хлопок на нижегородской ярмарке с 4—5 рублей за пуд в 1860 г. поднялись до 7 р. 50 к. в 1861 г., до 12—13 р. в 1862 г. и дошли до 22—24 руб. в 1864 г. Дороговизна хлопка, недостаточное его количество для бурно растущей русской текстильной промышленности, поиски новых источников сырья— все это толкало русский царизм к захвату Средней Азии. В течение только первого года гражданской войны в США ввоз среднеазиатского хлопка в Россию увеличился почти в три раза.

Средняя Азия представляла для царской России интерес не только как рынок сырья и сбыта. Русский царизм стремился пре-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

вратить ее в свою колонию для получения обширной колонизационной области и для получения нового источника государственных доходов.

В своем движении в Среднюю Азию русский царизм столкнулся с не менее сильным агрессивным стремлением капиталистической Англии. Англия являлась главным соперником царской России в период завоевания Средней Азии.

В. И. Ленин дал классическую характеристику противоречия между царской Россией и тогдашней капиталистической Англией:

«...к завоеванию Константинополя и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений, чем Германия»[1].

Какую же позицию занимали киргизы в борьбе царской России со среднеазиатскими ханствами? На какую из борющихся сторон они ориентировались?

Отношение киргизов к русскому подданству

Присоединение Киргизии к России было связано с борьбой империи с Кокандским ханством. В этой борьбе основная масса киргизского народа встала на сторону России. В подавляющей своей массе киргизские племена не оказывали сопротивления русским войскам. По мере их продвижения киргизы сами вступали в подданство Российской империи. Нередки были случаи, когда отряды киргизов активно помогали русским войскам в их борьбе с вооруженными силами Коканда.

Причины стремления киргизов принять подданство России были следующие.

В первой половине и середине XIX в. происходила феодально-родовая борьба между манапами киргизских племен и между киргизскими и казахскими феодалами, которая значительно ослабляла внутреннее положение киргизов. Особенно сильна была эта борьба между манапами племен бугу и сарыбагыш.

Основная трудовая масса населения, которую эта феодальная междоусобица разоряла, искала покровительства России. Кокандское ханство не препятствовало этой междоусобице, рассматривая ее как одно из условий своего господства в Киргизии. Соперничавшие же манапы обращались к царской администрации в Семиречье, рассчитывая при ее поддержке упрочить свое положение. Но не только междоусобная феодальная борьба в Киргизии толкала некоторых манапов и народные массы на сближение с Россией. Стремление найти покровительство России объяснялось

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 116.

также стремлением избавиться от гнета кокандских феодалов. Киргизский народ неоднократно вел освободительную борьбу совместно с узбекским и казахским народами против гнета Кокандского ханства.

Борьба царизма с Кокандским ханством совпала с периодом искания покровительства России киргизскими племенами. Вот *почему почти все киргизы без военных столкновений принимали* подданство России.

Среднеазиатские ханства, в том числе и Кокандское, были завоеваны царскими войсками путем активного военного наступления. Также были завоеваны кокандские крепости на территории Северной Киргизии: Токмак, Пишпек и Куртка. Что касается северных киргизских племен: бугу, сырыбагыш, черик, солто, саяк и других, то они в силу внутренней и внешней обстановки сами принимали подданство России. Поэтому следует говорить не о завоевании, а о присоединении киргизов к России. Это присоединение было исторически неизбежно. Перед Киргизией стояла альтернатива: или оставаться под гнетом отсталого восточного государства — Коканда, или принять подданство более передового, прогрессивного государства — России. Первое обрекало киргизский народ на застой и страдания без перспективы выхода, второе — господство царской России — также несло киргизскому народу *страдания, но открывало возможность выхода из застоя* путем сближения с более передовой экономикой и культурой русского народа, путем сближения с революционным русским народом. Этих далеких перспектив киргизский народ, принимая подданство царской России, конечно, не видел; на подданство его толкали непосредственные, тяжело переживаемые им явления: междоусобная борьба и гнет кокандских феодалов. Но объективно, вступая в подданство России, киргизский народ выбрал единственно правильный и прогрессивный путь, оправданный дальнейшим развитием его истории.

Сношения северо-киргизских племен с русскими властями в начале XIX в.

Трудное международное положение Киргизии, порабощение со стороны Кокандского ханства и тяжелый гнет китайских феодалов и чиновников заставили киргизский народ еще в начале XIX в. искать покровительства России в надежде на улучшение своего положения.

В 1814 г. племя бугу первое отправляет своих представителей к генерал-губернатору Сибири Глазенапу. Во главе посланцев стоял Качибек Шералин, который был на приеме у генерал-губернатора в городе Тобольске и получил чин капитана, золотую медаль и саблю.

Второй раз делегация бугинцев во главе с Алымбеком была направлена в Россию в 1824 г. Она была принята в Семипалатинске и Омске, причем, все члены делегации также были награждены золотыми медалями.

В целях развития торговли с Китаем и Средней Азией царское правительство было заинтересовано в усилении своего влияния на киргизские племена, кочевавшие на караванном пути к Кашгару.

Для этого представлялся подходящий случай — обращение бугинцев к царскому правительству об оказании им покровительства и помощи против притеснения со стороны манапов других племен и соседних государств. На эти просьбы послы получили положительные ответы. В письме, посланном к бугинским биям, объявлялось, что «Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и со своей стороны требует, чтобы они примирились в своих распрях и чтобы препровождали купеческие наши караваны, проходящие через обитаемую ими землю, и охраняли от притеснения и грабежей».

Но сношения киргизов с русским государством в этот период не привели, однако, к прочным связям, ибо новое осложнение внутреннего и внешнего положения России должно было на время отвлечь внимание ее правительства от Средней Азии.

§ 15. ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Феодальная борьба между манапами бугу и сарыбагыш и принятие подданства России бугинцами.

Среди киргизских племен в середине XIX в. постоянно велась феодально-племенная борьба, организованная манапами в их личных интересах. Крупные манапы и бии отдельных племен конкурировали между собой в борьбе за власть, за сферы влияния, за господство над другими племенами, за право феодальной эксплуатации трудящихся (букары), за овладение лучшей землей. Манапы организовывали набеги — «барымту» на своих соседей с целью захвата их пастбищ, водопоев, скота и пленных.

Враждебные взаимоотношения были не между трудящимися массами киргизов, а между конкурентами — манапами. В феодально-племенную борьбу манапы втягивали своих сородичей. В первой половине и 50-х годах XIX в. феодально-племенные войны происходили между манапами племени солто и сарыбагыш, солто и багыш, сарыбагыш и саяк и сарыбагыш и бугу. Особенно длительная вражда продолжалась между манапами племен бугу и сарыбагыш.

Племя бугу кочевало в восточной части озера Иссык-Куль, по рекам Каркаре и Текес. Часть племени бугу кочевала в верховьях Нарына.

Сарыбагышские манапы неоднократно пытались воспользоваться пастбищами предгорий Иссык-Кульской котловины и перегоняли туда свой скот. Бугинцы иногда захватывали этот скот, вследствие чего оба племени находились в состоянии постоянной

барымты. Барымта между манапами племен бугу и сарыбагыш продолжалась почти в течение всей первой половины XIX в.

В песне «О войнах сарыбагыш и бугу» в качестве главной причины войны между этими племенами указывается агрессивное стремление сарыбагышского Ормон-хана отобрать землю у бугинцев в районе Иссык-Куля.

В этой песне говорится:

Если бы ковылистый Иссык-Куль
Был моей землей,
Темир, Болот и Черикчи
Расселились бы там.

Ормон хотел захватить роскошные пастбища бугинцев всего Терскея (на южном берегу озера Иссык-Куль), пашни Боромбая на Кызыл-Унгуре и все удобные переходы с Иссык-Куля на сырт, захватить скот бугинцев и подчинить их своей власти.

Таким образом, причина войны между манапами племен сарыбагыш и бугу заключалась в стремлении сарыбагышских манапов захватить плодородные и пастбищные земли бугинцев. При таком положении нужен был только незначительный предлог, чтобы мелкие вооруженные столкновения между названными племенами превратились в кровопролитную войну.

Таким предлогом послужил отказ Ормона выплатить выигрыш саякам, проигранный сарыбагышами при игре в «Ордо». В этом отказе был обвинен манап племени саяков Алыбек, женатый на сестре Ормона. Между манапами установились враждебные отношения. Алыбек, опасаясь нападения Ормона, перекочевал под покровительство бугинского главного манапа Боромбая, положил на свою лошадь бугинскую тамгу и, поцеловав грудь Алмы, жены Боромбая, был усыновлен бугинцами.

Ормон, считавший Алыбека своим вассалом, перекочевал в район южного побережья озера Иссык-Куль и отсюда направил к Боромбаю джигита с требованием вернуть беглеца Алыбека. Боромбай ответил: «Не можем выдать беглеца, даже воробьи находят защиту на кусте карагана. Неужели Ормон-хан не считает нас за куст?»

После такого ответа Ормон послал к бугинцам своих джигитов на барымту. Во время этого набега один из джигитов Ормона был убит бугинцами. Соглашения по уплате куна достигнуть не удалось. Большую роль в обострении борьбы между Ормоном и Боромбаем играли кокандские власти, которые, будучи заинтересованными в ослаблении киргизов, всячески побуждали Ормона к продолжению борьбы с бугинцами.

Ормон захватил любимую кочевку манапа Боромбая на Кызыл-Унгуре и большую часть расположенных здесь пашен. Но этим он не удовлетворился и стал стремиться к захвату всего Терскей. Бугинцам удалось удержать в своих руках только восточную часть Иссык-Куля и северо-восточную часть Кунгея. Но

и после этого Ормон продолжал борьбу. Он решил покончить войну захватом аула и семейства Боромбая и подчинить своей власти всех бугинцев. Одновременно усилились требования Кокандского ханства по уплате зякета и кульджинского правителя по уплате подати.

В силу сложившейся обстановки бугинский правитель Боромбай в 1854 г. обратился к западно-сибирскому генерал-губернатору с просьбой принять бугинцев в подданство России.

Министерство иностранных дел рекомендовало западно-сибирскому генерал-губернатору не отвергать просьбу бугинцев о принятии их в подданство России, допустить в Омск представителя рода бугу, манапа Качибека, для принесения от лица всего народа присяги на верноподданство, отправить с депутатом подарки манапам на тысячу рублей серебром и манапу Боромбаю пожаловать звание подполковника. Кроме того, предлагалось не налагать пока никаких обязательств на бугинцев.

В 1855 г. Боромбай Бекмуратов с десятью тысячами кибиток бугинцев принял подданство России, и все роды племени бугу вошли в состав Алатаевского округа с центром в городе Верном (Алма-Ата). Ориентация Боромбая на русское государство и принятие русского подданства были прогрессивными явлениями в дальнейшей судьбе Киргизии.

После принятия бугинцами подданства России Кокандское ханство, используя в своих интересах междоусобную вражду сарыбагышских и бугинских манапов, предложило Ормону совершить новый поход на бугинцев.

В 1855 г. Ормон во главе 600 всадников напал на бугинцев и овладел аилом Боромбая, но затем был окружен бугинцами. Во главе бугинского ополчения стоял батыр Балбай.

Об этом событии П. П. Семенов-Тян-Шанский писал: «В темную ночь на берегах р. Шаты на Терскее произошла самая ожесточенная битва. Ормон, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Боромбая, Кылыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание Иссык-Кульского тигра. Оба оказали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненный и сбитый копьем с лошади, Ормон был принесен в юрту сына Боромбая Омурзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери».

После смерти Ормона сарыбагышские манапы потребовали за гибель Ормона кун в размере тысячи лошадей или сто девушек на лошадях во главе с дочерьми Боромбая. Бугинцы отвергли это требование. Тогда сын Ормона — Уметалы, основываясь на праве кровной мести, развернул ожесточенную грабительскую войну против бугинцев. В этой войне сарыбагышцам оказывали поддержку кокандские власти, которые не могли примириться

с подданством бугинцев России. В одном походе Уметалы захватил много бугинских табунов, стад, детей и женщин, а также семейство Боромбая, в том числе свою сестру (жену Омурзака).

В результате другого нападения сарыбагышских феодалов бугинцы бежали на Текес и Каркару со всеми своими аилами. Уметалы занял территорию бугинцев на берегу Иссык-Куля. Здесь он перезимовал, а весной разбил и разграбил оставшуюся на Иссык-Куле часть бугинцев.

В декабре 1855 г. Боромбай обратился с просьбой к начальнику Алатовского округа прислать отряд для защиты подданных России бугинцев от нападения сарыбагышей и постройки укрепления на берегу Иссык-Куля.

В 1856 г. по просьбе бугинцев в Иссык-Куль был направлен казачий отряд полковника Хоментовского для примирения бугу и сарыбагышей и рекогносцировки района Иссык-Куля. Но обостренная борьба между сарыбагышскими и бугинскими манапами продолжалась. Лишь после 1860 г., когда среди бугинцев прочно укрепилось русское влияние, она приняла характер мелких набегов—барымты.

В 1858 г. умер верховный манап бугу Боромбай. Эта смерть значительно ослабила бугинцев. Между бугинскими манапами начались споры по поводу избрания старшего манапа. Одна группа, состоявшая из сторонников кокандского влияния, хотела избрать старшим манапом Мураталы, а другая группа состояла из сторонников России и хотела избрать старшим манапом Качибека или же молодого сына Боромбая — Умурзака.

Командир Сибирского корпуса Гасфорд поручил бывшему начальнику Алатовского округа подполковнику Перемышльскому двинуть сотню казаков с двумя ракетными станками в горный проход Санташ (по прямой дороге в Кашгарию) для выполнения двух задач: во-первых, защищать подданных России бугинцев от ограбления сарыбагышами и, во-вторых, прекратить междоусобную борьбу бугинских манапов и добиться выборов в манапы сторонников России.

С большим трудом Перемышльскому удалось добиться выбора старшим манапом сына Боромбая. Обе группы согласились на его выбор в надежде подчинить молодого правителя своему влиянию.

Командир Сибирского корпуса утвердил кандидата, избранного биями, временным старшим манапом бугинцев на один год. Через год русским властям удалось добиться выбора старшим манапом сторонника России Качибека Шералина и его помощником Сарпека Саскина.

После принятия подданства России бугинцы около 10 лет не платили никаких податей царскому правительству. Остальные северные киргизские племена: сарыбагыш, солто, саяк. и черик

в 50-х годах еще продолжали оставаться под властью Кокандского ханства.

Завоевание кокандских крепостей Пишпека, Токмака и принятие северными киргизами подданства России.

Для ликвидации влияния Кокандского ханства на чуйских киргизов необходимо было овладеть кокандскими крепостями Токмак и Пишпек.

В 1859 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд запросил у царя разрешения на занятие крепости Пишпек. 24 января 1859 г. решением особого совещания это разрешение было дано, но реализация его была отложена на год. В 1859 г. царское правительство ограничилось постройкой передового укрепления Кастек.

В конце августа 1860 г. полковник Циммерман с отрядом пехоты и конницы в 1750 человек, при 15 орудиях перешел р. Чу и пошел на Токмак. С приближением отряда Циммермана защитники Токмакской крепости разбежались, осталось только 70 человек. На требование сдачи Токмака комендант Ханкулу отвечал, что он не будет драться, но сдать укрепление не может, и просил два дня отсрочки. Но через час после ответа Циммерман приказал открыть огонь по крепости.

26 августа Токмак был занят царскими войсками, глиняные стены его были разрушены.

Другое кокандское укрепление — Пишпек готовилось к решительному отпору. Это укрепление по размерам было много больше Токмака. Оно имело стены около 2-х саж. высотой и до 5 саж. толщиной и около 500 человек гарнизона. После пятидневной осады, 4 сентября 1860 г. Пишпек был занят царскими войсками.

Кокандское ханство не могло примириться с потерей этих крепостей и организовало два специальных отряда, из которых один шел из Ташкента под командой Канаата, а другой из Коканда под начальством главнокомандующего Алимбека. Эти отряды были двинуты в долину р. Чу.

В половине октября 1860 г. кокандские передовые части окружили узунагачский пост, охраняемый сибирскими казаками. Против кокандских войск выступил из Верного подполковник Колпаковский с тремя ротами пехоты, с 4 сотнями сибирских казаков, 6 орудиями и 2 ракетными станками. У Узунагача после артиллерийского обстрела высот Колпаковский повел свои отряды в бой. Кокандские сарбазы (пехота) не выдержали и бежали.

Но с соседней высоты спустилась другая колонна сарбазов. С барабанным боем, с развевающимися знаменами она смело наступала на правофланговую роту русских. Начался рукопашный бой между кокандскими и царскими войсками. В рукопашном бою кокандцы действовали смело, настойчиво и несколько раз переходили в атаку, но всякий раз отбрасывались русскими войсками.

В узунагачском бою 22 октября 1860 г. кокандские отряды потерпели поражение. Утомленные длительным боем русские войска не преследовали кокандцев.

Несмотря на победу при Узун-Агаче, русские войска не могли укрепиться в Чуйской долине. Они смогли укрепить только Кастекскую крепость. Киргизские племена, подданные Коканда, держались нейтрально в борьбе России с Кокандским ханством. Они не оказали помощи своему сюзерену.

Малочисленность царских отрядов привела к тому, что в 1861 г. Токмак и Пишпек были вновь заняты кокандцами.

Несмотря на это, события 1860 г. сильно поколебали господство Кокандского ханства над северокиргизскими племенами. В 1862 г. по приглашению кокандского хана прибыл в Ташкент манап Шабдан с просьбой о помощи против России. Он был благосклонно принят ханом Худояром. Но пока Шабдан ездил в Ташкент, его отец, Джантай, явился в город Верный к начальнику Алатовского округа и просил принять его в подданство России вместе с подчиненными ему родами танай, темир и булат. Его просьба была уважена. Когда Шабдан, ничего не знавший о переходе своего отца на сторону России, с благоприятным ответом хана прибыл в Пишпек, он был комендантом крепости посажен в тюрьму как соучастник Джантая. Обида за своего сына еще более укрепила Джантая в сознании необходимости подданства России. Он привлек в русское подданство и другие сарыбагышские роды. Это сделать было ему тем легче, что широкие народные массы сарыбагышей видели в переходе в русское подданство путь к избавлению от кокандского гнета. Они охотно, без всякого сопротивления пошли за Джантаем и приняли русское подданство.

В 1862 г. против кокандского датха в Пишпеке Рахматуллы восстали солтинцы, главным манапом которых был Байтик Канаев.

Байтик пригласил к себе Рахматуллу и убил его. После этого он послал в город Верный своего брата с просьбой принять солтинцев в русское подданство. Значительная часть солтинцев вместе с Байтиком вступила в подданство России.

Но другой солтинский манап, Джангарач, продолжал придерживаться Кокандского ханства. Тайно враждебные отношения к России занимал манап сарыбагышей Уметалы, сын Ормона. При господстве в Киргизии патриархально-феодального быта, мешавшего трудящимся массам киргизов самостоятельно выступить в политической борьбе, этим манапам удалось увлечь за собой и подвластные им роды. Все же перелом среди киргизов в пользу принятия русского подданства был весьма значителен. Когда осенью 1862 г. царские войска начали новое наступление в Чуйской долине, киргизы уже не держались нейтрально. Токмак был взят при помощи киргизских отрядов. При осаде Пишпека в войсках

подполковника Колпаковского было много киргизов. При их поддержке Колпаковский 24 октября, после 10-дневной осады, взял Пишпек и вторично его разрушил.

В 1863 г. царским правительством были приняты меры, чтобы отделить от Коканда и присоединить к России горную местность к юго-западу от Иссык-Куля, где главными опорными пунктами кокандцев явились укрепления Куртка на реке Нарыне и Джумгал.

В начале мая 1863 г. отряд капитана Проценко выступил из Кастека для занятия этих крепостей. Отряд прошел через Боомское ущелье к озеру Иссык-Куль, откуда через перевал Кызарт достиг Джумгала, от Джумгала мимо озера Сон-Куль прошел к Куртке. Оба кокандских укрепления — Джумгал и Куртка — сдались царским войскам без сопротивления.

После оставления крепости Куртка кокандским гарнизоном в 1863 г. племя черик в количестве 6 тыс. кибиток добровольно приняло русское подданство. Черикские манапы писали: «Терпя разные насилия и притеснения от соседей наших всех четырех сторон, мы решились идти в подданство одного великого народа, подобно манапу Боромбаю, который также, подобно нам, не обретая спокойствия от своих соседей, пошел в подданство белого падишаха».

Черики послали своих представителей в количестве четырех человек в Омск, где те присягнули за своих сородичей в подданстве России.

Но Уметалы, который внешне признал протекторат России, теперь открыто перешел на сторону Коканда. В 1863 г. он неожиданно напал на небольшой царский отряд в 30 — 40 человек, который конвоировал обоз с провиантом для отрядов Проценко. С целью затруднить продвижение царских отрядов он, кроме того, разрушил на р. Нарын мост. Но враждебные действия Уметалы не могли задержать общего процесса — массового перехода киргизов в русское подданство.

После смерти Джангарача, осенью 1864 г., его сыновья также решили принять подданство России и тогда же обратились к начальнику зачуйского отряда с письмом следующего содержания: «Мы, дети Джангарача, свидетельствуем Вам поклон и заявляем, что мы, верноподданные белому царю, посылаем Вам для службы своего джигита Байбека».

В том же 1864 г. манапы племени саяк Осмон и Рыскулбек в письме генералу Черняеву просили о принятии их в русское подданство с подвластными им десятью тысячами кибиток.

После того, когда все племена Северной Киргизии приняли российское подданство, Уметалы откочевал в Андижан. Он вер-

нулся с подвластными ему киргизами только в конце 1867 г. и поселился в Пржевальском уезде. В дальнейшем политической роли в жизни Киргизии он не играл. Царское правительство при проведении административной реформы в Северной Киргизии устранило его от всех выборных должностей. Сопротивление проведению реформы оказал лишь бывший сподвижник Уметалы — манап Осмон, который ушел за Нарын и предпринял нападение на отряд майора Загряжского. Но Осмон не нашел поддержки среди киргизов. Его выступление было подавлено без участия русских войск киргизским отрядом под командованием Шабдана Джантаева.

В процессе принятия подданства России северными киргизами со стороны народных масс не было оказано сопротивления. Незначительное количество вооруженных сил царизма, действовавших на территории Северной Киргизии, встретило сопротивление не со стороны киргизского населения, а со стороны кокандских гарнизонов, особенно при взятии Пишпека и Токмака, и некоторых манапов. Основная масса киргизских племен русское подданство приняла добровольно.

§ 16. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ К РОССИИ

Кокандское восстание 1873—1876 гг.

Присоединение Южной Киргизии отличается от присоединения Северной. Оно связано с кокандским восстанием 1873—1876 гг. и окончательной ликвидацией Кокандского ханства.

В 1867 г. царское правительство образовало Туркестанское генерал-губернаторство и Туркестанский военный округ с центром в Ташкенте.

В состав Туркестанского генерал-губернаторства были включены все земли Кокандского ханства. Новое генерал-губернаторство состояло из двух областей: Сыр-Дарьинской и Семиреченской. Значительная часть Южной Киргизии входила в состав Сыр-Дарьинской области.

Первым генерал-губернатором Туркестанского края и командующим войсками Туркестанского военного округа царь Александр II назначил генерал-адъютанта Кауфмана. Ему было предоставлено право непосредственно вести переговоры с среднеазиатскими ханствами.

29 января 1868 г. между генерал-губернатором Кауфманом и кокандским ханом Худояром был заключен мирный договор, по которому Кокандское ханство становилось вассалом царской России. По этому договору все ханство было открыто для свободной торговли русских купцов. Торговцы были заинтересованы в расширении торговых связей с Россией.

Гнет кокандского хана над трудящимися массами населения еще более усилился.

Все слои населения ханства—узбеки, киргизы и кипчаки—были недовольны жестокой политикой Худояр-хана.

Народные массы хотели освободиться от непомерной эксплоатации кокандских феодалов во главе с ханом. В первой половине 70-х годов XIX в. хан Худояр взимал с населения ханства около 20 видов различных налогов. «Даже за колючку, собираемую для топлива... жители принуждены платить», — говорит один из современников.

Полное политическое и экономическое бесправие, феодально-колониальный гнет, многочисленные налоги, установленные Худояр-ханом, переполнили чашу терпения народных масс Южной Киргизии и вызвали народно-освободительное восстание против ханской власти.

Движущей силой восстания являлись трудовые массы южных киргизов, испытавшие варварский гнет кокандских феодалов во главе с Худояр-ханом. Однако в восстании на отдельных его этапах приняли участие некоторые слои киргизской феодально-родовой знати, интересы которой были ущемлены ханской властью. Но основная часть южнокиргизской феодально-родовой верхушки во главе с Курманджан-датхой и ее сыновьями оставалась в стороне от восставших.

Во главе восставших киргизов стоял киргиз Исак Мулла Хасан оглы под именем Пулат-хана, бостоновского рода из кишлака Ухне, работавший в качестве домашнего слуги ташкентского феодала Абду-Момуна.

Весною 1873 г. в Чаткал явились ханские зякетчи и потребовали от киргизов выплаты зякета по 3 барана с юрты, вместо одного, и харалжи в размере $^1/_3$ части урожая. Киргизы категорически отказались платить и заявили протест хану по поводу резкого увеличения размера зякета. Конная стража, прибывшая с зякетчи, схватила нескольких киргизов, чтобы представить их хану как непокорных. Между зякетчи и киргизами завязалась схватка, в которой киргизы, потеряв 6 человек, убили самого зякетчи и четырех его охранников, возвратили имущество, собранное им с населения.

В этом восстании приняли участие киргизские роды: мундуз, багыш, басыз кара-багыш, найман и др. Восставшие киргизы во главе с Пулат-беком и Мамуром двинулись к городу Ханабат. Худояр-хан, получив сведения о происшедших событиях, двинул против восставших карательный отряд во главе с Ахмианом с приказом не щадить никого, грабить всех. Сражение между восставшими и карательным отрядом произошло у города Ханабат. В результате плохо вооруженные повстанцы были разбиты. Восставшие потеряли убитыми 300 человек, 240 человек были взяты в плен. Пленные были привезены в гор. Ассаке и все посажены на кол. Со стороны кара-

тельного отряда были также значительные потери. Пулат-бек с остатками разбитых повстанцев бежали в Чаткальские горы.

После этого началась варварская расправа с восставшими: убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы, до 1000 человек были перевешаны, за неимением виселиц вешали на деревьях. Ханские карательные отряды разграбили имущество восставших киргизов.

Киргизы и кипчаки бежали от варварской расправы Худояр-хана; 20 тыс. киргизских и 10 тыс. кипчакских кибиток откочевали в недоступные карательным отрядам горы в местности Карлык и Хазарты. Часть восставших киргизов в количестве 1700 кибиток, ища помощи у русских, перекочевала в русские владения в Токмакский уезд — в Кетмень-Тюбе и просила Токмакского уездного начальника принять их в подданство России.

Чаткальские киргизы при участии широких масс южных киргизов начали усиленно готовиться к новому восстанию против хана. К ним стали прибывать узбекские и кипчакские дехкане, испытавшие тяжелый гнет кокандских феодалов. К этим киргизам присоединилось 500 ханских сарбазов. Количество восставших значительно увеличилось. Киргизы, готовые к выступлению, боясь помощи Туркестанского генерал-губернатора Худояр-хану, написали письма сначала ходжентскому, потом токмакскому уездным начальникам, в которых просили оказать им помощь и совет в их борьбе против Худояр-хана. Но начальник Ходжентского уезда не только не удовлетворил просьбу восставших киргизов, но даже принял меры для подавления восстания. Токмакский уездный начальник послал манапа Шабдана к восставшим, обещая им оказать помощь. Фактически же никакой помощи не было оказано. Наоборот, по указанию туркестанского генерал-губернатора манап Шабдан со своими джигитами в 1875 г. активно участвовал на стороне карательного отряда в подавлении народного восстания киргизов.

Худояр-хан в конце 1873 г., получив сведения о готовящемся восстании, послал против восставших карательный отряд в количестве 1000 человек во главе с Абдурахманом Афтобачи. Абдурахман Афтобачи, поняв невозможность подавить восстание вооруженной силой, вступил в переговоры с восставшими и обещал уладить дело мирным путем. Восставшие поверили обещаниям Афтобачи и по его просьбе отправили для переговоров к Худояр-хану делегацию в количестве 40 человек. Делегация должна была объяснить хану тяжелое положение кочевников-киргизов и просить о сокращении налоговых платежей.

Абдурахман Афтобачи написал письмо Худояр-хану, в котором указал о возможности ликвидации восстания только мирным путем и советовал хану задержать делегатов, но не посягать на их жизнь. Но Худояр-хан приказал своим джигитам казнить всех делегатов до последнего человека, что и было тотчас же приве-

дено в исполнение. Киргизы, получив сведения о судьбе своих посланцев, твердо решили отомстить Худояр-хану. Их выступлению временно помешала наступившая зима.

Летом 1874 г. восставшие киргизы в количестве 10 тыс. человек двинулись с Чаткала в Фергану. В восстании принимали участие киргизские роды: кутлук-саит, найман, мундуз, багыш, барлы, тулус, кудагагин, басыз и другие. В числе восставших были также кипчакские и узбекские трудовые массы. Возглавлял восстание Пулат-бек. Восставшие перевалили через горы Ала-Буки, где к ним присоединились киргизы рода кытай. Восставшие взяли укрепление Узген, расположенное в горах Суке.

Ханская секретная казна, состоявшая из собранных с киргизов средств и хранившаяся в этом укреплении, была захвачена восставшими. Комендант укрепления Узгена Али Кичак был пойман повстанцами и увезен в горы.

Число повстанцев возрастало с каждым днем. Опасаясь за свою жизнь, Худояр-хан решил переехать из города Коканда в Маргелан и перевести туда казну. Население столицы воспротивилось этому. Для подавления усилившегося и принимавшего с каждым днем все более угрожающий характер восстания Худояр-ханом был послан карательный отряд во главе с его братом, маргеланским Мурат-беком. Но тот в страхе перед восставшими не принимал никаких решительных мер. Тогда против повстанцев был послан новый карательный отряд во главе с чартакским беком-дегхи Гадий-бием и яны-курганским беком Мурзы Алимом.

В сражении, происшедшем недалеко от кишлака Ала-Бука, ханский карательный отряд был наголову разбит восставшими. Потери со стороны ханских войск были весьма значительны. После этой битвы восстание приняло еще более широкий размах. Восставшие подошли верст на 15 к городу Наманган. Во главе с Пулат-беком они без боя заняли город Касан, все население которого присоединилось к восставшим. Ханский сборщик этого города Амляк-Дар был убит повстанцами.

Восставшие быстро овладели городами: Уч-Курган, Ош, Сузак и Бузак-Баш. Трудящиеся этих городов присоединились к повстанцам и приняли активное участие в дальнейших операциях. Зная о приближении повстанцев, беки этих городов бежали; оставшаяся городская знать и представители ханской власти были убиты повстанцами.

В сентябре 1874 г. повстанцы овладели городом Андижаном, и здесь жители присоединились к восстанию. Против восставших Худояр-ханом был выдвинут новый карательный отряд в числе 7000 человек во главе с Абдурахманом Афтобачи и Исы Аулия, начальником города Махрам. Решающее сражение восставших с ханскими войсками произошло под Наманганом, где восстав-

шие были разбиты. После этого Пулат-бек отступил на север, в сторону Касана, где вторично сразился с карательным отрядом Абдурахмана Афтобачи и был окончательно разбит. Пулат-бек с остатками восставших бежал в Чаткал.

Снова началась жестокая расправа Худояр-хана с восставшими. В результате варварской расправы ханских войск были убиты сотни виновных и неповинных людей: Худояр-хан не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. Имущество и скот восставших были разграблены карательными отрядами.

Несмотря на варварскую жестокость ханских войск, проявленную при подавлении народно-освободительного восстания южных киргизов в 1873—1874 гг., волнение среди них не прекратилось.

Жестокая расправа с восставшими и усилившийся ханский гнет снова подняли народные массы против ханской власти Худояр-хана.

В первой половине июля 1875 г. Пулат-бек с многочисленным отрядом повстанцев двинулся из Чаткала через Узген в Ош в направлении Коканда. По дороге к восставшим киргизам присоединились кипчакские и узбекские трудовые массы, испытывавшие тот же непосильный ханский гнет.

Восставшими была занята вся юго-восточная часть ханства. Они заняли города: Ош, Узген, Андижан, Ассаке, Маргелан, Наманган и Алты-Арык. Городские низы этих городов присоединились к восставшим. Восставшие повели наступление на столицу ханства г. Коканд, где назревало сильное волнение против ханской власти. Восстание быстро расширилось и охватило всю территорию ханства.

Для подавления восстания Худояр-ханом был послан карательный отряд в количестве 4 тыс. человек. Ставшие во главе этого отряда Абдурахман Афтобачи, Иса-Аулие и хан Насырдатха 17 июля 1875 г. присоединились к восставшим. Старший сын Худояр-хана, андижанский бек Насыр-Эддин, также встал на сторону восставших.

Эта феодальная знать, присоединившаяся к восстанию, нисколько не думала об интересах народных масс. Основной её целью было осуществление заговора, задачей которого являлось низвержение не считавшегося с её мнениями Худояр-хана и избрание на его место послушного, слабохарактерного Насыр-Эддина. Кроме того Афтобачи, стоявший во главе заговора, хотел отомстить Худояр-хану за своего отца, казненного Худояром в 1853 г.

Присоединившиеся к восстанию крупные феодалы стали стремиться придать ему характер газавата. Во главе с Абдурахманом Афтобачи и Иса-Аулие они призывали народ к борьбе за ислам против неверных. Классовую борьбу трудящихся они думали направить в русло религиозно-национальной розни. Но трудящиеся хан-

ства, особенно киргизские трудовые массы, равнодушные к исламу, не слушали их призывов, признавая настоящим руководителем восстания Пулат-бека. Они продолжали свою борьбу против феодально-ханского гнета.

Восставшие убивали городских беков и ханских казначеев, забирали ханскую казну и имущество феодальной знати.

Будучи покинутым большей частью своих войск, Худояр-хан не мог подавить восстание теми силами, которыми он располагал, и 20 июня 1875 г. обратился за помощью к своему защитнику — туркестанскому генерал-губернатору Кауфману.

Возбуждение в столице ханства народных масс было настолько велико, что 22 июня Худояр-хан со своим семейством, состоящим из 70 душ женского пола, с 643 приближенными вельможами и казной, нагруженной на 80 бричек, под прикрытием казацких отрядов во главе со Скобелевым и ханскими джигитами, с несколькими русскими купцами и чиновниками покинул город Коканд и направился к Ходженту под защиту царской администрации.

Во время отступления Худояра со Скобелевым жители Коканда бросали в них камни и провожали негодующими выкриками. Восставшие преследовали отступающих до самого города Ходжента.

Во время бегства Худояра ханские войска в количестве 6 тыс. человек присоединились к повстанцам.

Город Коканд был занят восставшими. Но примкнувшая к повстанцам феодальная знать поспешила использовать плоды победы в своих интересах. Во главе с Абдурахманом она провозгласила ханом старшего сына Худояра Насыр-Эддина. Феодалам нужна была такая власть, которая поддерживала бы их феодально-грабительскую политику, политику порабощения и эксплоатации населения.

Провозгласив ханом Насыр-Эддина, феодальная знать, во главе с Афтобачи, считала свою основную задачу выполненной и, боясь дальнейшего развития народного восстания, в конце июня арестовала верного руководителя восстания Пулат-бека и заключила его в тюрьму в городе Махрам. 22 августа Пулат-беку удалось бежать из тюрьмы и снова стать во главе восставших.

Феодальная верхушка, убедившаяся в невозможности прекратить народное восстание, стала стремиться обезвредить его для себя, всячески разжигая религиозный фанатизм. Трудовые же массы, не желая слушать религиозную агитацию, продолжали развивать свое восстание, направленное против феодального гнета, против ханской власти и ее защитника — царской администрации.

Восставшие заняли Ташкентско-Ходжентскую почтовую линию и ряд станций. Прервали почтовую связь Ходжента и Ура-Тюбе. Подошли к Ходженту и приблизились на расстояние 40 верст к Ташкенту. В начале августа они вступили в Курманский и Ходжентский уезды. Вскоре были заняты Маргелан, Махрам, Ош и другие города.

По просьбе Худояр-хана, Кауфман направил против восставших карательный отряд численностью более 7 тыс. человек, под командой генерала Головичева и полковника Скобелева. При карательном отряде имелись ханские джигиты, которые активно боролись против восставших.

В первой половине августа карательный отряд приступил к подавлению восстания. Не выдержав натиска хорошо вооруженных и обученных войск, восставшие отступили в крепость Махрам, считавшуюся одной из крупнейших крепостей в ханстве. Количество повстанцев в крепости доходило до 50 тыс. человек.

После упорного сражения, продолжавшегося в течение двух дней, 22 августа отряд Скобелева занял Махрам. В сражении было убито до 1200 защитников крепости. Со стороны карательного отряда были также значительные потери. Повстанцы, преследуемые карательным отрядом, стали отступать к городу Коканд, но новый хан Насыр-Эддин, закрыв ворота города, не впустил их.

Дух повстанцев не был сломлен. Они продолжали активно сопротивляться. Однако в первой половине сентября карательному отряду удалось занять Маргелан, Ош и ряд других городов.

14 сентября сдались представители феодальной знати Атакул-Батыр баши, Холк-Казар и маргеланский бек — Султан-Муратбек.

Насыр-Эддин-хан полностью подчинился царской власти и стал послушным исполнителем указаний туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, который в свою очередь признал нового хана. Часть феодалов, участвовавших в свержении Худояра, прекратила борьбу, но другая часть во главе с Абдурахманом-Афтобачи еще оставалась в рядах повстанцев. Однако и среди этих сторонников газавата все более и более росло стремление прекратить борьбу при условии амнистии со стороны русских властей. Все это были временные попутчики восстания, преследовавшие реакционные, чуждые народу цели воинствующего исламизма. 22 сентября 1875 г. был подписан договор между Насыр-Эддин-ханом и Кауфманом, по которому вся северная часть ханства по правому берегу Сыр-Дарьи и Нарына, т. е. значительная часть Южной Киргизии, отходила во владение России. На население была наложена контрибуция в размере 600 тыс. рублей. По этому договору Кокандское ханство полностью попадало под покровительство России. На вновь приобретенной территории

был образован Наманганский отдел, начальником которого был назначен Скобелев.

В конце сентября — начале октября 1875 г. массы восставших стали группироваться в окрестностях города Андижана. Во главе восстания продолжал оставаться Пулат-бек. Против восставших, количество которых доходило до 70 тыс. человек, был послан карательный отряд в числе 1400 человек во главе с генералом Троцким. Кроме отряда Троцкого, против восставших действовал ханский отряд во главе с Султаном Муратбеком. Под Андижаном в битве, продолжавшейся с 1 по 5 октября, отряды Троцкого были разбиты наголову. Вскоре потерпел поражение и отряд Муратбека. 9 октября после ожесточенной битвы с ханскими войсками во главе с самим Насыр-Эддином восставшие заняли Коканд. Трудящиеся города были на стороне восставших. Насыр-Эддин-хан с вельможами бежал под защиту туркестанского генерал-губернатора.

Восстание приняло небывало широкий характер. Оно распространилось не только по территории ханства, но проникло и во владение Туркестанского генерал-губернаторства. 24 октября восставшими был занят центр Наманганского отдела город Наманган. Городская беднота Намангана поголовно присоединилась к повстанцам. Однако 27 октября, после кровопролитной битвы, Скобелеву удалось захватить город Наманган. Потери повстанцев составляли около 4 тыс. человек.

Восставшими снова были захвачены города: Ош, Ассаке и Маргелан, жители которых присоединились к восстанию.

Против восставших был послан новый ханский карательный отряд под командой бека — Абдул Азис-Эсаул-баши, который был разбит восставшими во главе с Валиханом недалеко от Маргелана. Абдул-Азис-баши попал в плен и был казнен.

Насыр-Эддин-хан и Кауфман в целях подавления народного восстания, кроме вооруженной силы, приняли ряд других мер: были написаны воззвания к народу, к восставшим засылались агенты, через которых тайным путем собирали сведения о силах повстанцев, подкупали представителей местной феодальной знати. Но все эти меры не привели к ослаблению движения.

Кауфман укрепил силы карательного отряда, и во второй половине ноября в окрестностях Балыкчи основные силы восставших были разгромлены отрядом царских войск под командой Скобелева. Со стороны повстанцев было убито 2 тыс. человек, в том числе один из помощников Пулат-бека — Валихан.

Несмотря на ряд поражений, в декабре восстание продолжало усиливаться. По ходатайству Насыр-Эддин-хана и. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский организовал зимнюю карательную экспедицию. Карательный отряд должен был разгромить главные силы повстанцев, находившиеся на Еки-Су-Арасы, т. е. между Нарыном и Кара-Дарьей. Эта территория была

населена исключительно кочевниками-киргизами и кипчаками. Основной целью зимней карательной экспедиции было «наказать киргиз и город Андижан». Численность отряда доходила до 2800 солдат и казаков. Кроме того, при экспедиции находились ханские джигиты. Во главе карательной экспедиции стояли начальник Наманганского отдела Скобелев и и. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский. 25 декабря они вышли из Намангана и направились на Еки-Суу-Арасы. При приближении карательного отряда киргизы и кипчаки бежали в недоступные горы, оставив юрты, имущество и скот. Кровавые действия карательного отряда продолжались здесь до половины января.

Одновременно войска были направлены к Андижану, где сосредоточивались крупные силы повстанцев. Они готовились к решительному сражению с карательным отрядом.

С 7 января карательный отряд начал наступление на Андижан. Битва продолжалась до 8 января.

После упорного сопротивления восставшие вынуждены были оставить Андижан, потеряв 20 тыс. убитыми. Со стороны карательного отряда были также большие потери.

В Андижане Абдурахман Афтобачи продолжал свою предательскую политику, сообщая Скобелеву о слабых сторонах обороны города и расположении сил восставших. Разбитые повстанцы бежали в Ассаке, а оттуда дальше, в Маргелан.

Феодалы, во главе с Абдурахманом Афтобачи, давно уже договорившиеся со Скобелевым о сдаче при условии амнистии, 24 января в количестве 26 человек сдались карательному отряду. Восставшие 18 января вторично были разбиты карательным отрядом под Ассаке. Пулат-бек с оставшимися повстанцами в количестве 5 тыс. человек отступил в Уч-Курган. Для поимки Пулат-бека был организован особый казачий отряд в количестве 650 человек под командой Миллера-Закомельского и конный отряд под командой Куропаткина.

В ночь с 27 по 28 января карательный отряд неожиданно напал на лагерь Пулат-бека, расположенный в Уч-Кургане, и захватил повстанцев врасплох. Восставшие были окончательно разбиты. Пулат-беку удалось с несколькими повстанцами бежать в горы Чаткала.

19 февраля 1876 г. Пулат-бек был захвачен в горах Алая карательным отрядом при помощи агентов Али-Акбар-бека и Саид Мавлиян-бека. 29 февраля на базарной площади города Маргелана верный руководитель народного восстания Пулат-бек был казнен. Многие помощники Пулат-бека также были казнены. Тысячи участников восстания подверглись жесточайшей расправе. Абдурахману Афтобачи была установлена пенсия в размере 3 тыс. руб. в год. Худояр-хану и Насыр-Эддину были установлены еще большие пенсии. Однако из края все они были выселены.

На население ханства было наложено 3 миллиона руб. контрибуции.

Помимо общих причин, обусловивших неизбежность поражения народных движений в эпоху феодализма (плохая вооруженность восставших, отсутствие планомерности, организованности и ясно осознанной программы, отсутствие ведущей роли пролетариата), поражения 1873 — 1876 гг. объяснялись рядом специфических причин.

Причины заключались не только в решительном перевесе сил на стороне карательных отрядов.

Поражению восстания сильно способствовали предательские действия попутчика восстания феодальной знати во главе с Абдурахманом Афтобачи.

Хотя восстание 1873—1876 гг. кончилось поражением, но оно имеет большое историческое значение. Киргизские и узбекские трудящиеся закалились в этом восстании, чтобы в последующих боях, уже совместно с русским рабочим классом и крестьянством, под руководством пролетариата, нанести решительное поражение своим исконным врагам — местным эксплоататорам и царизму.

Восстание 1873—1876 гг. являлось первым сильным ударом по кокандскому феодальному устою. Оно свергнуло ханскую власть Худояра и Насыр-Эддина, являвшуюся главной опорой феодальной верхушки в эксплоатации народных масс. Защитнику ханской власти — царизму, боявшемуся народного восстания, не удалось вторично восстановить ханскую власть в Коканде. В этом заключалось главное историческое значение восстания.

Одно из важных значений восстания заключалось в том, что царизм, неоднократно отказывавшийся удовлетворить просьбу южных киргизов и узбеков о принятии их в русское подданство и покровительствовавший ханской власти, теперь был вынужден ликвидировать кокандское ханство и присоединить его к России.

С присоединением к России киргизские и узбекские народные массы избавились от произвола и насилия кокандских ханов. Но трудящиеся киргизы и узбеки оставались под тяжелым двойным гнетом: «своих» эксплоататоров и царизма, против которых они боролись совместно с великим русским народом под руководством наиреволюционнейшего в мире русского пролетариата.

В составе туркестанского генерал-губернаторства была создана Ферганская область.

Присоединение к России алайских киргизов.

После образования Ферганской области царское правительство приступило к присоединению алайских киргизов. Алайские киргизы считались подданными Кокандского ханства, но фактически власть хана ими не признавалась.

Ко времени образования Ферганской области алайскими киргизами управляла богатая киргизка, Алайская царица, как ее впоследствии прозвали русские, Курманджан-датха. Ее муж

Алимбек, являвшийся одним из правителей киргизов, был казнен в 1863 г. кокандским временщиком Алимкулом. Худояр-хан пожаловал Курманджан титул датхи (правительница).

У Курманджан было несколько сыновей, из которых Абдуллабек и Умер-бек особенно враждебно относились к присоединению к России.

В июле 1876 г. Скобелев для завоевания алайских киргизов организовал военную экспедицию на Алай. На Алае кочевало до 15 тысяч киргизских кибиток (не менее 75 тыс. человек). Курманджан подчинялись два племени, кочевавшие в восточной части Алайской долины: адигине — 3.145 кибиток и монгуши — 1.225 кибиток.

Экспедиционный отряд в составе 8 рот, 4 сотен, 2 конно-стрелковых полурот, 8 горных орудий и ракетной батареи выступил 15 июля тремя отдельными колоннами, предполагая соединиться к началу августа в нагорной долине Алая, в урочище Арча-Булак. Колонны шли из Гульчи, Оша и Уч-Кургана. Скобелев шел с гульчинской колонной. Когда экспедиция Скобелева прибыла в Алай, она не встретила сопротивления со стороны народа. Многие киргизские старшины являлись к начальнику отряда с изъявлением покорности от имени своего народа.

Но Курманджан-датха вначале решила не подчиняться русским властям. Она сделала попытку перекочевать со своими аилами и стадами за границу, но на границе была задержана. В этом протесте Курманджан проявилось только ее стремление сохранить привилегии своей фамилии на новой территории. Никаких народно-освободительных целей Курманджан не преследовала. Она была доставлена в лагерь к Скобелеву, который принял ее ласково, одарил богатыми халатами и золотой кружкой. Курманджан примирилась с новой властью.

Из ее сыновей Махмуд и Хасан впоследствии стали волостными старшинами. Только один — Абдуллабек не подчинился русскому царизму, ушел в Мекку и по дороге умер.

Несмотря на отрицательные стороны колонизаторской политики русского царизма, вхождение Киргизии в состав России было для нее прогрессивным явлением. С точки зрения закономерностей общественного развития это присоединение объективно было движением вперед.

Маленькая Киргизия присоединилась к могущественному Российскому государству, которое во всех отношениях стояло выше, чем любое из азиатских государств. Прекратилась феодально-родовая борьба в Киргизии, разорявшая народные массы и тормозившая развитие производительных сил.

Киргизия включалась в общероссийский рынок, что способствовало некоторому росту капиталистических элементов в Киргизии, хотя в условиях колониального режима рост капиталистических отношений был незначителен.

Главным положительным моментом вхождения Киргизии в состав России является сближение киргизского народа с великим русским народом и дальнейшее влияние материально-духовной культуры и революционно-демократического движения русского народа на киргизов.

Независимо от воли и желания царизма, киргизский народ сблизился с великим русским народом, и русское революционное движение стало благотворно влиять на киргизов в борьбе с эксплоататорскими классами: баями и манапами.

Говоря о третьей особенности прозводства, товарищ Сталин писал:

«Когда русские капиталисты совместно с иностранными капиталистами усиленно насаждали в России современную крупную машинизированную промышленность, оставляя царизм нетронутым и отдавая крестьян на съедение помещикам, они, конечно, не знали и не задумывались над тем, к каким общественным последствиям приведет этот серьезный рост производительных сил, они не сознавали и не понимали, что этот серьезный скачок в области производительных сил общества приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая даст возможность пролетариату соединить с собой крестьянство и совершить победоносную социалистическую революцию, — они просто хотели расширить до крайности промышленное производство, овладеть колоссальным внутренним рынком, стать монополистами и выкачать из народного хозяйства побольше прибыли, — их сознательная деятельность не шла дальше их будничных узкопрактических интересов»[1].

Русский царизм, присоединив Киргизию к своим владениям, стремился расширить рынки сбыта и сырья для капиталистической промышленности, создать земельный фонд, который можно было бы использовать для переселения крестьян в целях предотвращения аграрной революции в центре. Наконец, он преследовал стратегические цели в борьбе с капиталистической Англией за господство в Средней Азии.

Однако присоединение Киргизии к России объективно привело к сближению киргизского народа с революционным передовым рабочим классом России. В результате совместной борьбы киргизский народ при помощи великого русского народа освободился от классового и колониального гнета. Но это случилось в далеком будущем, и к этому будущему киргизский народ пришел при помощи передового русского народа в упорной борьбе, через тяжелые страдания, которые нес в Киргизию колониальный режим.

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, изд. 1945, стр. 124 — 125.

ГЛАВА VII

КИРГИЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 17. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В КИРГИЗИИ

Россия во 2-й половине XIX в.

Присоединение Киргизии к России совпало с переходом России к капиталистическому строю. Разложение крепостной системы в стране привело в конце 50-х и начале 60-х годов XIX в. к созреванию революционной ситуации, нашедшей свое наиболее яркое выражение в мощном подъеме крестьянского движения. Царское правительство было вынуждено провести ряд буржуазных реформ и, прежде всего, крестьянскую реформу 1861 г. Но эта реформа была проведена крепостниками-помещиками с максимальным учетом их экономических и политических интересов. В стране сохранились власть помещиков и помещичьи латифундии. Крестьяне, опутанные многочисленными пережитками крепостничества, были ограблены царизмом. Они потеряли около $^1/_5$ своей надельной земли; за свои нищенские наделы, полученные в результате реформы, крестьяне были обложены огромными выкупными платежами. Все это не могло, однако, предотвратить неизбежного процесса развития капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Россия вступила на мучительный путь перерождения феодального сельского хозяйства в капиталистическое, который **В. И. Ленин** определил как прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Реформы 60-х годов не ослабили, а усилили классовые противоречия в стране. На их основе обострялось революционное движение. Революционное движение вступило во вторую стадию своего развития. Кончился его дворянский период, нашедший свое наиболее яркое выражение в движении декабристов, и наступил новый период, разночинный, или революционно-демократический. Общественные силы страны разбились на два непримиримо-враждебных лагеря. Один из них был связан

с царизмом. Это были не только крепостники-помещики, но и нарождавшаяся либеральная буржуазия, которая боялась революции и была готова итти на любые сделки с царизмом. Другой лагерь — революционно-демократический — отражал интересы крестьянства. Этот лагерь был представлен великими демократами-революционерами. Еще в 40-х годах их предшественником выступил Белинский. К 50—60-м гг. относится деятельность Чернышевского, Добролюбова и Герцена.

С 90-х годов революционное движение в России вступило в новую, более высокую стадию развития. Начался пролетарский период развития русского революционного движения, во главе которого выступили вожди пролетариата и всего прогрессивного человечества Ленин и Сталин. Так создавались две России: Россия реакционная, самодержавная, и Россия революционная.

Киргизия была присоединена к России, раздираемой непримиримыми противоречиями. И обе России, самодержавная и революционная, оказали свое влияние на развитие киргизского народа, влияние глубоко противоречивое, как были противоречивы сами общественные силы империи. Понять значение присоединения Киргизии к России для киргизского народа можно только учитывая те глубокие противоречия, которыми характеризовалась жизнь всей страны

Укрепление границ России на Тянь-Шане и Памире.

После присоединения Киргизии к России границы последней стали соприкасаться непосредственно с Западным Китаем. Установление границ происходило в напряженной политической обстановке, что было связано с восстанием дунган и уйгуров в Северо-Западном Китае. В ряде районов, в ходе восстания, власть правительства феодального Китая пала и образовался ряд ханств. В пограничном с Россией Илийском крае образовалось ханство уйгуров.

Ослаблением китайского правительства в Западном Китае решили воспользоваться феодально-духовные круги Кокандского ханства в целях подчинения себе Восточного Туркестана. Попытки к этому предпринимались и раньше в виде неоднократных восстаний ходжей, которые организовывались и поддерживались правительством Коканда. В 1863 г. отряд кокандцев, возглавляемый Якуб-беком, вторгся в Кашгарию и, при поддержке местного мусульманского духовенства, установил там правителем Бузрук-ходжу. В 1867 г. Бузрук был лишен власти Якуб-беком. Провозгласив себя правителем Кашгарии, Якуб-бек стал проводить захватническую политику, стремясь распространить свою власть на Восточную Фергану и Памир. Якуб-бек, подстрекаемый Англией и Турцией,по отношению к России держался враждебно. Англия, мечтавшая превратить Среднюю Азию в свою ко-

лонию при помощи исламистской Турции, сделала Якуб-бека своим орудием в борьбе с Россией. В этих целях Англия и Турция признали Якуб-бека эмиром Джеты-Шарра (семиградья), вооружили и обучали его армию, а также пытались привлечь на сторону Якуб-бека некоторых киргизских манапов, надеясь таким образом осложнить положение России в прилегающих к Восточному Туркестану районах.

В целях укрепления своего военно-политического господства в Туркестанском крае и укрепления границ с Восточным Туркестаном и на Памире правительство России возводило укрепления в пограничных районах. Такими были: Каракол, Нарын, Джумгал, Куртка, Гульча и др. В этих же целях было создано Семиреченское казачье войско, в результате чего здесь возникли казачьи станицы: Николаевская, Мариновская и Когетинская.

Опасаясь распространения восстания дунган и учитывая стремление Якуб-бека захватить Джунгарию и Семиречье, царизм занял в 1871 г. Илийский край. Илийская провинция управлялась Россией до 1882 г., после чего она была по Петербургскому договору 1881 г. возвращена Китаю, которому удалось подавить восстание в своих северо-западных провинциях и восстановить власть в Восточном Туркестане. Пребывание Илийского края под управлением России способствовало сближению русского народа с местным дунганским и уйгурским населением. Когда по договору 1881 г. ему было предоставлено право выбора китайского или русского подданства, то значительная часть населения приняла российское подданство, в результате чего и произошло переселение илийских дунган и уйгуров в Семиречье.

По договору 1881 г. была установлена граница России и Китая между Восточным Туркестаном, с одной стороны, и Семиречьем и Ферганой—с другой. Большую сложность составил вопрос о границах на Памире. Англия, пытаясь всячески ущемлять интересы России, стремилась обострить отношения между нею и Китаем. Создавая конфликты по вопросу памирских границ, она намечала укрепить там свои позиции. В 1895 г. произошло разграничение южной и западной границ Памира. Но и после этого Англия продолжала свои интриги.

Хотя вышеуказанные мероприятия царизма по упрочению границ России в Семиречье, Фергане и Памире проводились в его интересах, но это было выгодно и киргизскому народу, так как в противном случае последний мог бы оказаться под властью отсталого тогда феодального Китая или стать колонией хищнического английского империализма. Это оторвало бы киргизский народ от революционного русского народа, надолго задержало бы его освобождение и обрекло бы на еще большие страдания, эксплоатацию и нищету.

Характер политики царизма в Киргизии и его союз с манапами и баями.

Прогрессивный характер присоединения Киргизии к России не только не определялся политикой царизма, а, наоборот, осуществлялся вопреки этой политике и в решительной борьбе с царизмом. Политика царизма в Киргизии, как и во всем Туркестане, была сугубо реакционной, колонизаторской политикой. «Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[1]. Таким был царизм и по отношению к киргизскому народу.

Царизм выражал экономические, политические и военные интересы русских помещиков и буржуазии. Являясь составной частью Туркестанского края, Киргизия использовалась как рынок сбыта и база сырья для российской промышленности, как источник поступления денежных средств посредством налогов на трудящийся киргизский народ. По мере проникновения в Туркестан русского промышленного капитала последний стал проявлять интерес к богатствам недр Киргизии, начал хищнически разрабатывать угольные залежи и другие ископаемые. Особое внимание царизма привлекали земельные богатства, которые сразу же после присоединения края к России были объявлены государственной собственностью. Политика царизма в земельном вопросе была рассчитана на лишение трудовых масс киргизского народа основных земельных фондов, передачу значительной части этих земель царским чиновникам, предпринимателям и кулакам. Когда же в России развернулось мощное аграрное движение крестьян, грозившее свержением царизма, тогда он попытался предотвратить такую возможность путем переселения крестьянской бедноты на окраины. Интересы трудовых масс киргизского дехканства всячески попирались. Трудовые массы киргизского народа стали объектом беспощадной эксплоатации со стороны царизма.

Царизм опирался в своей политике на колонизаторские элементы—чиновничество, казачество, кулаков, а также на местные эксплоататорские круги — баев и манапов. Царизм разжигал национальную рознь и культивировал темноту и невежество, тормозя все, что способствовало культурному развитию киргизского народа. Характеризуя колониальную политику царизма, И. В. Сталин писал:

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу,

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин»[1].

Все эти характерные черты колониальной политики царизма, отмеченные И. В. Сталиным, нашли свое яркое проявление в Киргизии. Колониальный режим, установленный царизмом в Киргизии, давал о себе знать на каждом шагу. Положение трудовых масс киргизов было чрезвычайно тяжелым. Киргизский народ эксплоатировался также не менее жестоко и беспощадно манапами и баями.

Свою колониальную политику царизм осуществлял при помощи манапов и баев, с которыми был установлен тесный союз. Привлекаемые на службу в аппарат управления, получая различного рода льготы и подачки от царизма, манапы и баи охотно служили ему, предавая интересы народа. Царизм, заинтересованный в сохранении всего отсталого, реакционного, всего того, что мешало культурному росту киргизского народа, укреплял над ним власть манапов и баев, как опору своего колониального режима в крае.

Таким образом царизм ни в какой мере не выражал и не мог выражать интересов трудящихся России и, в частности, киргизского народа. Вся его политика по своей направленности была антинародна.

Все, что было прогрессивного, положительного в присоединении Киргизии к России, вытекало не из политики царизма в отношении киргизского народа, а определялось сближением киргизского и русского народов, которое началось после присоединения и осуществлялось на экономической, культурной и революционной основе.

Переселение крестьян в Киргизию в 60—80-х гг. XIX в.

После присоединения Киргизии к России началась ее колонизация, которая проводилась на всем протяжении господства здесь царизма. Колонизаторская политика царизма определялась его экономическими и политическими интересами. Начиная с 60-х и до 90-х годов, на первом плане стояли военно-политические интересы и прежде всего стремление закрепить свою власть в присоединенном крае. С этой целью, как указывалось выше, возводились укрепленные пункты, создавалось казачье войско, аппарат управления был отдан в руки военных чинов и подчинялся не министерству внутренних дел, а военному ведомству.

В целях укрепления своих позиций, создания себе опоры в лице кулачества, казачьего войска царизм переселял на тер-

[1] И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 356.

риторию Киргизии крестьянство, наделяя его лучшими землями, предоставляя ему различные льготы, что способствовало складыванию здесь сильного кулацкого хозяйства. И. В. Сталин, раскрывая эту политику царизма, пишет:

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надёжную опору великодержавных стремлений»[1].

Это полностью подтверждается документами того времени. Так, в отчете губернатора Колпаковского за 1886 г. указывается: «Правительство возводило разного рода укрепления и вызывало из Европейской России крестьян, которых обращало в казачество для увеличения численного состава служилых людей и большего упрочения в Степном крае нашего господства».

В 60—80-х гг. XIX в. переселение крестьян из России в пределы Киргизии проходило только в северные районы. В 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель приказал Семипалатинскому военному губернатору собрать сведения о пунктах возможного заселения, а в 1866 г. им было отдано распоряжение об устройстве русского поселения у озера Иссык-Куль. В следующем году были подготовлены пункты для заселения: в Иссык-Кульском уезде — Каракол, в Токмакском — Токмак.

В 1868 году появились первые переселенцы. В этом же году в пределах названных двух уездов возникли села: Беловодское, Лебединское, Уйтал, Преображенское и Теплоключинское. В дальнейшем количество поселений неуклонно росло. К 1885 г. в Токмакском уезде имелось 10, а в Иссык-Кульском 6 русских селений, в которых насчитывалось 9961 человек крестьян мужского и женского пола. В 1875—1886 гг. был основан ряд русских поселков в северо-западной части Киргизии (нынешняя Таласская область). В 1875 г. здесь основываются сёла: Вознесенское, в 1876 г. — Чалдовар, в 1877 г. — Дмитриевское, в 1881 г. — Покровское, в 1884 г.—Николаевское, в 1886 г.—Александровское и др. При образовании русских поселков царское правительство стремилось к тому, «чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную, по возможности, сеть оседлых поселений, расположенных по главнейшим путям сообщения и плодороднейшим местностям».

Переселенцы, записанные в Семиреченское казачество, получали на каждую мужскую душу по 30 десятин земли, освобождались от податей на 16, а в припикетных поселках — даже на 25 лет и получали на обзаведение по 100 рублей ссуды. Осуществлялось это переселение методами игнорирования насущных интересов трудовых масс киргизского народа и разжигания национальной розни. Это было в интересах царизма, стремившегося

[1] И. Сталин. Соч., т. 5, стр. 26.

не допустить сближения между киргизским и русским народами. Изъятие земель трудящихся коренного населения проводилось на основе различных правительственных законоположений. По «Временным правилам» 1869 г., разработанным комиссией Гомзина, все земли кочевников объявлялись государственной собственностью. Это давало возможность царским властям в Туркестане и, в частности, в Киргизии на «законном» основании отбирать земли у дехканства. «Правила» 1869 г. дополнялись целым рядом распоряжений из центра и «творчеством» в этом вопросе военных губернаторов. В «Положении» 1886 г. об управлении Туркестанским краем государственной собственностью объявлялись не только пастбищные земли кочевников, но и орошенные пахотные земли, если население не могло доказать на эти земли своих прав. При запутанности, которая существовала в этом вопросе, трудящемуся коренному населению почти невозможно было доказать своих прав, тем более, что законными документами царская администрация считала только те, которые были выданы ею. Впоследствии «Положение» 1886 г. было дополнено указанием, что «в частную собственность могут войти только богарные необработанные земли». Вполне понятно, что все эти законы были направлены против местного дехканства.

Переселение дунган и уйгуров в Семиречье.

Наряду с переселением русских крестьян, сюда из цинского Китая в 70—80-х годах переселилась часть дунган и уйгуров.

Трудовые массы дунган и уйгуров в цинском Китае страдали от недостатка земли, от феодальной эксплоатации, от множества налогов и тяжелых повинностей. Они находились под гнетом цинской монархии и иностранного капитала.

В 1862 г. в провинции Шэньси вспыхнуло восстание дунган, продолжавшееся до 1877 г. Оно быстро распространилось на соседние провинции Ганьсу и Синьцзян. Восставшие боролись против помещиков, ростовщиков, купцов и чиновников. Восстание превратилось в национально-освободительное движение против цинского правительства и иностранных угнетателей. К восстанию присоединились саларцы и уйгуры, ставшие главными союзниками дунган в их борьбе. Восстание дунган и уйгуров поддерживали все угнетенные народы в Северо-Западном Китае. К этому восстанию большое сочувствие проявляли трудящиеся массы киргизов и казахов Семиречья. На отдельных этапах восстания они принимали в нем активное участие.

Восстание выдвинуло на историческую сцену из среды повстанцев много героев. Дунганский народный герой Мухамед Аюп, по прозвищу Быйяньху, предводитель шансийских повстанцев, стал одним из главных вождей дунганского восстания. После подавления восстания в Шэньси, Быйяньху двинулся через Ганьсу в

Кашгарию. По пути к нему присоединились группы ганьсуйцев и турфанцев.

В декабре 1877 г. дунганские повстанцы, во главе с Быйяньху, вынуждены были оставить Кашгарию и тремя группами двинулись к Российской границе, желая добровольно перейти в подданство России.

В конце декабря 1877 г. группа турфанских дунган до 100 человек и несколько сот уйгуров перешли русскую границу через перевалы Эргеш-Там в Ферганскую долину. В то же время вторая группа ганьсуйских дунган в количестве свыше 1000 человек перешла русскую границу через перевал Бедель в Пржевальский уезд и поселилась в урочище Ирдык, а часть осталась в Пржевальске. В это же время третья группа шэньсийских дунган в количестве около 3500 человек под предводительством самого Быйяньху вступила в одно из ущелий Тянь-Шаня. По труднейшей тропинке дунгане двинулись среди высоких горных вершин и с большими потерями в людях прибыли в русское укрепление Нарын. В январе 1878 г. эта группа дунган во главе с Быйяньху прибыла в город Токмак. Весной Быйяньху перешел р. Чу и поселился в урочище Каракунуз (в Казахстане), а часть его людей осталась в Токмаке, где они образовали дунганские кварталы.

Трудящиеся киргизы оказывали дунганам-переселенцам помощь во время их движения в Ош, Пржевальск, Токмак. Они вытаскивали отстающих дунган из глубокого снега, давали хлеб и предоставляли им свои юрты.

Переселение в Семиречье илийских дунган и уйгуров началось в конце 1881 г. и продолжалось до 1884 г. Переселенцы двигались группами, сначала богатые и зажиточные семейства, а затем среднее и бедняцкое население. Часть илийских дунган (до 2 тысяч человек) поселилась в Токмакском уезде, где образовала село Александровку. В этот же уезд прибыло несколько групп уйгуров. В Пишпек переселилось около одной тысячи дунган, где образовалась дунганская слободка. Небольшое количество дунган поселилось по верхнему течению р. Таласа Аулиэатинского уезда. Остальные дунгане и уйгуры поселились в Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области.

Главным занятием дунган было сельское хозяйство. Издавна они были искусными земледельцами. Многие из них занимались ремеслами, вели торговлю. Животноводство у дунган было развито слабо. Хозяйственные занятия уйгуров были те же, что и у дунган.

В результате переселения дунган и уйгуров произошло взаимное культурное сближение между ними, русскими поселенцами и киргизами.

Переселение крестьян в Киргизию в конце XIX и начале XX вв.

До 90-х годов крестьянская колонизация большого размаха не получила. Были нередки случаи, когда крестьяне, не приспособившись к новым условиям земледелия, связанного с ирригационной системой, возвращались обратно на старые места. Особенно упало переселение в 80-е годы. За время с 1883 по 1891 г. в Семиреченской области не возникло ни одного нового поселка.

Но с 90-х годов картина меняется. Голод в Центральной России 1891, 1898 и 1901 гг. вызвал рост переселения в Киргизию. В это время волна переселения докатилась и до южных ее районов. В 1891 и в начале 1892 г. в Семиреченскую область прибыли 1792 семьи переселенцев, из которых свыше половины разместилось в Пишпекском и Пржевальском уездах. В 1896 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам насчитывалось уже 26 населенных пунктов. По сравнению с 80-ми годами число переселенцев здесь выросло в три раза.

Число желающих переселиться в Среднюю Азию, и, в частности, в Киргизию было настолько велико, что царское правительство, идя навстречу помещикам, опасавшимся остаться без рабочих рук, стало ограничивать переселение. Циркуляром министра внутренних дел от 15 июня 1896 г. временно была прекращена выдача разрешений на переселение. Но это не остановило переселенческого движения. Оно продолжалось в форме самовольного крестьянского переселения. Самовольцы-переселенцы чаще всего размещались по старым селам, но были случаи образования и новых самовольных поселков. Такими селами явились: Георгиевское, Ивановское, Покровское и Свиняча выселка в Пишпекском уезде, основанные в 1893 — 1894 гг.

Голод 1901 г. вызвал среди малоземельного голодного крестьянства России стремление к поискам «свободных» земель, и в результате этого 1902 г. дал новый поток переселенцев-самовольцев в Семиречье. Заселялась преимущественно южная часть области — Пишпекский и Пржевальский уезды. Например, в июле 1902 г. из Пишпекского уезда сообщалось в областной центр, что прибыло 300 семей переселенцев, ставших табором около города. В августе их число увеличилось до 671 семьи. В 1905 г. по области насчитывалось 23 тысячи человек переселенцев-самовольцев, значительная часть которых опять-таки поселилась в Пишпекском и Пржевальском уездах.

В конце XIX в. переселенческим движением был охвачен и юг Киргизии. Первыми переселенцами здесь были дунгане, прибывшие сюда с разрешения царского правительства в 1877 г. Первыми русскими поселками, образовавшимися в 1893 г., были селение Покровское в Ошском уезде и в 1897 г. селение Николаевское и село Благовещенское в Андижанском уезде, село Рожде-

ственское, поселки Кара-Тепе, Лянгар и Балдык в Ошском уезде.

Особенно интенсивно шло заселение Кугартской долины, чему способствовали «Правила» 10 июня 1903 г. о добровольном переселении в Ферганскую область. Правительственная газета «Сельский Вестник» широко рекламировала эти «Правила», указывая на наличие свободных земель в Кугартской долине. В этот район крестьяне-переселенцы прибывали ежегодно. В результате в Кугартской долине образовался целый ряд поселков: Кок-Янгак, Джергалан, Таран-Базар, Котма, Кучур-Кожан и другие.

В 1905 г. в пределах Южной Киргизии по двум уездам—Андижанскому и Ошскому — насчитывалось уже 25 поселков. Правда, большинство из них были мелкими, иногда в несколько семей (Акджар — 3 семьи, Зергер — 10 семей), некоторые даже распались, но в целом переселение в Южную Киргизию в этот период происходило в значительных размерах.

Необходимое количество земли для крестьян-переселенцев можно было найти, не затрагивая интересы киргизского дехканства, которое иногда само добровольно уступало крестьянам земельные участки, но царизм к решению земельного вопроса подходил чисто колонизаторски, попирая насущные интересы киргизского дехканства, забирая сплошь да рядом необходимые ему самому земли. Например, в 1892 г. поземельной комиссией у дехкан Пишпекского уезда было изъято шесть земельных участков по правому берегу реки Чу, в количестве 82.113 десятин, причем, как признала сама поземельная комиссия, изъятые земли представляли «единственный источник, обеспечивающий существование киргизов». Большое количество изъятых земель попадало не трудовому крестьянству, а кулакам, дворянам и другим представителям эксплуататорских классов.

Переходу земель в руки колонизаторских элементов способствовало бедственное положение киргизского дехканства, которое, часто не имея инвентаря, было вынуждено отдавать кулакам за вспашку одной десятины десять десятин земли.

Захвату земель у трудового населения способствовали и киргизские манапы, часто отдававшие земли киргизских волостей в долгосрочную аренду, забирая себе арендную плату. Так, в октябре 1896 г. был отдан в 12-летнюю аренду участок в 750 десятин, принадлежавший до этого Толкановской волости. В 1906 г. волостной управитель продлил аренду еще на тридцать лет, получив по 20 копеек за десятину в год. Эта же земля потом отдавалась с торгов в годовую аренду жителям Пишпека по 7—16 руб. за десятину.

Подобного рода сделки манапы заключали с отдельными лицами. В таких случаях забирались участки земли, которыми

пользовались часто киргизы-дехкане. Отдавалась земля в аренду без согласия дехкан.

Кроме целей укрепления своего господства, царизм проводил политику переселения также в целях развития земледельческого хозяйства, которое обеспечило бы потребности края в хлебе и других продуктах. Особенно актуальное значение приобрело для царизма крестьянское переселение в связи с аграрным движением в центральных губерниях России. Царизм стал выбрасывать на окраины крестьянскую бедноту, как наиболее революционную часть сельского населения. Такой характер переселение приобрело со времени революции 1905 — 1907 гг. Это не означает, что переселялись только бедняцкие слои деревни, переселялись и кулаки, но они шли на окраины с целью дальнейшего расширения своего капиталистического хозяйства.

Управление в Киргизии при царизме.

С присоединением к России Киргизия вошла в состав Туркестанского генерал-губернаторства, но не как территориально целостная единица, а будучи разбросана по ряду областей. На территории Киргизии были образованы уезды: в северной части — Пишпекский и Пржевальский (сначала они назывались Токмакский и Иссык-Кульский), а на юге Ошский. Первые два уезда входили в Семиреченскую, а Ошский—в Ферганскую области. Район современной Таласской области в составе Аулиэатинского уезда входил в Сыр-Дарьинскую область. Кроме киргизов, в этом уезде жили казахи, составлявшие большую часть населения. Ошский уезд не охватывал всех районов южной Киргизии, и значительная часть ее территории вошла в Андижанский, Наманганский и Маргеланский уезды Ферганской области, а район Сулюкты — в Ходжентский уезд Самаркандской области.

В таком проведении административного деления в Туркестанском крае сказывалось не только пренебрежение царизма к национальным интересам народов Туркестана, но и явное стремление помешать их национальной консолидации.

В пределах уездов киргизское население было разделено на волости и аилы. В состав волости входило до 2000, а в аил до 200 кибиток.

Если при проведении административного деления на области и уезды проводилась политика разобщения киргизского населения, то при организации внутри уезда волостей проводилось разобщение отдельных национальностей. Киргизские волости резко отделялись от волостей русских крестьян, даже тогда, когда создавались оседлые волости киргизов. В особые волости было выделено и дунганское население.

Управление находилось в руках царских властей: генерал-губернатора, управляющего всем Туркестанским краем, воен-

ных губернаторов в областях и в уездах уездных начальников. Кроме этих основных должностных лиц, в управлении имелся огромный штат различных чиновников. Администрация в киргизских волостях выбиралась из коренного населения на волостных съездах, но выборы были лишь фикцией, так как проводились они на основе имущественного ценза, и беднота была лишена возможности быть избранной. Во время «выборов» между претендентами и выдвигавшими их группами манапов и баев разгоралась борьба за должности. «Выбирался» тот, кто давал бо́льшую взятку вышестоящему начальству. «Выбранная» таким образом волостная администрация утверждалась военным губернатором.

В ведение волостной администрации входило распределение податей и различных повинностей, посылка населения на так называемые «общественные работы». Она могла подвергать жителей штрафу и аресту, выполняла также и полицейские функции. Выбирались волостные управители и аильные старшины на 3 года. За свою службу волостной управитель получал 500 — 700 рублей, а аильный старшина — от 100 до 200 рублей в год.

Судебная власть в волости принадлежала биям и казиям. Казии решали судебные дела на основе шариата. Более распространенным был суд биев. Они выбирались одновременно с волостными управителями на волостном съезде, по 4 бия на каждую волость. Суд биев основывался на обычном праве—занге или нарке, которое всегда можно было истолковать в выгодных целях. Суд состоял из трех инстанций: 1) единоличный суд бия, 2) волостной и 3) чрезвычайный уездный суд биев. Бий мог единолично решать мелкие исковые дела и подвергать аресту до 7 дней. Волостной суд мог лишать свободы до 3-х месяцев.

Не ограничиваясь судом биев, царская администрация при помощи своих судебных органов расправлялась с киргизским дехканством вплоть до предания военно-полевому суду, если это угрожало интересам колониального режима. Таким образом, управление в Туркестанском крае и, в частности, в Киргизии находилось в руках военно-чиновничьего аппарата, действовавшего в союзе с киргизскими эксплоататорскими верхами.

Аппарат управления краем был настолько громоздок и велик, что на его содержание уходила значительная часть доходов, получаемых от местного населения в виде всевозможных поборов.

Огромные расходы на содержание аппарата управления дополнялись массовыми хищениями казенных средств областной и уездной администрацией, рассматривавшей свои должности как источник личного обогащения. Замечательную характеристику туркестанской администрации дали Наливкины в своей книге «Туземцы раньше и теперь». «Один, якшаясь с волостными упра-

вителями, — писали Наливкины, — втихомолку скупал у туземцев земли по очень выгодным для себя ценам; другой, принимая благодарность богатых туземцев за разные нелегальные поблажки строил хлопкоочистительные заводы; третий вступал в компанию с виноделом и таким же путем добывал виноград; четвертый взимал мзду с волостных управителей и казиев за хлопоты по утверждению их в должности; пятый облагал необременительной данью туземных проституток; шестой просто брал, не специализируясь и не упуская ни одного удобного случая; седьмой по дорогой цене продавал бездействие власти». В ошском уезде помощник уездного начальника утверждал волостными управителями лиц, дававших ему большие взятки. В волости Иквай управителем был утвержден содержатель публичного дома, давший Иессину взятку в 700 рублей. Показательно также дело поручика Бекчурина, который, заведуя денежной частью Ошского уезда, совершил хищение значительных денежных сумм.

По стопам своих хозяев шли и киргизские манапы и баи, захватившие в свои руки волостное и аильное управление. Во время выборов между ними разгоралась ожесточенная борьба за должности, принимавшая различные формы. Наглядным примером может служить борьба при выборах волостного управителя в Чоринской волости Пржевальского уезда в 1906 г., когда за место волостного управителя боролись две партии манапов этой волости.

Первая партия возглавлялась манапом Касымбеком из племени саяк, другая — Чоробаем Джаныбековым из племени басыз. Организовав вооруженный отряд из своих джигитов и сторонников, Чоробай производил различные насилия над киргизами племени саяк. Захватив переправы через р. Алабугу, его джигиты никого не пропускали на левый берег, чтобы изолировать от всякого постороннего влияния захваченных ими кибитковладельцев. Уездный начальник Пржевальского уезда так объяснил причины этой борьбы: «Платёжных средств населения нехватает для удовлетворения хищных аппетитов всех многочисленных манапов, почему партийные стремления каждой группы заключаются в том, чтобы получить преобладание в волости, приобрести всю администрацию ее и весь народный суд из своей партии и при помощи, главным образом, последнего обирать темный народ, держа его под постоянной угрозой полного разорения при помощи народного суда».

Волостные управители и аильные старшины, дававшие крупные взятки уездному начальству за содействие в получении места, за неограниченную власть над волостью, возмещали свои расходы поборами с подвластного населения. Под видом возмещения расходов, понесенных будто бы на общественные нужды, взимался так называемый «чигим», доходивший до 20 рублей с кибитки, взимались сборы за выставленные для проезжавшего начальства юрты,

за съеденных ими баранов и т. д. В жалобе жителей Ошского уезда, поданной в июле 1898 г. на уездную и волостную администрацию, говорилось о многочисленных притеснениях, указывалось, что управитель волости Иквай, помимо многочисленных поборов, заставлял дехкан обрабатывать своим инвентарем и тягловой силой его поля и убирать с них урожай.

Манапство возмещало за счет населения расходы, связанные даже с религией. Так, известный киргизский манап Шабдан, ездивший в Мекку, поражал там всех своей щедростью, а вернувшись домой, на возмещение расходов собрал до 15 тыс. рублей с подвластного ему киргизского дехканства. Иногда эти поборы сопровождались открытым насилием и угрозами полного разорения трудовых масс киргизов. Так, вышеназванный манап Чоробай Джаныбеков несколько раз производил сборы с населения волости деньгами и скотом на расходы по «выборам», причем Чоробай разъезжал с винтовкой и угрожал неповинующимся совсем их разграбить.

Произвол и насилия манапов и баев над трудящимися киргизами ярко характеризует Г. Загряжский в своем сообщении, помещенном в «Материалах для статистики Туркестанского края» (том III, 1874 г.).

«В Кетмень-Тюбинской волости, — пишет Г. Загряжский, — всем заправлял Рыскулбек Нарбутин... С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При кочевках никто не смел раньше него трогаться с места и итти впереди его стад. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты и сделают, что будет приказано. Рыскулбек приказал выбрать угодных ему лиц в аильные старшины и бии, а волостным он назначил своего брата Керимбека, который служил у него джигитом».

Царизм в лице местных эксплуататоров — манапов и баев и их сподручных — биев, джигитов и мулл имел надежную опору и верных союзников в деле установления жестокого колониального гнета над трудовыми массами киргизского народа. Колониальный режим царизма в Киргизии не только не противоречил интересам манапов и баев, а, наоборот, укреплял их экономическое могущество и власть над народными массами края.

Налоговая политика царизма в Киргизии.

В колониальном режиме царизма существенное место имела налоговая политика. Сразу же после образования Туркестанского генерал-губернаторства первыми шагами деятельности царизма в крае было обложение налогами местного трудящегося населения. Первое время взималась кибиточная подать и земский сбор, а также частично сохранялась налоговая система периода кокандской колонизации: харадж и танап, замененные царизмом затем оброчной податью.

К 80-м годам система налогов и повинностей стала чрезвычайно обширной. Помимо кибиточного и земского сборов и оброчной подати, появились отчисления на содержание местной администрации, сборы на постройку и ремонт мелких мостов, дорог и арыков, поставка юрт и овец для проходивших воинских частей и т. д. В дальнейшем количество налогов увеличивалось как за счет обязательных, так и «добровольных» сборов, о которых сенатор Пален, ревизовавший Туркестанский край, писал, что они «чаще всего являются результатом давления со стороны чинов уездной администрации».

Народными средствами оплачивался также аппарат киргизской администрации. Каких больших средств стоила населению эта администрация, можно судить по отдельным примерам. Рапорт начальника Андижанского уезда за 1887 г. свидетельствует, что на содержание 24 волостных управителей и 24 джигитов при них израсходовано 28800 руб., на 130 аильных старшин — 19500 рублей, на уездных мирабов—5600 рублей, а всего—53900 рублей в год. Штат администрации постепенно возрастал, а вместе с тем росли расходы на его содержание. По 4 уездам: Пишпекскому, Пржевальскому, Ошскому и Андижанскому киргизы платили налогов в 80-х годах XIX в. свыше 812 тыс. рублей в год. В целях своевременного поступления налогов царизм ввел систему круговой поруки. Если налогоплательщик был не в состоянии внести налоги, за него должны были уплачивать остальные юртовладельцы аила.

Однако материальное положение трудящихся киргизов было настолько бедственным, что очень часто они не могли обеспечить своевременный сбор налогов, даже при системе круговой поруки. Царизм, настойчиво и беспощадно осуществляя налоговую политику, «Положением 1886 г.» предоставил право волостным правителям продавать с торгов имущество неплательщиков налогов.

Но более разорительными были неофициальные налоги и поборы, которые местная администрация взимала с дехканства. Произвол при взимании налогов буквально разорял народ. Этому способствовало то, что раскладка налогов, податей и прочих сборов и повинностей целиком находилась в руках волостной и аильной администрации, иначе говоря, в руках манапов и баев, которые смотрели на трудящихся как на источник обогащения.

Налоги, приходившиеся на ту или иную волость, вместо того, чтобы быть распределенными соответственно имущественному положению населения, раскладывались по противоположному принципу: манапы и баи от налогов освобождались, а вся тяжесть их ложилась на плечи бедноты. Волостная и аильная администрация не забывала при этом использовать сбор налогов для своего личного обогащения, взимая намного больше установленного. О том, как это практически осуществлялось, говорят

такие факты: в 1904 г. дехканина-бедняка Тургенской волости, Пржевальского уезда Тюлебаева, имевшего всего 2 лошади и 2 коровы, внесли в налоговую раскладку, как владельца 575 баранов. Не менее яркий пример такого произвола местных властей приводился в одном из протоколов допроса по делу участников восстания 1916 г. Один из свидетелей, указывая на причины восстания, говорил, что служивший у него киргиз-бедняк, имевший лишь одну собаку, платил подати за 25 баранов, 4 лошади и 4 коровы. Когда же пострадавшие обращались с жалобами к уездной и областной администрации на волостных управителей и аильных старшин, то, как правило, защиты не находили, так как уездная и областная администрация сама не менее беспощадно обирала народ.

Налоговая политика царизма в Киргизии и произвол в этом вопросе местных властей, бесчинства уездной и областной администрации и чиновников поставили киргизские трудовые массы в исключительно бедственное положение, что еще больше усугубляло кабалу и различного рода зависимость киргизской бедноты от манапов и баев.

§ 18. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КИРГИЗИИ В КОНЦЕ XIX в.

Проникновение капитализма в Киргизию. Колониальный режим отсталого в экономическом, политическом и в культурном отношении Кокандского ханства, господство патриархально-феодального строя и натурального хозяйства делал невозможным втягивание Киргизии в систему более развитых экономических и общественных отношений. С присоединением к России в экономическом и общественном развитии Киргизии начались существенные изменения, чему способствовало втягивание ее в орбиту хозяйственной жизни российского капитализма.

Отмечая роль капитализма в деле хозяйственного сближения народов на почве экономических отношений, И. В. Сталин писал:

«Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое»[1].

Вхождение Киргизии в состав России совпало по времени с пореформенной историей империи, когда в ней начался бурный процесс развития капитализма. Этим, в конечном итоге, и определилось превращение Киргизии в колонию царской России.

В развитии капитализма в России во второй половине XIX в. наблюдались две стороны процесса, именно: «...развитие капитализма вглубь, т. е. дальнейший рост капиталистического земле-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 181.

делия и капиталистической промышленности в данной, определенной и замкнутой территории, — и развитие капитализма вширь, т. е. распространение сферы господства капитализма на новые территории»[1]. При политическом господстве в России помещичьего класса и при наличии пережитков крепостничества задерживалось развитие капитализма вглубь, а окраины способствовали его развитию вширь.

Киргизия являлась частью крупнейшей колонии царской России — Туркестана, поэтому проникновение капитализма в Киргизию невозможно рассматривать в отрыве от того же процесса в Туркестане в целом.

Под влиянием проникновения в экономику Туркестана капитализма здесь очень скоро наметилась хозяйственная дифференциация отдельных районов.

На базе хлопководческого, скотоводческого и зернового хозяйства стала развиваться обрабатывающая промышленность. Появились хлопкоочистительные, маслобойные, кожевенные, пивоваренные и водочные заводы, мельницы, крупорушки и другие предприятия. Начала развиваться и горнодобывающая промышленность, особенно угольная. На Туркестанской выставке уже в 1886 г. были представлены образцы различных отраслей промышленности. Росту капитализма в Туркестане способствовала также крестьянская колонизация. Таким образом, с включением Туркестана в состав России российский капитализм втягивал экономику этого края в сферу своей деятельности, чему способствовала также постройка железных дорог: Закаспийской (1880—1888 гг.), Ташкентско-Оренбургской (1889 — 1905 гг.), а впоследствии и Семиреченской.

На почве того же хозяйственного сближения с Россией развивались капиталистические отношения и в Киргизии. Однако здесь этот процесс шел медленнее вследствие отдаленности Киргизии от центров России и железнодорожных магистралей. Быстрому росту капиталистических отношений препятствовал также культивировавшийся царизмом на окраинах патриархально-феодальный и национальный гнет. Поэтому на территории Киргизии вплоть до Октябрьской революции в значительной мере сохранилось натуральное хозяйство.

Среди других областей Туркестана Киргизия выделялась как скотоводческо-зерновой район со слабо развитой промышленностью, занятой преимущественно первичной обработкой продуктов скотоводства и земледелия. Наиболее богата скотом и хлебом была северная часть Киргизии, которая по характеру своего хозяйства была однотипна с соседними уездами Казахстана — Верненским и Аулиэатинским. Скотоводство и земледелие явля-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

лись ведущими отраслями хозяйства и в Южной Киргизии, но, в отличие от северных её районов, здесь имели место хлопководство и шелководство, сближавшие хозяйство юга Киргизии с прилегающими районами Узбекистана (Андижанский и Наманганский уезды). На юге концентрировалась и горнодобывающая промышленность.

Высокие горные хребты, отсутствие удобных путей сообщения, нарочитое сохранение выгодной царизму племенной раздробленности мешали хозяйственным связям северных и южных районов Киргизии, что усиливало их специфику.

С присоединением к России в Киргизии стала развиваться и расти торговля, возникали новые города, прокладывались тракты, изучалась природа края и ее ископаемые богатства. Это был, несомненно, прогрессивный процесс. Однако политика царизма и русской буржуазии в отношении хозяйственного развития окраин сводилась к тому, чтобы превратить их в исключительно сырьевые районы и рынки сбыта для промышленно развитых центров России. В силу такой политики экономическое развитие Киргизии носило однобокий характер, что обрекало ее на экономическую и культурную отсталость.

С колонизацией Киргизии на ее территории стало складываться мелко-товарное и товарно-капиталистическое хозяйство. Проникал капитализм и в киргизское хозяйство.

Развитие капитализма в переселенческом крестьянском хозяйстве.

Говоря о развитии капитализма вширь, В. И. Ленин указывал, что превращение окраин в рынок сбыта для промышленности центра и переселение крестьян на окраины в пореформенный период и есть конкретное проявление этого процесса. Крестьянское переселение, как одно из условий для развития капитализма на окраинах, имело особенно важное значение для такого сугубо аграрного района, каким была Киргизия при царизме. Характеризуя пореформенное крестьянство России, В. И. Ленин подчеркивал наличие в нем черт, присущих товарному, капиталистическому хозяйству.

«Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам, — писал В. И. Ленин, — наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму...»[1].

Указывая на связь пореформенного крестьянского хозяйства с капитализмом, В. И. Ленин писал:

«Вопреки теориям, господствовавшим у нас в последние полвека, русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его»[2].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 140.
[2] Там же, стр. 141.

Если черты товарных, капиталистических отношений имели место в хозяйстве крестьян центра, которое было опутано сетью пережитков докапиталистических отношений, то на окраинах, особенно в XIX в., было гораздо больше условий для развития капитализма в переселенческом хозяйстве. Наличие значительного количества пахотной земли, сенокосных угодий и пастбищ, слабое развитие помещичьего землевладения, налоговые льготы, наличие дешевых рабочих рук — все это способствовало развитию капитализма в земледелии.

Хозяйство значительной части русского и дунганского крестьянства и казачества развивалось на товарной основе, что вызывалось хозяйственной специализацией отдельных районов Туркестана. Например, Ферганская область, где разводился хлопчатник и концентрировалась промышленность, испытывала нужду в привозном хлебе и продуктах животноводства. В то же время излишки того и другого имела Семиреченская область, в которую входили основные зерновые и скотоводческие районы Киргизии. Развитию торгового земледелия способствовал большой спрос на хлеб и продукты животноводства в центральной России и на внешних рынках. Отмечая эту взаимосвязь, В. И. Ленин писал:

«Широкое развитие торговых посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны — с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»[1].

Уже в 90-х гг. XIX в. из Киргизии вывозилось значительное количество хлеба. Хлеб шел в южные районы Средней Азии и частично в Китайский Туркестан. Площадь посевов и сбор зерна непрерывно росли. В 1905 г. в Пишпекском уезде было собрано одной только пшеницы более 5 млн. пудов, что составляло свыше половины ее урожая во всей Семиреченской области. Приспосабливаемость крестьянского хозяйства к потребностям рынка и денежный характер этого хозяйства видны на примере даже отдельных сел. В изданной в 1892 г. книге Гейфа «Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области» отмечается, что крестьяне села Чалдовар и других сёл, расположенных вдоль Карабалтинского тракта, главным образом сеяли овес, так как на последний был большой спрос. «Культура овса,—пишет Гейф,—служит источником добывания денежных средств вследствие постоянного спроса на этот злак в городе Аулиеата и на станции Карабалтинского почтового тракта».

Наряду с земледелием, большую роль в хозяйстве переселенцев, особенно старожилов, играло разведение скота, вызванное

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 218—219.

потребностями рынка. Данные девяностых годов XIX в. о количестве скота у русских переселенцев говорят о значительных размерах развития скотоводства. Особенно это видно при сопоставлении количества скота в киргизском и переселенческом хозяйстве. По данным токмакского уездного начальника за 1891 г., на каждое киргизское и русское хозяйство приходилось в среднем:

	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота	Баранов	Свиней
Киргизское хозяйство . .	$\frac{5}{6}$	$3\frac{5}{6}$	3	$24\frac{1}{3}$	—
Русское хозяйство	—	$3\frac{1}{4}$	$6\frac{1}{2}$	$2\frac{3}{4}$	$2\frac{3}{8}$

Если учесть, что скотоводство являлось основным занятием коренного населения, то станет очевидным, что переселенческое хозяйство уступало киргизскому скотоводству по сути лишь в мелком скоте. Значительные размеры скотоводство приобрело в старожильческих селах. В селах новопоселенцев, где было большое количество бедняцких хозяйств, обеспечение скотом было значительно ниже, чем об этом позволяют судить средние данные. Много меньше скота, чем киргизы и русские поселенцы, имели переселенцы-дунгане. Данные за 1891 г. по Токмакскому уезду говорят о слабости их животноводческого хозяйства в этот период: в среднем на хозяйство приходилось лошадей 1¼ головы, рогатого скота ½ головы и менее одного барана.

Значительное количество скота в крестьянском зажиточном хозяйстве вызывалось не одними потребностями хозяйства, но и связями его с рынком. Часть крестьян разводила скот для продажи, часть покупала его специально для откорма и перепродажи. В вышеуказанной книге Гейфа говорится: «Крестьяне некоторых сел Аулиэатинского уезда начинают постепенно прикупать скот для выдержки, затем и перепродажи его на майской Аулиэатинской ярмарке». Тем же самым занимались чалдоварцы и крестьяне других сёл, сокращавшие посевы хлеба. А когда последний затоваривался, им откармливали скот. Этот последний факт также говорит о приспосабливаемости переселенческого хозяйства к потребностям рынка.

Помимо хлебопашества и скотоводства, крестьяне занимались рядом подсобных занятий в зависимости от спроса рынка и естественных условий. Большое развитие получило товарное пчеловодство, особенно в Иссык-Кульской котловине. В 1892 г. в Пржевальском уезде сбор меда составил 3888 пудов, было продано 2900 пудов. Через пять лет, в 1897 г. в том же уезде было собрано меда 13200 пудов, из которого было продано около 10 тыс. пудов.

Все вышеприведенные факты полностью подтверждают ленинское положение о том, что крестьянское переселенческое хозяй-

ство явилось одной из форм развития капитализма в колонизуемых районах в пореформенный период.

Появление торгово-предпринимательского хозяйства.

Еще более ярко проявлялось развитие капитализма в процессе складывания предпринимательского хозяйства в переселенческом населении. В селах и отдельных местечках возникали мелкие предприятия по обработке сельскохозяйственных продуктов: мельницы, маслобойки, кожевенные, кишечные и свечные заводы, пекарни, харчевни и т. п. Большое место в земледелии приобрело торговое огородничество. В 1892 г. в городе Пишпеке было продано овощей на 2215 руб., а в Токмаке на 3607 руб. Если учесть при этом, что города были с небольшим количеством населения и многие жители их имели огороды для личных потребностей, то указанную сумму, вырученную от продажи овощей, следует признать немалой.

В развитии предпринимательского хозяйства четко выступала и специализация. Появились новые культуры, разводимые для сбыта на рынке. Например, в 90-х годах стал усиленно разводиться табак. В 1892 г. в Пишпекском уезде было 8 табачных плантаций, в Токмакском уезде — 14 плантаций, в селе Б. Токмак — 5 и в Сукулуке — 1 плантация. В это же время в северных районах Киргизии стали проводить первые опыты разведения шелкопряда. Делались попытки и к разведению хлопка. В 1892 г. житель города Пишпека, узбек Ахметбабаев, высеял до 6 пудов семян хлопка.

Ярким примером развития предпринимательства являлось хозяйство пишпекского жителя Фетисова. Он первый занялся разведением хмеля и в 1892 г. собрал его в количестве 210 пудов. По качеству его хмель был выше заграничного, что отмечалось и в официальных данных того времени. О размерах и доходах хозяйства Фетисова можно судить еще по наличию у него земли и скота. За Пишпеком, в предгорьях, он имел 300 десятин земли и животноводческую ферму, в которой в 1892 г. содержалось 325 голов одного рогатого скота. На ферме проводились опыты по скрещиванию рогатого скота киргизской породы с голландской, овцы русской—с киргизской. На базе животноводческой фермы в 1885 г. Фетисов построил сыроварню, производившую на продажу значительное количество сыра. В 1892 г. им было продано сыра на 1500 рублей, что значительно превышало доход многих мелких предприятий того времени.

Развитие промышленности в Киргизии.

При сравнительно слабом развитии промышленности в Туркестанском крае Киргизия при царизме была особенно отсталым районом. Промышленность края определялась колониальным его положением: вся его экономика была подчинена интересам развития экономики центра. На месте получали развитие только те отрасли промышленности, которые были нужны для

первичной обработки сырья. После первичной обработки товар поступал на фабрики и заводы центральной России или отправлялся на внешний рынок. В готовом виде на рынок поступал лишь уголь и др. ископаемые богатства. Односторонний характер развития промышленности в крае обрекал Киргизию на экономическую и культурную отсталость. Но если сравнивать развитие промышленности Киргизии с её положением до присоединения к России, нельзя не отметить существенных изменений. До этого природа и богатства недр этого края были неведомы науке и лежали без пользы. Начиная с 60-х годов XIX в., Туркестан, в том числе и горные районы Киргизии, стали предметом исследований, в результате чего уже в конце 60-х и начале 70-х годов был открыт ряд мест с залежами угля, нефти, различных руд и минералов, которые начали разрабатываться русскими промышленниками. Это было, несомненно, прогрессивным явлением, двигавшим экономику края вперед. Но при царизме промышленность здесь не получила должного развития.

Вплоть до Октябрьской революции промышленность Киргизии была представлена главным образом предприятиями по обработке сельскохозяйственного сырья. В официальных отчетах рассматриваемого периода в качестве главных предприятий перечисляются мельницы, крупорушки, маслобойки, кожевенные и салотопенные заводы, шерстомойки и кишечно-очистительные заводы. Последние впоследствии стали монополией немецкой фирмы Дюрнмидт, имевшей свои конторы в Пишпеке, Пржевальске и Оше и вывозившей в Германию большое количество кишок для колбасных предприятий.

В начале 90-х гг. в Токмакском и Иссык-Кульском уездах Семиреченской области имелись следующие предприятия, значившиеся в официальных отчетах под названием фабрик и заводов: 2 пивоваренных, 7 кожевенных, 8 маслобойных заводов, 1 сыроварня и 77 водяных мельниц. В южных районах Киргизии, в частности, в Ошском уезде, в 1883 г. насчитывалось более 150 предприятий, из которых было 55 мельниц, 30 хлебопекарен, 10 красильных, 9 шорных, 6 кожевенных, 6 свечных, 3 алебастровых и 5 гончарных заводов. Наличие значительного количества предприятий на территории Киргизии в конце XIX в. вовсе не говорит о развитой здесь промышленности, так как среди перечисленных «фабрик» и «заводов» не было ни одного крупного предприятия. Все это были карликовые заведения с небольшими капиталовложениями и единицами занятых рабочих. Достаточно сказать, что в вышеуказанных пивоваренных заводах имелось всего 5 рабочих, а на 77 мельницах было занято только 39 рабочих. Такая же картина наблюдалась и в Ошском уезде, где на 153 предприятиях работало всего 318 человек. Наиболее крупными по капиталовложениям и по количеству занятых рабочих были кожевенные предприятия Токмакского уезда. На 4 предприятиях

здесь работало 45 человек, а годовая сумма производства составляла 15800 рублей. Следовательно, ни о какой фабричной промышленности в полном смысле этого слова говорить не приходится. Эта стадия развития промышленности в Киргизии в рассматриваемый период должна быть отнесена к мелким капиталистическим промыслам, как рассматривал такого рода предприятия В. И. Ленин. Раскрывая характер и процесс развития мелких промыслов, *В. И. Ленин писал:*

«В пореформенной России рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении»[1].

Эта ленинская характеристика мелких промыслов целиком относится к промышленности Киргизии при царизме.

Если в северных районах Киргизии промышленность возникала среди русского населения, то в южных её районах и главным образом вокруг их городского центра — города Ош — мелкие промыслы развивались среди местного населения.

Значительное распространение в это же время имело и ремесло, преобладавшее, как правило, не в городах, а в сельской местности, что указывает на его связь с крестьянским хозяйством. Например, в 1892 г. по Токмакскому и Иссык-Кульскому уездам насчитывалось 1711 ремесленников, из которых в двух городах этих уездов, Пишпеке и Пржевальске, было всего 145 человек.

Более значительной по объему производства и по количеству занятых рабочих была горнодобывающая промышленность. Первые разведки и разработки угля начались в конце 60-х — начале 70-х годов. К концу XIX в. на территории Киргизии разрабатывались угольные копи Нарына и Кызыл-Кия. Именно здесь и начался в конце XIX в. процесс формирования рабочего класса в Киргизии.

Одним из результатов присоединения Киргизии к России явилось развитие на её территории капиталистической промышленности.

Развитие внутреннего рынка в Киргизии.

Результатом хозяйственного влияния России на Киргизию было не только развитие капитализма в земледелии и промышленности, но и связанное с этим процессом усиление товарного обращения и складывание внутреннего рынка. Торговый капитал в Киргизии был развит более, чем промышленный, что характерно для Киргизии на протяжении

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 292.

всего дореволюционного периода. Ленинское положение о том, что «...чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал, тем слабее развитие промышленного капитала..»[1], нашло свое полное подтверждение в Киргизии. После присоединения к России в Киргизию устремилась масса разного рода торгового люда. Торговля на первых этапах присоединения носила меновой характер, как это было и при Кокандском ханстве. О развитии торговли можно судить по росту её оборотов. Например, если в 1860 г. через Оренбургскую таможню в Туркестан товаров было вывезено на 1.250.195 руб., то в 1866 г. их было вывезено уже на 4.647.208 руб. Но скоро меновая торговля стала заменяться денежной. Поставленное в обстановку денежных отношений население, нуждаясь в деньгах, особенно при уплате налогов, часто попадало в кабалу торговцев-ростовщиков, отдававших свои товары или деньги на определенный срок под большие проценты. Торговля носила явно колониальный характер. Ввозились товары плохого качества, а продавались они здесь по значительно завышенным ценам. Один из современников писал в 1867 г.: «Торговцы, положившие начало торговле в степи, возвышали цены на свои товары до баснословных размеров и обогащались быстро».

К концу XIX в. по сравнению с 60-ми годами товарное обращение в целом в Туркестане и, в частности, в Киргизии значительно выросло. Этому способствовало улучшение путей сообщения, рост городского населения и развитие капитализма в сельском хозяйстве и промышленности.

Первыми путями сообщения, которые способствовали росту товарного обращения, были почтовые тракты. В 1865 г. был проведен тракт от Верного до Ташкента и от Чимкента до урочища Тюмень-Арык, доведенный в начале следующего года до форта № 1 (Казалинск). Вышеуказанный тракт сомкнулся с Казалинско-Орским трактом, проведенным еще раньше. В том же 1865 г. почтовый тракт был проложен от Ташкента до Ходжента и Ура-Тюбе, а в конце 1869 г. до Самарканда. К 90-м годам почтовые тракты связали ряд населенных пунктов Киргизии с важнейшими центрами Туркестанского края. По северным районам Киргизии проходил Верненско-Ташкентский тракт, через Пишпек шли Пишпекско-Пржевальский и Нарынский тракты. По южным районам Киргизии проходил торговый путь из Ферганской долины в Кашгар через город Ош. Южные и северные районы Киргизии, разделенные горными хребтами, связывались рядом скотопрогонных и вьючных дорог и тропинок. Часть их выходила в Таласскую долину через урочище Турпак-Бель и Беш-Ташский перевал, другие шли от Андижана на Та-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 151.

ран-базар через Кугартский перевал; от Оша через Узген и перевал Чигты была проложена дорога к укреплению Нарын. Быстрому развитию товарооборота во всем Туркестане способствовало железнодорожное сообщение, появившееся в крае с присоединением к России.

Большую роль в развитии товарооборота в Киргизии второй половины XIX в. сыграл неуклонно происходивший рост городского населения. Увеличивалось население старых городов, и создавались новые города. В старых городах население, помимо естественного прироста, увеличивалось за счет переселенцев из России.

В Пишпеке (ныне город Фрунзе) в 1886 г. насчитывался 441 житель, в 1892 г.—3028, а по данным всероссийской переписи 1897 г., в Пишпеке числилось уже 6615 жителей. Так же быстро росла численность населения гор. Пржевальска (основан в 1868 г.). В 1881 г., по данным отчета генерал-губернатора Кауфмана, в Пржевальске числилось 1230 жителей, а к 1897 г. число жителей здесь возросло до 8108 человек. Самым крупным в Киргизии был город Ош, имевший в 1897 г. 34157 жителей. Рост городского населения отражал процесс складывания внутреннего рынка, процесс развития капиталистических форм производства в Киргизии с момента её присоединения к России.

Развитие городов в Киргизии коренным образом изменяло систему торговли. Основной системой торговли в Киргизии к 80 — 90-м гг. XIX в. стала не периодическая, наездами, так называемая степная торговля, а базарная и ярмарочная. Торговля стала концентрироваться в городах и местечках. На территории Киргизии такими центрами были: города Пишпек, Пржевальск, Ош, торговые местечки Токмак, Атбаши, Нарын, Джалал-Абад, Узген, Булак-Баши, Иски-Наукат. Торговые обороты этих пунктов были сравнительно небольшие. В 1892 г. весь торговый оборот города Пишпека составил 320000 руб. Но зато в старом торговом центре Киргизии — городе Ош торговый оборот в 1883 г. составил 2.751.924 рубля.

Большое значение для развития товарооборота северных районов Киргизии имела Каркаринская ярмарка, впервые открытая в 1893 г. и функционировавшая с 15 мая по 15 июня ежегодно. На эту ярмарку приезжали купцы из Сибири, из других областей Туркестана и Западного Китая. Непосредственно на территории Киргизии ярмарки начали ежегодно проводиться с 1894 г.: Атбашинская—с 5 августа по 5 сентября; Пишпекская городская — с 15 апреля по 1 июня; Токмакская — с 1 июля по 1 сентября; Каракольская — с 1 октября по 15 ноября и др. Главным предметом торговли был скот и продукты скотоводства — шкуры и шерсть, а также хлеб, мед и другие продукты сельского хозяйства.

Большое значение в развитии товарооборота в Киргизии имела торговля всего Туркестанского края с центральной Россией и Сибирью. О масштабах этой торговли свидетельствуют данные о вывозе. Так, по среднеазиатской железной дороге в указанные выше районы России в 1892 г. было вывезено: хлопка — 3026500 пудов, шерсти — 370700 пудов, кожи, шкур, мерлушки — 125100 пудов, хлеба — 754100 пудов и кишмиша — 37400 пудов. В это же время из Киргизии на общероссийский рынок было вывезено немалое количество скота, продуктов скотоводства и земледелия. Только из двух уездов — Пишпекского и Пржевальского—в 1897 г. было продано в другие области Туркестана 111707 голов скота. Велась торговля через границы Семиречья и Ферганы с Китаем. В том же 1897 г. в Китай было вывезено через Семиречье товаров из России на сумму 2375516 руб., а привезено на 3445831 руб. При этом непосредственно через Пржевальскую таможню было вывезено в Китай на 418858 руб., а ввезено на 1422674 руб. Велась торговля с Китаем и через южные районы Киргизии, через таможенный пункт Иркештам. Российский капитализм втягивал, таким образом, Киргизию и в мировое товарное обращение.

Развитие капитализма, рост товарооборота вызвал к жизни различного рода сельскохозяйственные и промышленные общества, кредитные учреждения. В этом отношении характерно возникшее в 1899 г. Туркестанское сельскохозяйственное и промышленное товарищество, в которое входили и некоторые предприниматели из Киргизии. С появлением банков, сберегательных касс и других кредитных учреждений в Туркестанском крае стали возникать они и в городах Киргизии — Пишпеке, Оше, Пржевальске и Токмаке. В Пишпеке в 1899 г. был открыт городской банк.

Безусловно, что строительство трактов и железнодорожных магистралей было не настолько велико, чтобы коренным образом улучшить положение с транспортом. Туркестанский край продолжал оставаться трудно доступным районом. Рост городов был также не столь значителен, чтобы говорить о создании крупных городов, если не считать старых городских центров, как Ташкент, Бухара, Самарканд, Ош. Однако те изменения, которые происходили, с достаточной ясностью свидетельствовали о развитии капитализма в Туркестане в рассматриваемый период, о росте здесь товарооборота, о складывании внутреннего рынка.

Проникновение капитализма в киргизское хозяйство.

Колонизация и развитие товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве, развитие промышленности и рост товарооборота существенным образом влияли на хозяйственную жизнь киргизского населения. В кочевое скотоводство стали проникать денежные отношения, начали скла-

дываться новые для Киргизии типы хозяйства: мелкотоварное и частно-капиталистическое.

Проникновение капитализма в киргизское хозяйство происходило в самых разнообразных формах и различными путями. Прежде всего киргизскому населению пришлось столкнуться с торговым и ростовщическим капиталом. Узбекские, татарские и русские купцы обычно осенью и зимой ездили по аилам, предлагая в долг либо товары, либо деньги под большие проценты, а весною собирали с должников скот, пушнину и т. п., подводами увозя продукты обмена и угоняя целые стада. Большую роль в развитии торговли играли денежные налоги и многочисленные поборы с киргизского населения. Роль денежных налогов как одного из стимулов в установлении связей сельского населения с рынком отмечал В. И. Ленин. Это подтверждается также рядом официальных документов того времени.

Однако новыми факторами, которые подтачивали натуральное киргизское хозяйство, было втягивание экономики Киргизии в тесные связи с капиталистическим хозяйством царской России, а также влияние русской культуры на быт киргизского населения, в результате чего у него стали возникать потребности на предметы промышленного производства. Строительство почтовых трактов и, особенно, железных дорог, специализация отдельных районов Туркестана на производство хлопка вызвали большой спрос на продукты животноводства, которые поступали на рынок преимущественно из киргизского хозяйства. Усиленный спрос на продукты животноводства вызвал к жизни торговое скотоводство. Это оказало влияние на изменение состава стада. Большое внимание стало уделяться разведению крупного рогатого скота и лошадей.

Большое значение в вопросе проникновения денежных отношений в киргизское хозяйство имели ярмарки, многие из которых собирались в местах кочевий, другие же приурочивались ко времени выборов киргизской волостной администрации.

Торговля скотом привела к прокладке специальных скотопрогонных путей. Например, скотопрогонная дорога была проложена из Пишпекского уезда через Карабалты в Аулиеата, а оттуда одна дорога шла через Кабулсай на Арысь и далее к Ташкенту, а другая — в Фергану через Акчи-базар (с. Дмитриевское) и через перевалы Чепач и Кумбель в Наманганский уезд. Из Пржевальского уезда через перевал Каракол шла дорога в Андижанский уезд.

Изменения в киргизском хозяйстве проявлялись также в повышении в нем роли земледелия. Хотя земледелием и, в частности, хлебопашеством киргизы занимались еще до принятия ими подданства России, но тогда размеры посевов были сравнительно невелики. К концу XIX в. картина резко изменилась. Это

можно видеть на примере двух уездов Северной Киргизии: Токмакского и Пржевальского, сравнивая данные 1869 и 1892 гг.

Токмакский уезд:		Иссык-Кульский уезд:	
Посеяно в четвертях	Снято в четвертях	Посеяно в четвертях	Снято в четвертях
1869 г. 210	1080	9950	44500
1892 г. 4346	38819	40190	395779

Быстрый рост хлебопашества в Киргизии был вызван колонизацией и развитием капитализма, оказавши влияние и на киргизское хозяйство. Большую роль в повышении роли земледелия играл процесс дальнейшего классового расслоения киргизского общества.

До присоединения к России многие бедняки, не имевшие скота, вынуждены были кочевать со своим родом и работать на манапа. Присоединение Киргизии к России положило конец межплеменным феодальным войнам и дало возможность беднейшей группе дехканства перейти к оседлости, к земледелию. Процесс перехода к оседлости шел на протяжении долгих лет и с каждым годом все ширился. Большое влияние на переход киргизской бедноты к оседлой жизни играл пример русских крестьян. На истории образования в Пишпекском уезде в 1899 г. первого киргизского селения Таш-Тюбе ярко прослеживается стремление киргизских дехкан к оседлости.

Как потребности рынка оказывали влияние на изменение состава стада в сторону увеличения в нем удельного веса лошадей и крупного рогатого скота, так и в земледелии киргизов проявлялось стремление приспособиться к рынку. Проявилось это не только в росте посевов хлебных злаков, а главным образом в посевах таких культур, которые в самом киргизском хозяйстве не использовались, как хлопок в районах южной Киргизии. Например, в 90-х гг. XIX в. в киргизских волостях Андижанского уезда хлопок сеялся в размерах, иногда превышавших посевы хлебов. Так, в 1897 г. в Балыкчинской волости из трех основных культур — пшеницы, риса и хлопка — было засеяно пшеницей 1019 десятин, рисом 1574 десятины, а хлопком 6624 десятины. В 1899 г. в Джалал-Абадской волости посевы пшеницы составили всего 583 десятины, а хлопка — 3273 десятины.

Конечно, вышеуказанные факты не были характерны в целом для киргизского хозяйства, которое так и не прошло стадии капитализма, но то, что оно шло по линии превращения из натурального в товарное, то, что в нем создавались очаги капиталистически-предпринимательского байского хозяйства, это несомненно.

Новое, проникавшее в киргизское хозяйство, сказалось и на формах пользования культурными угодьями. Наряду с об-

щинным пользованием землей, стало развиваться подворное пользование. Среди зажиточных хозяйств появились зачатки частной собственности на землю. В целях закрепления за собою определенных земельных пахотных и других культурных участков, киргизское население стало возводить на них постройки.

Таким образом, к концу XIX в. в киргизском хозяйстве ясно наметились изменения в смысле перехода от натурального к мелко-товарному и товарно-капиталистическому хозяйству. Это сопровождалось повышением роли земледелия и сокращением роли кочевого скотоводства. Изменились и формы кочевания. От кочевания целым родом не осталось и следа. Кочевали уже мелкими группами и не одновременно — в зависимости от срока окончания посева.

Втягивание в товарно-денежные отношения киргизского хозяйства вносило изменения и в ремесло, которое стало утрачивать свой исключительно натуральный характер. Много ремесленных изделий стало производиться специально для рынка. Даже в таком промысле, как охота, сказалось влияние рынка. В 1892 г. в Токмакском и Иссык-Кульском уездах киргизами-охотниками было продано 6027 различных шкур пушных зверей.

Общественные отношения в Киргизии в конце XIX в.

Новые условия экономической жизни в Киргизии во второй половине XIX в. привели к существенным преобразованиям и в общественном строе. Изменились место и роль в политической жизни киргизских феодалов—манапов, начали складываться классы и группы, вызванные к жизни развитием капитализма. В недрах господствующего в Киргизии патриархально-феодального строя стали зарождаться новые, буржуазные отношения. Классовая дифференциация становилась не только все более четкой, но принимала иное содержание, характерное для разлагающегося феодального хозяйства и зарождения товарно-капиталистических отношений.

Манапы, являвшиеся в прошлом главными носителями политической власти в киргизском обществе, стали оттесняться русским дворянством и буржуазией и отходить как политическая сила на второй план. Власть над народом они могли теперь получить только из рук царизма. Административная реформа 1868 г., разделившая киргизские роды на волости и аилы (зачастую без соблюдения родового принципа), сильно подорвала власть манапов и биев над родами. Царизм считал политически опасным оставлять манапов властителями целого рода. В то же время царизм использовал манапов как силу, с помощью которой можно было бы держать киргизский народ в своем подчинении. Достигалось это путем предоставления манапам различных льгот, наград и привлечения на службу в низовые звенья аппарата управления в качестве волостных управителей, аиль-

ных старшин, биев-судей, переводчиков и т. д. Этим самым сохранялись власть и гнет манапов над киргизским народом.

Изменения в положении манапов и биев заключались не только в том, что из властителя-феодала они превращались в чиновничий элемент в царском аппарате управления, но и в том, что отдельные представители их начали обуржуазиваться, приспосабливать свое хозяйство к рыночным, капиталистическим отношениям, что привело к образованию новой эксплоататорской группы — баев. Баи конца XIX в. и в дальнейшем представляли собой новый нарождавшийся класс киргизской буржуазии. Преимущественно это были скотопромышленники, реже купцы и промышленники.

Формировалось байство не только из манапской и бийской среды, но и из букары. Соответственно этому баи, вышедшие из феодальной среды, назывались курдолуу бай, знатный, наследственный бай; вышедшие из простонародья получали иногда со стороны киргизской аристократии презрительную кличку сасык-бай (вонючий бай). Это напоминает презрительные названия, вроде чумазые лорды, серые бароны, даваемые представителями потомственного дворянства тем, кто пробрался в их среду из другого сословия.

Как новая общественная сила баи стали оттеснять на задний план манапов. Богатство открывало перед баями возможность занимать должности в аппарате управления, и это все более усиливало их политическую значимость. Главную роль стало играть богатство, имущественное положение, а не знатность происхождения.

Ко второй половине XIX в. относится также появление многочисленной группы аткаминеров. Название, буквально означающее — ездящий на лошади, указывает на имущественное положение аткаминера, в отличие от бедняка-безлошадника. Наиболее же употребительный смысл слова аткаминер означало мироед. Аткаминеры представляли довольно многочисленный слой богатых скотоводов, хотя не настолько крупных, как баи. Обогащение аткаминеров в значительной степени связывалось с махинациями, какие они устраивали во время выборов волостной администрации или будучи должностными лицами. Перед выборами они чаще всего выступали за определенное вознаграждение агитаторами за то или иное лицо. После выборов помогали новой администрации производить поборы с народа для возмещения «расходов», связанных с «выборами». Ей же помогали они в сборе податей. Аткаминеры и сами стремились во время выборов занять какую-либо должность, которую они всегда использовали для своего обогащения.

К концу XIX в. киргизское дехканство эксплоатировалось и угнеталось не только царскими властями, кулаками и старым

господствовавшим классом—манапами, биями и духовенством, но также и баями, и многочисленной группой аткаминеров.

Изменения происходили и в самом классе киргизского дехканства. Под влиянием развивавшихся денежных отношений, усиления эксплуатации дехкан манапами и баями и в этом классе углублялся процесс социальной дифференциации. Значительная часть дехканства разорялась, пополняя тем самым ряды бедноты—джатаков и кидеев, составлявших основной резерв батраков. В то же время отдельные представители дехкан выдвигались в состоятельную группу байства. Следовательно, то, что происходило под воздействием капитализма в русском крестьянстве, особенно после реформы 1861 г., имело место и среди киргизского дехканства.

Но воздействие капитализма на киргизское хозяйство и киргизское дехканство проявлялось гораздо слабее. Отдаленность от промышленных центров, колониальное положение края сдерживали темпы развития капитализма в Киргизии, особенно в области промышленности, поэтому разоряемое киргизское дехканство являлось главным источником в формировании многочисленного класса сельскохозяйственного пролетариата — батрачества и, в значительно меньшей степени, промышленного пролетариата. Труд батраков широко использовался в хозяйстве колонизаторов, баев и манапов и оплачивался чрезвычайно низко.

§ 19. НАЧАЛО СБЛИЖЕНИЯ КИРГИЗСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Сближение киргизского и русского народов на хозяйственной основе.

Развитие товарно-денежного хозяйства в киргизском аиле и зарождение новых буржуазных отношений послужило материальной основой для сближения русского и киргизского народов. Это сближение проявлялось уже к концу XIX в. и значительно усилилось в начале XX в. Классовое расслоение киргизского аила на основе зарождавшегося капиталистического хозяйства ставило в основном в однородные условия киргизские трудящиеся массы и русское середняцкое и бедняцкое крестьянство. Те и другие испытывали гнет царизма, который у киргизских трудящихся масс отнимал землю, ставил их в бесправное положение. Но тот же царизм отнимал и у русских крестьян землю в центре и вынуждал их переселяться на далекие окраины страны. Большое количество переселенцев, в основном новоселов, на этих окраинах ставилось в положение бесправных батраков в кулацких и казачьих хозяйствах. Пролетаризировался не только киргизский дехканин, но и русский крестьянин. Образование сельскохозяйственного, а, по мере развития промышленности, и промышленного пролетариата явилось наиболее действенной предпосылкой для сближения трудящихся киргизов и русских. Работа по найму ослабляла национальную обособленность. В крупных хозяйствах кулаков-эксплуататоров или в

бай-манапских хозяйствах, на угольных рудниках, на зарождавшихся промышленных капиталистических предприятиях в области обработки животноводческого и земледельческого сырья русские и киргизские рабочие были одинаково угнетены и бесправны.

Отмечая положительную роль капитализма в хозяйственном сближении народов, товарищ Сталин писал: «Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготовляет материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства»[1].

В результате русской колонизации в хозяйстве киргизского дехканства повысилась роль земледелия, получили распространение сенокошение, новые сельскохозяйственные культуры, как овес, картофель; от дунган было заимствовано рисосеяние. Влияние русских крестьян сказалось и в технике обработки земли. Если до прихода русских единственным способом обработки земли был примитивный омач, вспахивавший землю без отвала, а вместо бороны употребляли сучья деревьев, с присоединением к России в киргизское хозяйство стали проникать плуг и борона, а позднее и более сложные сельскохозяйственные орудия.

Способствуя проникновению своего хозяйственного опыта и культуры в киргизскую среду, русские переселенцы, в свою очередь, немало заимствовали и у киргизского народа. Хозяйство киргизов было довольно гибким в смысле приспосабливаемости к местным природным условиям, и русские крестьяне перенимали у киргизского населения опыт ведения поливного земледелия, умение использовать арычную систему, обрабатывать богарные земли и сеять многолетнюю туркестанскую люцерну. Широко стали применять они и отгонное скотоводство.

Таким образом, после присоединения к России, под экономическим влиянием последней, начались существенные изменения в хозяйственной и общественной жизни киргизского народа. Началось хозяйственное и социальное сближение его с русским народом.

Но в условиях господства, с одной стороны, помещиков и буржуазии, а с другой — патриархально-родового быта среди киргизов, с его замкнутостью, подчеркиванием мнимого единства между членами рода, сближение двух народов не могло получить широкого развития. Этому мешали как политика разжигания на-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 181.

циональной вражды, проводимая царизмом, так и бытовавшие патриархально-родовые традиции.

Изменения в быту киргизского народа.

Влияние русской культуры, новых форм хозяйства проникало и в быт. В той или иной мере оно отразилось в жизни всех классов киргизского общества. Это влияние сказывалось тем сильнее, чем ближе к местам киргизских зимовок и посевов находились русские поселки.

Наряду с аилом—поселением кочевого и полукочевого типа—в конце XIX в., в связи с оседлостью у киргизов, появляется постоянное селение—кыштак (кишлак). На севере не успел выработаться определенный тип такого селения. Иногда оно состояло из одной широкой улицы (реже — нескольких), обсаженной тополями, и по общему своему облику походило на соседние русские селения. В других случаях постройки располагались без определенного плана. В появлении древонасаждений у киргизов сказалось их соседство не только с русским, но и узбекским населением. Постоянные селения у южных киргизов по своему типу вообще мало отличались от соседних узбекских кишлаков.

Крупные баи и манапы устраивали для себя усадьбы, огораживавшиеся глинобитными стенами, в которых сооружали большие и прочные дома, часто русского типа, в несколько комнат, с деревянными полами, под железной крышей.

Необходимо отметить, что в некоторых районах русские крестьяне при постройке жилищ руководствовались теми образцами местных построек зимнего типа, которые они встречали у окружавшего их киргизского населения.

Усилившийся приток различных товаров из России постепенно вносил новшества и в домашнюю утварь; железные и чугунные изделия, фабричная посуда все больше проникают в киргизский быт. В байских и манапских домах начинают появляться отдельные предметы обстановки русского типа.

В киргизской одежде новые экономические условия отразились преимущественно в форме частичного вытеснения местных тканей (как покупных на среднеазиатских рынках, так и, в особенности, домашнего изготовления) новыми фабричными тканями русского производства. Завоз этих тканей, а также выделанной кожи (юфти) усиливался все более и более; однако, покрой киргизской одежды почти не подвергался изменениям.

Колесный транспорт, в виде телег и бричек, появился у северных киргизов под прямым влиянием русского населения. При этом киргизы заимствовали у русских крестьян не только самые типы повозок, но и названия почти всех принадлежностей упряжи.

Помощь русской науки в изучении Киргизии.

Большой вклад в последующее развитие экономики и культуры киргизского народа внесли крупнейшие русские ученые и путешественники. Исследуя природные богатства Киргизии, историческое прошлое, быт и культуру киргизского населения, представители передовой русской науки способствовали экономическому прогрессу страны, закладывали фундамент для строительства национальной киргизской культуры.

Природа и население Северной Киргизии были открыты для науки известным русским географом П. П. Семеновым-Тян-Шанским. В том же направлении вели свою работу крупные естествоиспытатели Н. А. Северцев и И. В. Мушкетов, на юге Киргизии — неутомимый путешественник А. П. Федченко. Знаменитый русский путешественник Н. М. Пржевальский начинал свои путешествия, доставившие ему мировую славу, с киргизской территории. Город Каракол, где оборвалась жизнь этого отважного исследователя, стал носить имя Н. М. Пржевальского.

Язык и культура киргизского народа были впервые исследованы русским академиком В. В. Радловым. Основы киргизской историографии были заложены русским академиком В. В. Бартольдом. Большая плеяда деятелей русской культуры — Н. Аристов, Ф. Поярков, Н. Зеланд и другие — с симпатией относились к киргизскому населению, стремясь помочь его культурному подъему.

Природа Киргизии, быт киргизского народа были впервые запечатлены в акварелях и рисунках русского художника П. М. Кошарова, сопровождавшего П. П. Семенова-Тян-Шанского в его путешествии на озеро Иссык-Куль в 1857 году.

Просвещение и здравоохранение в Киргизии при царизме.

Культивируя темноту и невежество среди народных масс России, которые, по выражению Ленина, были ограблены царизмом в смысле образования, царизм тем более не был заинтересован в культурном росте окраин. Более того, он всячески задерживал этот рост, оставляя коренное население в темноте.

Только этой политикой объясняется тот факт, что за полустолетнее пребывание Киргизии в составе царской России киргизский народ оставался почти сплошь неграмотным, что он не имел школ на своем родном языке. Большинство школ, которые появились в Киргизии при царизме, были результатом, прежде всего, усилий самого трудящегося населения, которое само собирало средства для их организации. В этом сказывалось народное стремление к свету, к знаниям, к культуре. Те же школы, которые создавались на средства казны, имели назначение дать самые минимальные знания детям русских крестьян и горожан, а детей коренного населения по возможности русифицировать и подготовить из них мелких чиновников в царском аппарате управле-

ния: переводчиков, писарей, волостных управителей, старшин и т. п. Подчеркивая руссификаторские цели так называемых русско-туземных школ, где дети обучались на русском языке, первый генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман писал: «Совместное обучение детей разных национальностей одного и того же государства представляет такие существенные мотивы в деле ассимилирования завоеванного края, что отказываться от них было бы вредной ошибкой».

Колониальный характер политики царизма в области просвещения выражался не в том, что на территории Киргизии появились русские и русско-туземные школы, которые, безусловно, сыграли положительную роль в распространении в какой-то мере грамотности среди киргизского населения, а в том, что к делу народного образования царизм проявлял пренебрежение, что школы в то время влачили жалкое существование.

Первые школы в Киргизии появились в 1879 г. в городе Пишпеке. Это были русские мужская и женская одноклассные школы. В последующие годы по мере увеличения здесь русского населения возникали новые школы. С 90-х годов стали появляться и первые смешанные русско-туземные школы и мектебы. В последних обучались главным образом узбекские, татарские и дунганские дети. Киргизское население своих школ с обучением на родном языке не имело вовсе. К 1914 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам имелось 64 русских (4821 учащийся) и 13 русско-туземных (580 учащихся) школ. Из специальных средних учебных заведений имелась лишь одна сельскохозяйственная школа в Пишпеке. К 325—300-тысячному населению этих уездов учащиеся составляли 1,6%. Преобладающее большинство школ были одногодичные, без необходимого оборудования и учебных пособий, при остром недостатке учителей, условия работы которых были исключительно тяжелыми.

В еще худших условиях находились мектебы. В одном из отчетов инспектора народных училищ Семиреченской области за 1906 г. говорилось о Пржевальском мектебе: «Отделений и классов нет. Дети занимаются сидя на полу. Учитель определенного жалования не получает. Ученики каждую неделю приносят учителю 2—3 копейки».

Всякие попытки местных передовых людей улучшить постановку народного образования встречали сопротивление со стороны царских властей.

Но как бы мизерны ни были зачатки начального образования в Киргизии, все же они в какой-то мере способствовали проникновению элементов русской культуры в среду киргизского населения. Овладение русской грамотой открывало возможность знакомства с русской литературой, элементами светской культуры в противоположность внедряемой муллами панисламистской идеологии. В том же направлении действовало и общение с передовы-

ми представителями русской науки, посещавшими Киргизию.

Интересны в этом отношении сообщения известного географа и ботаника В. И. Липского, исследовавшего в 1900 г. горные области Тянь-Шаня. Проводниками и помощниками по сбору растений у него были киргизы. Вспоминая об этом, Липский писал: «Со своими спутниками, по крайней мере с Садыком, я не прекращал сношений и впоследствии. Привыкши к собиранию растений и вообще коллекций в мое путешествие, он и потом собрал ботаническую коллекцию и прислал ее мне».

Прогрессивные представители русского народа имелись в Киргизии и среди учителей и медицинских работников. Первые способствовали проникновению грамотности в среду киргизского, дунганского и других народов, вторые оказывали медицинскую помощь. Сообщая о своем возчике, каракунузском дунганине Муса-Ахуне, который вез его в Токмак, Липский писал, что тот немного знал русский язык, которому обучался у русского учителя Ладыгина. «Последнему и приписывал свои познания мой дунганин», — писал Липский.

Следовательно, хотя и незначительно было влияние русской культуры через систему школьного образования на массы киргизского населения, его нельзя недооценивать. Но, вопреки руссификаторской политике царизма, через школы, через общение с местной демократически настроенной интеллигенцией и передовыми представителями русской науки—в среду киргизского народа проникали элементы нового, новых культурных явлений, которым принадлежало большое будущее.

В более удручающем состоянии, чем система народного образования, находилось здравоохранение в Киргизии при царизме. Трудящиеся массы, особенно коренное киргизское население, были почти лишены медицинской помощи. Больниц со стационарным лечением на территории Киргизии не было. Врачебные пункты, которые стали появляться с 80-х годов, были амбулаторного типа. Единицами насчитывались врачи и фельдшеры. Почти не было медикаментов. Когда сенатор Пален, ревизовавший край, познакомился в 1908 г. с приемным покоем города Пржевальска, то нашел там довольно убогую обстановку, состоявшую из кушетки, одного крашеного стола, а из медикаментов имелись лишь растворы борной и карболовой кислоты и сулемы. Обслуживали этот приемный покой два фельдшера. В 1908 — 1909 гг. по двум уездам — Пишпекскому и Пржевальскому — имелось всего 4 врача.

В 1916 г. количество медицинских работников в названных уездах увеличилось; к этому времени в них было 10 врачей, 9 фельдшеров, 4 акушерки и 5 фармацевтов. Но обеспечить даже минимальные потребности в медицинской помощи населения двух городов и сельских местностей они, конечно, никак не могли.

Местные власти не организовывали врачебных пунктов в киргизских аилах, и население последних почти не пользовалось врачебной помощью, оставаясь в руках киргизских знахарей, которые наносили огромный вред здоровью трудящихся. К вопросу самого здравоохранения киргизского народа царизм подходил колонизаторски. И все же новые знания, новые представления о медицине через отдельных медицинских работников доходили до киргизов. Светлую память в киргизском народе оставили отец и брат прославленного полководца М. В. Фрунзе, из которых первый работал *фельдшером, а второй — врачом в Пишпеке.*

Первые печатные издания.

В течение колониального периода появились и первые печатные издания на киргизском языке (с сильным татарским влиянием); изданные книги были, впрочем, очень мало известны самим киргизам и были реакционного содержания. Изредка можно было встретить газеты на татарском или казахском языках.

Однако именно через казахские и татарские газеты, журналы и книги прогрессивного направления передовые слои киргизского общества знакомились, хотя и отрывочно, с демократическими, освободительными идеями, владевшими лучшими умами русского общества. До трудящихся Киргизии доходили произведения великих просветителей казахского народа — Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева. В их переводе киргизам стали известны лучшие образцы классической русской художественной литературы, с их помощью в киргизское общество проникали прогрессивные взгляды русской революционной демократии. Киргизский язык начал обогащаться новыми понятиями и словами, проникавшими из русского языка. В общении с русской культурой, в непосредственном контакте с местной русской интеллигенцией и трудовым крестьянством закладывались основы будущей дружбы великого русского и киргизского народов.

§ 20. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПЕРВЫЕ АКЫНЫ-ПИСЬМЕННИКИ

Большую роль в культурной жизни киргизского населения попрежнему играло устное народное творчество. Новые условия жизни, новые культурные явления, изменения социального строя киргизского общества внесли крупные изменения и в характер устного народного творчества. В своих песнях народ, как и прежде, изливал свои горести, свои чаяния и надежды. Продолжал жить и развиваться эпос. Но во всех видах устного народного творчества все более ярко начинали выступать интересы различных классов. Усилились враждебные народу напластования в эпосе «Манас». Многие из дошедших до нас вариантов эпоса подверглись значительному влиянию мусульманской идеологии; это привело к снижению художественной ценности отдельных эпизодов. Автор одного из вариантов, сказитель Сагын-

бай Орозбаков (1867—1930), находившийся под воздействием буржуазных националистов, отразил в своей редакции эпоса панисламистские и пантюркистские идеи, чуждые народному духу эпоса; в результате в эпосе появились националистическая трактовка поступков героев, новые надуманные эпизоды и т. д.

В песенном творчестве зародилось реакционное направление, пытавшееся осмыслить происходившие в жизни перемены с реакционных позиций идеализации патриархально-родового быта или с позиций феодальной религии — ислама. Группа таких акынов составила особое направление в развитии устного творчества — зар-заман. Представителями этого направления в первой половине XIX в. были акыны Калыгул и Арстанбек. Их поэтические произведения, создававшиеся в период владычества и гнета кокандских ханов, а затем и в колониальный период, были посвящены изображению «трудных», «тяжелых» времен, наступивших для киргизского народа. В своих произведениях эти акыны характеризуют переживаемое ими время как зар-заман, т. е. эпоху плача, страдания и скорби. Произведения этих поэтов носят реакционный характер, объективно отражая идеологию отживающего патриархально-феодального строя.

Явственно ощущавшиеся признаки разложения патриархальных отношений, вызванного усилением эксплоатации и углублением классовых противоречий, а в дальнейшем и возникновением капиталистических отношений, порождали тревогу и страх у господствовавшей феодальной верхушки. Мотивы уныния и тоски пронизывают произведения поэтов этого направления, видевших неотвратимость начинающихся изменений социально-экономического уклада. Страшась наступающих событий и рассматривая их как приближение «конца мира», эти акыны усматривали в новых явлениях только отрицательные стороны. Проникнутые мусульманским мировоззрением, они жаловались на разрушение семейных устоев, упадок нравов, падение благочестия и т. д. Отсюда— идеализация патриархально-феодального строя, призывы к его сохранению.

К тому же направлению принадлежал поэт колониального периода Кылыч Шамырканов (1875—1917), по прозвищу Молдо Кылыч.

Его произведения проникнуты религиозными, мистическими мотивами, а в одном из последних («зар-заман») он проповедует реакционную идею возврата к феодально-родовому строю.

Однако наряду с поэтическими произведениями реакционного направления, насквозь пессимистическими, некоторые акыны создают песни, содержащие демократические тенденции, обличающие манапов и баев как виновников бедствий и страданий народа. В противоположность акынам Калыгулу, Арстанбеку и Молдо

Кылычу, не понявшим прогрессивной роли русской культуры, певцам скорби и безысходности, в колониальный период из среды киргизского народа выдвинулся прогрессивный талантливый акын Токтогул Сатылганов (1864—1933). Он родился и вырос в горной долине Кетмень-Тюбе (современный Токтогульский район, Джалал-Абадской области) в семье бедняка, вынужденного работать на баев. Большое влияние на формирование творческих способностей будущего поэта оказала его мать, известная народная поэтесса, сочинявшая трогательные причитания на свадьбах и похоронах.

Безрадостным было детство Токтогула, испытавшего нужду и подневольный труд. Вскоре песни, созданные юным Токтогулом, быстро распространяются и становятся широко известными. В своих произведениях Токтогул отразил протест народа против режима колониального угнетения, против произвола баев и манапов. Поэмы и песни Токтогула призывали народ к борьбе против угнетателей.

Вдохновенные песни Токтогула завоевали ему популярность и любовь среди широких масс киргизского населения. Они отличались изумительной простотой и ясностью мысли, глубокой лиричностью.

Многие его поэмы возникли под непосредственным влиянием знакомства с русской культурой. В отличие от своих предшественников, Токтогул не смешивал русский трудовой народ с царскими колонизаторами. Он выступает в своих произведениях как смелый и гневный обличитель колониального порабощения, гнета баев и манапов. В песне «Пять кабанов» Токтогул с исключительной силой изобразил пятерых киргизских всесильных манапов, бесчеловечно и жестоко обиравших народ.

Пять манапов — волчий род,
Притесняли вы народ,
Заставляли бедняков
Слезы лить за вас, волков.
Вы последнего коня
Отобрали у меня.

Отвечая манапам, пытавшимся подкупить его, Токтогул бесстрашно бросает им вызов:

Когти острые свои
Пачкайте в моей крови,
Но не стану вам служить,
Хоть и знает Токтогул,
Что не будет дважды жить.

Образ бедняка-кедея, страдающего, но готового к борьбе, протестующего против насилия, занял центральное место во всем творчестве Токтогула. Гражданские мотивы в поэзии Токтогула с течением времени усиливаются. Это делало его имя ненавистным для байско-манапской верхушки. Воспользовавшись удобным случаем, манапы решили избавиться от Токтогула.

Во время восстания 1898 г., по их доносу, Токтогул был арестован царскими властями и приговорен к смертной казни через повешение, замененной затем 7-ю годами каторги.

Он был сослан в Сибирь. После неудачных попыток побега Токтогул получил дополнительно 12 лет каторжных работ.

Тяжелая жизнь в ссылке не сломила духа вольнолюбивого поэта. И там, оторванный от родной земли, он продолжал творить. Тоской по родине, горечью звучат его слова:

Я парил, как в горах орел,
Я легко взлетал в вышину,
Но за громкую песнь мою
Я закован теперь, я в плену,
Нет, не комуз поет, звеня
О горах родных и степях, —
Это ржавой тоской поют
Кандалы на моих руках.

Надежда на избавление от неволи, на встречу с родным народом не покидала Токтогула.

Но верю — снесу беду.
Народ мой, я вновь приду
К тебе сквозь обман и смерть.

Разлука с народом, который Токтогул безгранично любил и который отвечал ему взаимностью, глубоко терзала сердце поэта.

Хоть песни пою без конца,
Но горечь свою до конца
Никак в них излить не могу,
Народ благородный мой!
. . . . . .
Замучен твой соловей,
Но всех ему ран тяжелей
Глухая разлука с тобой.

Токтогул был неграмотен, но он сам видел страдание народа в царской России, и не из книг, а в общении с политическими заключенными разных национальностей, в беседах с ссыльными русскими революционерами познавал он правду жизни, обогащал свою память новыми сведениями, проникался идеями интернационализма. Он пел:

Вижу рядом: казах,
Русский, киргиз, узбек.
Вижу: стоят вокруг,
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг,
Узники, как и я.

Под влиянием русских революционеров окончательно сформировались и окрепли передовые демократические взгляды Токтогула, его творчество приобрело острую и зрелую политическую направленность, окрасилось чертами революционности.

С помощью друзей — русских поселенцев Токтогулу удалось вырваться на свободу. Два года пришлось ему скитаться по незнакомым местам, пока в 1910 г. он добрался до родного

анла. Первую свою песню по прибытии на родину он посвятил народу:

Народ мой! Приветствую сердцем тебя,
Попрежнему верно и крепко любя.
... Как слабая птица от коршунов злых,
Летел я на сломанных крыльях своих.

В кустах и теснинах обрывистых скал
Я, прячась в тревоге, спасенья искал.
Но встретясь с народом в предгорьях родных,
Я верю, что час избавленья настал.

До 1916 г. Токтогулу пришлось жить нелегально, скрываясь от мести манапов и баев и расправы царских тюремщиков.

Снова посаженный в 1916 г. в тюрьму, по проискам манапов, Токтогул был взят на поруки и дожил до светлых дней освобождения своего народа от ига эксплуататоров.

Наряду с политическими стихами, Токтогул создал много произведений на лирические и бытовые темы, много задушевных песен, приобревших в народе большую популярность. Все они, несмотря на окружавшую Токтогула страшную действительность, проникнуты оптимизмом, глубокой уверенностью в торжестве справедливости.

Токтогул успешно развивал жанр назидательных стихов, в которых он воспевал труд, призывал молодежь служить народу, преодолевать стоящие на пути препятствия. Широкой известностью пользуется его стихотворение «Пока имеешь силу, привыкай к труду»; он заканчивает свое назидание словами:

Безделье жалкое забудь,
Трудом начни по жизни путь, —
Лишь в созидательном труде
Для человека — жизни суть.

Токтогул является родоначальником новой, высокоидейной, демократической киргизской литературы. Он воспитал целую школу акынов, творчество которых стало в дальнейшем неотъемлемой частью киргизской советской литературы.

Токтогул был не только крупным поэтом, но и талантливым музыкантом, композитором. Мелодии его песен, как и их слова, запоминались и распевались на всех народных празднествах. Музыкальные произведения Токтогула вошли в сокровищницу киргизского народного искусства как один из самых крупных вкладов.

Акыном-«письменником» был талантливый киргизский поэт Байымбет Абдрахманов (1860—1942), по прозвищу Тоголок Молдо. Родина поэта — местность Куртка в долине реки Нарын (ныне Акталинский район Тянь-Шаньской области). Тоголок Молдо, выходец из трудовой семьи, воспитывался у своего деда Музооке, известного акына и музыканта. От деда он и воспринял любовь к поэзии, демократические взгляды.

Хорошо зная жизнь киргизской бедноты, ее бедствия и страдания, Тоголок Молдо в ряде своих произведений выступает против грабежа и произвола, чинимых баями и манапами, волостными управителями и царскими чиновниками. Его оружием является острая сатира. В сатирической поэме, носящей название «О наземных и водяных птицах» и построенной на принципе басни, Тоголок Молдо под видом пернатых выводит, с одной стороны, бедняков, с другой — их угнетателей, изображаемых хищными коршунами, ястребами.

В произведениях акына на более позднем этапе его творчества отразились демократические идеи, крепнувшие в киргизском обществе под влиянием передовой революционной русской общественной мысли. Но его демократизм не всегда последователен, и его творчество не свободно от известных недостатков.

Для поэзии Тоголок Молдо характерны мотивы просветительства. Он обращается в своих поэмах к родному народу с призывом учиться у русских культурному ведению хозяйства, овладевать знаниями, ремеслами, бороться с отсталостью, невежеством, суевериями. В одной из своих поэм—«Дети земли и вселенной» в художественной форме он рационально объясняет различные явления и законы природы, опровергая вместе с тем религиозные толкования этих явлений.

Целый цикл нравоучительных поэм Тоголок Молдо посвящает обличению лени, самодовольства, и других человеческих недостатков, противопоставляя им трудолюбие, справедливость, уважение к человеку.

Тоголок Молдо известен не только как один из крупных представителей демократического направления в киргизской поэзии, но и как автор одного из лучших вариантов героической поэмы «Семетей».

Основная и наиболее ценная часть поэтических и музыкальных богатств произведений прикладного искусства создавалась трудовым народом и вышедшими из него талантливыми мастерами, предназначалась для народа и обслуживала его художественные вкусы. Демократические элементы киргизской культуры второй половины XIX и начала XX вв. особенно усилились в результате сближения ее с передовой русской культурой.

ГЛАВА VIII

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

§ 21. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Киргизия накануне революции.

Вступление капитализма в империалистическую стадию имело непосредственное влияние на дальнейшее развитие колониальной политики.

Политика царизма по отношению к Туркестану, в том числе к Киргизии, стала особенно беспощадной в эпоху империализма.

Отмечая особенности колониальной политики в эпоху империализма, В. И. Ленин писал:

«Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с «новейшей ступенью в развитии капитализма», с финансовым капиталом»[1].

Помимо экономических причин, связанных с развитием монополистического капитала, интерес к колониям в этот период определялся также и социально-политическими мотивами: обострение классовой борьбы в эпоху империализма вызвало стремление со стороны эксплуататорских классов притупить остроту антагонистических отношений путем выбрасывания революционного элемента из центра в колонии.

Эти мотивы были присущи не только для царизма, который В. И. Ленин определял как военно-феодальный империализм, но и для других империалистических стран. В силу особенностей экономического и политического развития России эти мотивы принимали здесь особую форму. Для царизма в этот период приобрела

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 242.

особую важность задача выбросить из центра на колониальные окраины как можно больше крестьянской бедноты в целях предотвращения аграрной революции и сохранения помещичьего землевладения.

Туркестан и его составная часть — Киргизия, являясь важнейшей колонией царизма, особое значение приобрел, когда российский капитализм вступил в империалистическую стадию. Из центра России сюда бурно устремились капиталы. Особенно активную деятельность развили здесь крупные текстильные, шерстяные и угольные фирмы и общества, банки, торговые предприятия. Стремился проникнуть, и не безуспешно, в Туркестан и иностранный капитал.

Первенствующую роль в хозяйстве Туркестана приобрел хлопок, который выращивался главным образом на территории нынешней Узбекской ССР и на юге Киргизии. Туркестан еще в XIX в. стал хлопковой базой российской текстильной промышленности. За период с 1887 — 1912 гг. площадь посевов хлопка увеличилась в Туркестане с 61 тыс. до 430 тыс. десятин, а урожай — со 100 тыс. до 14 млн. пудов.

Развивалась и промышленность. Добыча угля в 1885—1911 гг. выросла с 417 тыс. до 3,5 млн. пудов; добыча нефти к этому же времени достигла 2 млн. пудов вместо 30 тыс. пудов в 1902 г. Если в области хлопководства роль иностранного капитала возрастала благодаря, главным образом, усилению финансирования заготовок хлопка банками, которые теснейшим образом были связаны с заграничным финансовым капиталом, то в области промышленности роль заграницы вырастала путем помещения иностранного капитала в рудную и каменноугольную промышленность Туркестана.

Значительно стал возрастать в это время товарооборот, чему способствовало развитие городов и промышленных центров, а также дальнейшее строительство железнодорожных магистралей. В конце 90-х годов XIX в. были проведены ветки от Закаспийской железной дороги до Андижана и Джалал-Абада, а в 1905 году была пущена в эксплоатацию Ташкентско-Оренбургская железная дорога.

По сравнению с Узбекистаном Киргизия представляла более отсталый район. Хотя ко времени первой русской революции промышленность здесь и выросла, но она попрежнему оставалась мелкой и раздробленной, слабо оснащенной техникой.

Низкий уровень развития промышленности определял и уровень развития здесь пролетариата, который только начал формироваться. Малочисленный пролетариат Киргизии был разбросан по мелким, промыслового типа предприятиям, не представлял еще организованной силы, не имел ни опыта революционной борьбы, ни своих профессиональных и социал-демократических организаций.

Для успеха революционной борьбы пролетариата и трудящихся масс крестьянства России против самодержавия, помещиков и буржуазии огромное значение имела национально-освободительная борьба угнетенных народов окраин и, в частности, киргизского народа.

Колониальная политика царизма, тяжелый национальный гнет, эксплоатация и произвол манапов и баев поставили киргизский народ в неимоверно тяжелые условия. Все это вызывало революционное брожение в киргизском народе и толкало его на борьбу с царизмом, с баями и манапами.

Царизму не удалось сделать из переселенческого населения опору в своей реакционной политике.

Бурное развитие капиталистических отношений в переселенческом населении значительно углубило классовую дифференциацию. К моменту революции 1905 — 1907 гг. в Киргизии из переселенцев сложился мощный слой кулацких хозяйств, имевших в своем распоряжении от 150 до 250 десятин земли на хозяйство, сотни голов скота, усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь. Эти хозяйства широко использовали наемную рабочую силу. Другие же переселенцы находились в бедственном положении, разорялись, пополняя собою ряды батраков для кулацких хозяйств. К началу XX в. классовые противоречия в среде переселенческого населения неимоверно возросли в связи с новым потоком переселенцев, в основном крестьян-бедняков, из Центральной России. Новые переселенцы очень часто не могли обосноваться на новом месте и в значительной своей массе окончательно разорялись.

Произвол царских властей, тяжелое материальное положение бедняцкой части переселенцев, привилегированное положение кулачества создавали из переселенческого крестьянства революционно настроенную массу как против местного кулачества, так и против царизма. Кулачество было заинтересовано в «твердой власти» в борьбе с крестьянской беднотой и коренным населением. Являясь в основном опорой самодержавия, оно не прочь было совершить бонапартистский переворот, который обеспечил бы ему дальнейшее расширение земельных владений и укрепление политических привилегий.

Совершенно иначе была настроена крестьянская масса переселенческих сёл. Для крестьянства борьба с царизмом означала лишь первый этап борьбы за землю; второй этап революционного движения означал борьбу с основными представителями эксплоататорских классов в крае — кулачеством и верхами семиреченского казачества.

Жизненно важным земельный вопрос был и для трудовых масс киргизского дехканства, которое благодаря колонизаторской политике царизма к началу XX в. лишилось необходимых ему земель. Поэтому киргизское дехканство было настроено принять активное участие в национально-освободительном движении, в основе которого лежал аграрный вопрос.

Указывая на связь участия крестьянства в национально-освободительном движении с их борьбой за землю, И. В. Сталин писал:

«Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы «земли», как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения»[1].

Участие широких масс киргизского дехканства в революционных событиях определялось прежде всего интересами земли, а не «общенациональными» интересами и не стремлением к сохранению патриархально-феодального строя, как это пытались объяснить эксплоататорские верхи киргизского народа.

Киргизский народ не мог самостоятельно разрешить вопрос своего национального освобождения. «...простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»[2].

Киргизская эксплоататорская верхушка — манапы и зарождавшаяся национальная буржуазия — баи, будучи реакционной силой, теснейшим образом связанной с царизмом, не могла играть руководящей роли в национально-освободительном движении.

Революционные события в Киргизии.

Начавшаяся в центре в январе 1905 г. первая русская буржуазно-демократическая революция докатилась и до окраины Российской империи. 12 января 1905 г. в Ташкенте стало известно о событиях 9 января в Петербурге. В день получения известия о расправе царизма над мирной демонстрацией ташкентские социал-демократы во главе с большевиком Кирюшиным организовали митинг рабочих. Подобные митинги протеста состоялись в Кызыл Арвате, Самарканде и других городах Туркестана. На митингах произносились речи и принимались резолюции, призывавшие к борьбе с самодержавием, требовавшие созыва Учредительного собрания и т. д.

Митинги и демонстрации являлись лишь началом революционных событий в Туркестанском крае. Уже с конца января 1905 г. и до июня 1907 г. здесь не прекращались забастовки, иногда перераставшие в политические стачки, вооруженные столкновения рабочих, крестьян и дехкан с царскими войсками и полицией.

Большую роль в развертывании революционных событий сыграла большевистская печать, получившая распространение в Тур-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 181.

кестане в период революции 1905—1907 гг. Впервые в истории края в широкие слои трудящихся и солдатских масс проникали революционные листовки, газеты, воззвания, литература, учение великих вождей — Ленина и Сталина.

Руководящая роль в борьбе трудящихся масс Туркестана принадлежала революционной социал-демократии. В ряде городов ко времени революции существовали социал-демократические организации, среди которых наиболее крупной и активной была ташкентская группа РСДРП, имевшая связи с социал-демократическими организациями центра России и Закавказья. Наиболее видными социал-демократическими деятелями ташкентской группы РСДРП были большевики: Кирюшин, Быховский, Морозов, Литвишко.

Активную деятельность по вовлечению трудящихся масс в революционную борьбу развернули социал-демократические организации и в других городах и рабочих центрах, как Ашхабад, Коканд, Кустанай, Петропавловск, Успенские рудники, Верный и др. Большое влияние на работу социал-демократических групп ряда городов Казахстана оказывал Омский комитет РСДРП, возглавляемый В. В. Куйбышевым.

Туркестанская революционная социал-демократия особое внимание уделяла революционной пропаганде в солдатских массах.

Мощная волна революционных событий докатилась и до отсталого района царской России — Киргизии.

Уже весной 1905 г. начались волнения среди рабочих Киргизии, особенно на шахтах Сулюкты, Кызыл-Кия и др. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, отмены штрафов, сокращения сверхурочных работ. Наряду с этим, выдвигались требования свободы собраний, свободы союзов и др. Борьба принимала политический характер.

Под влиянием роста революционных событий в центре России и в крупных городах Туркестанского края, особенно в Ташкенте и Ашхабаде, к осени 1905 г. революционная борьба рабочих Киргизии стала принимать все более активный характер. Русские и киргизские рабочие выступали совместно, подписываясь под общеполитическими требованиями и ведя борьбу за политическое и экономическое освобождение трудящихся всех национальностей.

В знак протеста против расстрела демонстрации ташкентских рабочих 19 октября 1905 г. в Пишпеке 22 октября состоялся многолюдный митинг с участием рабочих кустарных предприятий и значительного количества крестьян-переселенцев. Наряду с русскими, в митинге принимали участие и трудящиеся массы киргизского населения.

В связи и под непосредственным влиянием рабочего движения во всем Туркестане развивалась и ширилась революционная борьба трудящихся масс киргизов.

В феврале—марте 1905 г. начались волнения среди киргизского дехканства, принявшие с самого начала форму острой классовой борьбы против байско-манапской и кулацкой верхушки и против царских властей.

На выборах управителя Багишской волости дехкане отказались подать свои голоса за выдвинутого манапами кандидата. В результате такого рода «беспорядков» выборы волостного управителя были сорваны. Уездный начальник был вынужден обратиться к военному губернатору с просьбой о назначении волостного управителя административным путем. События в Багишской волости настолько обеспокоили царские власти, что выборы управителей в Сусамырской и Чаткальской волостях с февраля были перенесены на май. Однако в Сусамырской волости во время майских выборов трудящиеся-киргизы совершенно вышли из-под влияния баев и манапов и волостным управителем выбрали киргиза-бедняка. Долгое время на этой почве шла ожесточенная борьба, доходившая иногда до открытых столкновений между баями и манапами, с одной стороны, и дехканами — с другой.

В селении Кырчин Кугартской волости баям и манапам удалось протащить старшиной своего ставленника, но после этого и здесь дехкане продолжительное время настаивали на проведении повторных выборов, т. к. первые они считали совершенно незаконными. Лишь после применения силы трудящиеся селения Кырчин успокоились.

Волнения в Базар-Курганской волости вылились в организованную борьбу дехкан за переизбрание волостного управителя. Здесь бедняцкая часть волости организовала митинг, избрала доверенное лицо, которому поручила вопрос о переизбрании волостного управителя поставить перед военным губернатором. Доверенное лицо от базаркурганцев Исманл Бай Суфиев в своей записке от 1 марта 1905 г. на имя военного губернатора писал: «Желание населения иметь в своем общем деле своих представителей, а не людей, вылезших на глаза благодаря случайности и зажиточности».

Большевистские призывы: «Долой самодержавие», «Да здравствует самодержавие народа» проникли в среду дехканского населения Киргизии. Эти призывы дехканство поняло, как призывы к повсеместному смещению баев и манапов из органов местного управления. Борьба киргизского народа за власть, за самодержавие народа на отдельных этапах революции принимала острую форму, перерастая в борьбу за землю.

Таким образом, как у переселенческого русского крестьянства борьба с самодержавием являлась лишь первым этапом революционного движения, за которым неизбежно вытекала борьба за землю, точно так же развертывались революционные события и среди киргизского дехканства. В этом факте наи-

более ярко проявлялось сближение киргизского и русского народов на основе общности классовых интересов, общности задач революционной борьбы. Наиболее ярко проявлялась революционная солидарность русских крестьян и киргизского дехканства в вопросах борьбы за землю.

В период революции 1905 — 1907 гг. в ряде районов Киргизии и, в частности, в Кугартской долине имели место столкновения и острые конфликты из-за земли между дехканами и крестьянами, с одной стороны, и баями, манапами и кулаками — с другой.

Уже в самом начале революции развернулось движение киргизского народа против царских властей за свою национальную независимость. Оно проявлялось в различных формах и методах борьбы (отказ от уплаты налогов, от исполнения трудовой повинности, угрозы и нападения на представителей царской администрации и чиновников, отказы от исполнения их распоряжений и т. д.). В 1906 году в целом ряде донесений царских чиновников пишется о том, что податное население Туркестана отказывается платить налоги. В одном из таких донесений упоминается, что киргизское население Маргеланского уезда «не желает ничего платить». Среди киргизского и узбекского населения, в частности, Маргеланского уезда велась широкая агитация против уплаты налогов. На почве отказов от уплаты налогов и исполнения трудовой повинности были случаи столкновения между царскими властями и местным населением. В этом движении принимали участие как киргизские дехкане, так и русские крестьяне.

Под влиянием революционных событий сопротивление киргизского дехканства колонизаторской политике царизма все более возрастало. Участились случаи упорного сопротивления земельным захватам. Усилились столкновения с местной администрацией. В июне 1907 г. дехкане Джуван-Арыкской волости Пржевальского уезда оказали сопротивление переселенческим чинам при отмежевании их земель, заявив, что «пусть их расстреляют, но они земли не уступят».

* * *

Трудящиеся массы русских и киргизов часто совместно выступали в борьбе против царизма и местных эксплоататорских классов. Пытаясь не допустить такого рода выступлений, царизм принимал всякие меры и прежде всего разжигал национальную рознь.

Однако общность классовых интересов не могла остановить сближения на революционной основе русского и киргизского народов. Классовая солидарность двух народов способствовала даль-

нейшему развитию революционных событий в Киргизии. Через русских социал-демократов в пределы современной Киргизии проникала нелегальная революционная литература, распространявшаяся главным образом среди солдат. В сведениях военного командования Семиреченской области, представлявшего систематические отчеты «О положении преступной пропаганды в частях и управлениях войск Семиреченской области», отмечаются многочисленные случаи проявления среди солдат интереса к политическим вопросам, участия их в революционных нелегальных сходках и отдельные факты волнений среди них.

В отчете за 1907 г. называется рядовой пишпекской местной команды Попов, который, находясь в Верном, участвовал на сходке, где присутствующие призывались к свержению самодержавия. Он же получал революционную литературу для распространения. В солдатских казармах Пишпека были найдены прокламации и другая нелегальная литература. Распространялись запрещенная литература, прокламации и воззвания и в городе Пржевальске.

Борясь против революционного влияния на армию, царизм широко использовал такое средство, как религия. В циркуляре командующего войсками Туркестанского военного округа, направленном в августе 1906 г. всем войсковым и гарнизонным священникам, предлагалось внушать солдатам об их обязанности.

Усилия царизма не смогли остановить революционного движения. Революционные выступления не прекращались. Имели место они и в гарнизонных частях на территории Киргизии.

Недовольство царизмом и революционное настроение проявлялись и среди крестьян-переселенцев. Разоренные, обнищавшие, неустроенные на новых местах, возбужденные известиями о революции в центре, они вместе с городской беднотой организовывали демонстрации, угрожали разгромом переселенческого управления, отказывались платить налоги и т. п. Особенно это проявлялось в южных районах Семиречья. Один из чиновников, обследовавший в 1906 г. состояние переселенческого дела в Семиречье, сообщил, что в южных уездах администрация напугана действиями переселенцев и не принимает никаких мер, что крестьяне участвуют с горожанами в демонстрациях, что они позволяют себе «шествие в тюрьму под пение марсельезы, участие в заседании временной комиссии», принуждают «оркестр военной музыки играть при проводах депутатов»... Принуждают «Городскую думу чуть ли не даром (по 8 рублей) продать усадебные места в городе».

В целях пресечения возможного народного восстания отдельные уезды и области Туркестанского края были переведены на

положение усиленной охраны. Так было в конце 1905 и начале 1906 г. в южных уездах Семиречья, в том числе и в Пишпекском. В 1907 г. вся Семиреченская область была объявлена на военном положении.

Революция 1905—1907 гг. была первой решительной попыткой трудящихся масс России, руководимых большевистской партией, сбросить гнет царизма. Даже на таких далеких и отсталых окраинах, как Киргизия, где управление носило характер военной диктатуры, где царизм чувствовал себя довольно прочно, опираясь на казачьи верхи, манапов и баев,— даже здесь борьба российского пролетариата и крестьянства нашла сторонников среди угнетенных масс трудящихся киргизов.

Царизму не удалось предохранить киргизское трудовое население от влияния русской революции. Царизму не удалось помешать проникновению в Киргизию революционных идей.

В бурные революционные дни 1905—1907 гг. киргизский народ в лице русского рабочего класса обрел своего верного союзника и вождя, который научил его, как надо бороться с царским самодержавием и со «своими собственными» эксплоататорами. В этом было основное значение первой русской буржуазно-демократической революции 1905 — 1907 гг. для Киргизии.

§ 22. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ

Аграрная политика царизма в Киргизии в период столыпинской реакции.

После поражения революции царизм установил в стране режим террора и насилия над народом. Началась полоса черной реакции. Царское правительство громило рабочие организации, сажало в тюрьмы, отправляло в ссылку и на каторгу, вешало и расстреливало революционеров. Особенно преследовались большевистская партия и ее вожди — Ленин и Сталин.

Жесточайшему преследованию подвергались и революционные организации Туркестана. Судебные процессы над участниками революции, усиленная деятельность охранки и расправа с членами Ташкентской, Верненской и многих других организаций РСДРП были типичными явлениями для этого периода.

Расправу с революционно настроенным народом царизм осуществлял в союзе с империалистической буржуазией. Разогнав II Государственную Думу, царское правительство издало новый избирательный закон, который обеспечивал в Думе большинство контрреволюционерам из помещиков и буржуазии.

В борьбе с революцией царизм придавал большое значение проведению аграрной реформы Столыпина, которая, по его мнению, должна была предотвратить возможность повторения революции и сохранить помещичье землевладение. В этих целях царское правительство решило создать себе опору в деревне в лице кулачества, отдавая последнему общинные земли на разграбление. Составной частью аграрной реформы Столыпина было

переселение обезземеленного крестьянства на окраины. Это рассматривалось правительством и помещиками как важнейшее средство в разрешении аграрного вопроса. Об этом совершенно открыто на одном из заседаний III Государственной Думы говорил лидер крайних правых, крупнейший помещик Марков 2-й: «Да, *правительство должно разрешить аграрный вопрос именно* переселением».

Указывая на связь между ростом аграрного крестьянского движения и переселенческой политикой царизма, В. И. Ленин в своей статье «Переселенческий вопрос» писал:

«Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»[1].

Основными районами крестьянского переселения были Сибирь и Туркестан. В пределах последнего особенно заселялись Семиреченская и Ферганская области, куда входила основная территория современной Киргизии. Поэтому земельный вопрос здесь *приобрел исключительно важное значение. Весь период реакции* проходил в Киргизии под знаком массового изъятия земель у киргизского дехканства.

Еще в 1904 г. под влиянием нараставшего крестьянского движения в России Николай II отменил запрещение переселяться в Туркестан. На отчете Семиреченского военного губернатора он написал: «Надо настойчиво двигать колонизацию этого края». В марте 1905 г., на основании указа Николая II от 14 февраля, была образована Семиреченская переселенческая партия по устройству переселенцев, превратившаяся после революции 1905—1907 гг. в главный переселенческий орган в области. Переселенцы должны были, согласно вышеназванному указу, устраиваться на «излишних» землях. В целях определения излишков пользовались различными «правилами», в частности, правилами от 13 июня 1903 г., по которым для коренного населения отводилось 15 десятин на каждую душу. Хотя эти правила исходили из интересов колонизаторов, но скоро они перестали применяться, *так как совершенно не отвечали новым захватническим стремлениям* царизма.

Желая как можно быстрее провести переселение крестьян из центра на окраины, представители правящих кругов требовали от туркестанских властей ускорения изъятия земель у местного населения. В этих целях в августе 1907 г. было создано междуведомственное совещание под председательством помощника ми-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 74.

нистра внутренних дел Лыкошина. На этом совещании был поставлен вопрос «О землеустройстве киргиз». Но на деле это совещание решало вопрос: как бы быстрее лишить киргизов земли. Все выступавшие требовали ускорения изъятия земель у местного киргизского населения. Так, статский советник Крюков жаловался: «Нам нужно устраивать переселенцев — оказывается, земли киргизские; мы хотим расширить культуру хлопка — оказывается, негде взять земли».

Участники совещания проявляли большое беспокойство о том, что лучшие земли могут оказаться в руках «киргиз, переходящих массами к запашке», и высказывали мнение о невозможности устраивать их по кочевым нормам.

Мнение междуведомственного совещания поддержал и совет министров, признавший, что землеотводные работы ведутся ненормально, так как за местным киргизским населением закрепляется земли больше, чем полагается. Поэтому совет министров постановил приостановить окончательное закрепление участков за коренным населением. Это решение было скреплено подписью Николая II.

Помещичьи круги России, ждавшие от переселения крестьян разрешения аграрного вопроса, предотвращения новой революции, с особым азартом поддерживали и защищали эту политику. Особенно ярко это проявилось на ряде заседаний III Государственной Думы, где помещики-черносотенцы, ради избавления от «беспокойного элемента», считали за благо для коренного населения Средней Азии переселение туда крестьян. Так, выступивший 29 марта 1908 г. на заседании Думы начальник переселенческого управления Глинка начал с того, что описал русскую колонизацию как сплошь положительное явление в жизни киргизского населения, так как мол «...с распространением русского населения поднимаются цены на скот, открывается возможность тому же киргизу получить заработок». Настоящий же смысл переселенческой политики он высказал в конце своего выступления. «Землеустроительный закон в отношении киргизского населения — это наша потребность, потребность русского населения, а вовсе не киргизского населения, как стараются это представить».

Большевики в лице социал-демократической фракции в III Государственной Думе разоблачали переселенческую политику царизма. Они доказывали, что эта политика не выражает стремлений и интересов русского народа, и внесли предложение голосовать против переселенческой сметы.

Политика царизма находила практическое осуществление в деятельности переселенческих организаций. Киргизские земли были предметом только изъятия. При этом царил полнейший произвол. Измерительные работы велись «на глазок», нарушались самые жизненные интересы дехканства, захватывались пашни,

сносились зимовые стойбища с имевшимися на них постройками, отбирались клеверники, сады. Киргизы вытеснялись целыми аилами, волостями в горы, пески, за сносимые постройки получали гроши, да и то не всегда полностью. Так, киргизы Иссыкатинской волости Пишпекского уезда за снесенные их постройки вместо 3918 руб. 93 коп. получили только 1939 руб. 66 коп., а Аламединской волости вместо 3484 руб. — 1384 рубля.

Неразбериха в переселенческом деле, а главное боязнь, что за местным населением сохраняется много земли, заставили царское правительство временно приостановить переселение. По постановлению совета министров от 11 июня 1908 г. Туркестан был закрыт для колонизации, была создана комиссия во главе с сенатором гр. Паленом для проведения ревизии постановки переселенческого дела. После принятия в марте 1910 г. новой инструкции о нормах наделения землей киргизского населения, переселение было вновь разрешено.

Все ранее действовавшие правила в определении потребной для киргизского хозяйства земли новой инструкцией отменялись. Для киргизов, переходящих к оседлости, устанавливались те же нормы, что и для переселенцев, причем зачастую эти нормы распространялись на чисто кочевое хозяйство, что давало дополнительные площади земель для изъятия. В этих же целях правительство резко повысило налоги на пастбищные, богарные и необрабатываемые земли. Все это вело к быстрому разорению и упадку хозяйства киргизских дехкан. Они лишились наиболее удобных и необходимых земель. О размерах изымаемой земли видно на примере отдельных районов Киргизии. Так, за время с 1906 г. по 1 января 1914 г. по Пишпекскому уезду было отмежевано только под переселенческие участки 879219 десятин земли. В 1913 г. в том же уезде под скотоводческие участки отошло более 190 тыс. десятин земли. Значительное количество земли забиралось также под так называемые «лесные» дачи.

Помимо крестьянских поселков, в эти годы возникало большое количество хуторов, которыми владели чиновники, дворяне, киргизские манапы, баи и русские кулаки. В одном Пишпекском уезде в 1914 г. имелось 64 хутора. Особенно крупными были хутора Велецкого, возглавлявшего переселенческое дело в Семиречье, полковника Фриде, манапов Курмана, Ленесова, Шабдана и других.

Положение киргизских дехкан и русских крестьян-новосёлов.

Столыпинская аграрная реформа с ее массовым изъятием земель у трудового местного населения привела к резким сдвигам в хозяйстве киргизского населения, она способствовала также дальнейшему разорению дехканства и обострению классовых противоречий.

Изъятие земель отразилось на состоянии кочевого скотоводства, подняло роль земледелия. Данные за 1911 — 13 г. дают следующую картину киргизского хозяйства:

Уезды	Всего хозяйств	Из них— сеющих
Пишпекский	31886	29636
Пржевальский	28034	26328
Ошский, Скобелевский и Кокандский	8875	8347
Андижанский	11405	11291
Наманганский	7458	6345

Таким образом, столыпинская реформа, расширившая захваты земель у коренного населения, привела к сокращению пастбищных угодий и вызвала тем самым у киргизского дехканства стремление к оседлости. Начиная с 1906 г., киргизы стали целыми группами подавать прошения о переводе их на оседлое положение. В начале 1907 г. только по 9 волостям Пишпекского уезда было подано 86 прошений от 4222 кибитковладельцев.

Этим движением была охвачена главным образом киргизская беднота, которая не имела или почти не имела скота и жила земледелием и работой на кулака, бая и манапа. Немаловажную роль в стремлении к оседлости имело и желание избавиться от произвола и эксплоатации манапов и волостной администрации. К массовому движению киргизов к оседлости царское правительство относилось отрицательно, видя в этом попытки со стороны киргизского населения сохранить за собой пахотные земли. Поданные прошения о переводе на оседлость лежали без движения годами.

Большое сопротивление дехканскому движению к оседлости оказывали манапы и баи, которые усматривали в этом угрозу потери власти над массами. Инициаторы перехода к оседлости подвергались гонениям, клевете и даже арестам. Местные царские власти, поддерживая манапов и баев, всячески пресекали стремление к оседлости.

В 1912 г. токмакский участковый пристав, приехав в Сарыбагышскую волость, запугивал желавших перейти на оседлость, заявляя: «Пока я жив и приставом, не видать вам оседлости, как своих ушей».

Рост удельного веса земледелия и начавшийся переход к оседлости свидетельствовали о процессе разложения натурального хозяйства у киргизов. Сопровождался этот процесс имущественной и классовой дифференциацией. Если в манапском и байском хозяйстве проявлялись предпринимательские черты, то хозяйство дехкан разорялось, дехкане нищали, заметно пополняя ряды батрачества.

Статистические материалы обследования киргизского хозяйства, проводившегося в 1911 — 1913 гг., дают чрезвычайно яркую картину хозяйственной и социальной дифференциации в

киргизском аиле накануне первой мировой войны. В Пишпекском уезде, например, было отмечено десять имущественных групп. В первые четыре входили бедняцкие хозяйства без скота и имеющие его до 8 голов; пятая — седьмая группы составляли середняцкие хозяйства со скотом от 8 до 50 голов; восьмая—десятая группы объединяли богатые, эксплоататорские хозяйства, имевшие 50 и свыше голов скота. Из общего числа 31886 хозяйств к бедняцкой группе относилось 15699 тыс., т. е. 49,5 процента, а скота на эту группу приходилось лишь 11,2 процента всего стада уезда. Манапская и байская группа численностью в 1767 хозяйств составляла всего 5,5 процента от общего числа хозяйств в этом уезде, а скота у нее было 33,5 процента от всего стада.

Ища выхода из тяжелого положения, беднота переходила к земледелию, оседлости. На 4318 оседлых хозяйств 4167 были бедняцкими. Такими они и оставались, ибо отсутствие рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря не позволяло им окрепнуть и усилиться. Бедноте оставался один путь — уход в батраки к русским кулакам, манапам и баям. Из 7179 числившихся в уезде батраков 5632 приходилось на бедняцкую группу. В то же время баи и манапы, концентрируя в своих руках большое количество скота и сельскохозяйственного инвентаря, имели такое количество посевов, которое во много раз превышало посевы оседлой бедноты. Эта же богатая верхушка являлась покупателем рабочей силы.

Нелегким было положение и русской крестьянской бедноты. В старожильческих селах перед первой мировой войной среди крестьянства наблюдалась резкая имущественная и социальная дифференциация. Более 50 процентов крестьянского населения составляла беднота. Кулацкая часть деревни, составлявшая немногим более 20 процентов населения, концентрировала в своих руках основную площадь земли, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь и широко применяла наемную рабочую силу. О резкой социальной дифференциации деревни достаточно ясно говорит приводимая ниже таблица, составленная на основании статистических данных по Пишпекскому уезду:

в процентах

Группы хозяйств	Хоз-в в группе	Пахотной земли	Рабочего скота	Арендованной земли	Земель, сданных в аренду
Бедняцкая .	51	14	15	5,5	62
Середняцкая .	28,5	31	31	25,5	26
Кулацкая .	20,5	55	54	69	12

Особенно тяжелым было положение крестьян-новосёлов, переселившихся в годы столыпинщины из России в Киргизию в числе нескольких десятков тысяч человек. Это была преимущественно безземельная беднота, которая преобладала в селах, возникших после революции. В 10 таких переселенческих селах Пишпекского уезда в 1906 — 1910 гг. из 1094 хозяйств 832 было бедняцких, 254 середняцких и всего 8 кулацких хозяйств.

Не имея средств на обзаведение, переселенцы терпели большую нужду. Лучшие земли были отданы старожилам и казачеству, а позже их захватывали кулаки, царская администрация, городская буржуазия, манапы и баи. В результате переселенческая беднота лишалась земли. Характерно, что после свержения самодержавия многие крестьяне хотели переселиться обратно в Россию, надеясь получить там землю, отобранную у помещиков. В качестве примера можно привести приговор крестьян села Быстрорецкого Пишпекского уезда, в котором говорилось: «Тяжело нам было расставаться с матушкой Россией, которая вскормила, вырастила нас. Мы имели в мыслях никогда не расставаться с нею, но голод свое дело сделал, нам ничего не оставалось делать, как переселиться в неведомые края. Нас определили на землю каменистую, скудную, где без воды никакое растение жить не может. Для того, чтобы получить 30—40 пудов хлеба с десятины, нужно всему семейству целый год работать не покладая рук, арыки чистить по каменистым местам, 3—4 раза поливать хлеб, а зимою за 3—4 версты носить на гору из реки Чу воду для питья».

Нужда заставляла значительную часть переселенцев идти в батраки и на работу в промышленные предприятия. Из 2176 человек взрослого населения десяти сел Пишпекского уезда четвертая часть была в батраках.

Материальное неустройство новосёлов-бедняков усугублялось политическим их бесправием и произволом царской администрации.

§ 23. КИРГИЗИЯ В ГОДЫ НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

Подъем революционного движения.

Царизму не надолго удалось установить режим террора и насилия. Революционный подъем, неизбежность которого предвидели большевики еще в начале столыпинской реакции, начался.

«Не могло быть прочным правительство, которое не хотело дать народу ничего, кроме кнута и виселиц. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Стала исчезать

усталость рабочих, навеянная в первые годы поражения революции. Рабочие вновь стали подниматься на борьбу»[1].

Уже в 1911 г. появились первые признаки нового революционного подъема, а после ленских событий революционная борьба в стране стала бурно нарастать. Втягивались в борьбу и трудящиеся Туркестанского края, в числе их и трудящиеся Киргизии. На усиление революционного движения в Туркестане большое влияние оказало вооруженное выступление саперных частей под Ташкентом в начале июля 1912 г. Забастовки рабочих, столкновения местного дехканства с царскими властями и их ставленниками — волостными управителями и старшинами, открытая ненависть к царизму все чаще и чаще стали проявляться в самых различных районах Туркестана. В большевистской газете «Правда» в № 52 за 1912 г. как пример борьбы угнетенных народов России против царизма был приведен факт вооруженного столкновения казахского дехканства Каракольской волости, Лепсинского уезда, Семиреченской области с уездным начальством. Подобного рода примеры имели место и в Киргизии. Так, в районе Чаткала летом 1912 г. дехкане оказали сопротивление отряду статистической партии, приехавшей для выявления земельных «излишков», не допустив ее к производству работ. В донесении об этом сообщалось: «Население, ознакомившись с задачей работы статистиков и отстранив успокаивающую туземцев выборную администрацию (волостного управителя, аульных старшин), в бурной форме заявило, что оно не желает давать никаких сведений о пользовании землею». Не менее, чем царских чиновников, народ ненавидел и волостную администрацию. Характерным примером в этом отношении является столкновение дехкан с. Асыльбашевского Восточно-Сукулукской волости Пишпекского уезда с волостным управителем Сыдыком Джангарачевым в сентябре 1912 г. Явившись в названное селение в сопровождении сельского старосты Молдоке Саурамбекова и понятых, волостной управитель намеревался отобрать у нескольких дехкан имущество за долги, но эта попытка окончилась тем, что дехкане избили волостного управителя и его свиту, вынудив их спасаться бегством.

Ненависть к самодержавному строю проявлялась в народе все чаще, о чем свидетельствовал рост судебных процессов по обвинению «в оскорблении» личности царя. Примером может служить дело о крестьянине Ефиме Яниж, который в столкновении с урядником сказал ему, что он «такая же сволочь, как и царь». Киргизское дехканство не скрывало своей ненависти к царизму. Во время празднования 300-летия династии Романовых в 1913 г. в ряде мест киргизы отказывались вывешивать портреты царя.

Недовольство народных масс царизмом настолько возросло, что туркестанские власти опасались возможного восстания. В се-

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, изд. 1945, стр. 140.

редине июля 1913 г. командующий войсками Туркестанского военного округа отдал распоряжение по областям о том, чтобы приняты были «самые строгие меры внутреннего порядка и общие меры предосторожности во избежание выступлений, подобно андижанского».

Рост народного недовольства, рост революционного движения в годы нового революционного подъема в стране совершенно ясно проявился и в Киргизии.

Возникновение социал-демократических кружков и групп в Киргизии в годы нового революционного подъема.

Одновременно с подъемом революционного движения масс усилилась и партийная работа на местах.

Пражская конференция отметила, что «всюду на местах среди рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных социал-демократических организаций и групп».[1]

Оживили свою деятельность и социал-демократические организации Туркестана, уцелевшие в годы реакции.

Ташкент продолжал оставаться основным центром социал-демократического движения в крае. В 1911—1913 гг. ташкентская группа революционной социал-демократии имела в своих рядах 40—50 человек.

В других городах Туркестана социал-демократические организации численно были еще меньше. В Верном в 1911 г. социал-демократическая группа объединяла около 20 человек.

Пражская конференция и ее решения внесли перелом в жизнь социал-демократии Туркестана. Царская охранка Ташкента, следившая за деятельностью социал-демократов, отмечала, что в борьбе между «Правдой» и «Лучом (т. е. большевиками и ликвидаторами) большинство симпатий на стороне «Правды». Охранка вынуждена была признать, что «усиленный подъем и тяготение к партии замечается повсюду и растущее движение все больше и больше оставляет ликвидаторов за бортом». В середине 1913 г. из объединенной ташкентской группы социал-демократов и эсеров выделилась группа большевиков. Она установила связь с заграничным бюро, стала получать оттуда литературу и газеты: «Социал-демократ» и «Правда», установила связь с рабочими ташкентской железнодорожной мастерской, а также повела работу в воинских частях. В октябре 1913 г. представители этой группы ездили в Чимкент для установления связей с гарнизоном. В декабре этого же года группа выпустила первый номер нелегальной газеты «Ташкентский рабочий», напечатанный на гектографе в 30 — 40 экземплярах, и распространила его среди рабочих. В своей практической деятельности группа основывалась на решениях Пражской конференции.

---

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 6, стр. 180.

Усилилась социал-демократическая работа и в других городах Туркестана. Местом появления первых социал-демократических кружков и групп в Киргизии был Пишпек. Здесь в сравнении с другими городами края было больше рабочих и ремесленников. С начала 1911 г. среди них образовался социал-демократический кружок, объединявший всего несколько человек. В это же время существовал еще один кружок также в несколько человек, объединявший социал-демократически настроенную местную интеллигенцию.

Кружки эти имели связь с Верным, Москвой и Петербургом.

Во второй половине 1911 г. социал-демократическая работа в Пишпеке усилилась. Этому способствовал приезд сюда ряда рабочих, участников социал-демократического движения.

Возглавлял социал-демократическую группу в Пишпеке приехавший сюда рабочий Свинков. В период революции 1905—1907 гг. он служил рабочим на Ташкентской железной дороге и принимал активное участие в революционной борьбе, за что был арестован и на год заключен в тюрьму. Скрываясь от полиции, он приехал в Пишпек и поступил механиком в магазин «Компании Зингера». Вскоре к нему приехал его товарищ по революционной борьбе Ф. Е. Панфилов—кузнец по профессии, активный участник революционного рабочего движения и член РСДРП. Он принимал личное участие в транспортировке в Россию нелегальной литературы из Женевы. Руководители социал-демократической группы в Пишпеке были сторонниками большевистского направления. В этом духе они вели работу и среди рабочих. Ежедневно у Свинкова собирались 8 — 10 рабочих и велись беседы на политические темы.

К середине 1913 г. группа пишпекских социал-демократов значительно выросла. Состояла она почти полностью из рабочих. Наиболее активными были чернорабочий Коротков, сосланный в Пишпек в конце июня из Ташкента, штукатур Черногоренко, каменщики Кудков Тимофей и Трунов Михаил, кровельщик Странпинский и др. Группа имела связи с верненскими социал-демократами. Пишпекская социал-демократическая группа вела политическую разъяснительную работу среди населения, в том числе и среди сельских жителей.

В деятельности социал-демократических кружков в Киргизии было много отрицательных сторон, являвшихся результатом слабости местного пролетариата, малочисленности его, распыленности, недостаточной политической сознательности и организованности, оторванности от центра России. Среди социал-демократов в Киргизии не было опытных руководителей, большинство из них не имело ясных представлений по важнейшим политическим вопросам. Отрицательным было и то, что работа велась недостаточ-

но конспиративно. Это приводило к проникновению в социал-демократическую среду случайных людей, а иногда и агентов охранки.

Но все это не умаляет огромного значения самого того факта, что Киргизия втягивалась в революционную борьбу общероссийского значения, что сюда проникало влияние революционного русского пролетариата, его большевистской партии, призывавшей народ к упорной борьбе с царизмом.

ГЛАВА IX

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 24. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КИРГИЗИЮ

Хозяйственный упадок и обнищание народных масс Киргизии в годы войны.

19 июля (1 августа) 1914 г. началась империалистическая война, неизбежность которой задолго до ее начала предвидели большевики. Объявив войну России, Германия положила начало первой мировой бойне. Вызванная грабительскими, захватническими целями империалистических государств война быстро разрасталась, втягивая одно государство за другим. Отмечая захватнический, империалистический и мировой характер этой войны, И. В. Сталин писал: «Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и поэтому в нее оказались в дальнейшем втянутыми Япония, Соединенные Штаты Америки и ряд других государств. Война стала мировой»[1].

Война подготовлялась и велась между двумя группами государств, и, как указывал И. В. Сталин, «в особенности же эта война подготавливалась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой»[2].

Зависимое положение России от Англии и Франции заставило ее вступить в войну, несмотря на неподготовленность как в хозяйственном, так и в военном отношении. Положение усугублялось еще и тем, что среди генералов и министров царской России были изменники, выдававшие врагу государственные тайны. Таким

---

[1] История ВКП(б). Краткий курс, изд. 1954 г., стр. 155.

[2] Там же.

оказался, например, военный министр Сухомлинов. Поэтому героические усилия русских солдат сводились на-нет, и царская армия очень скоро начала терпеть поражения.

В тылу начался хозяйственный развал. Транспорт не обеспечивал необходимых перевозок, прекратили работу многие промышленные предприятия, сократились посевы, резко снизилась урожайность, сократилось поступление продовольствия в города. Начался голод среди рабочих.

На колониальные окраины, особенно на Туркестан, империалистическая война действовала также губительным образом. Колонии стали эксплуатироваться еще больше. В огромном количестве из Туркестана вывозили хлопок, мясо, рыбу, живой скот и т. д. С начала войны до 1917 г. одних только лошадей было вывезено отсюда 70 тыс. голов. В большом количестве вывозились продукты животноводства и из Киргизии. За один только 1914 г. из киргизского и казахского хозяйств Семиреченской области было вывезено скота и продуктов животноводства на 34 млн. рублей.

Резко увеличились различного рода налоги и поборы с населения. Кроме них, стали практиковаться всякого рода «добровольные пожертвования».

До невиданных размеров в эти годы дошло взяточничество. Под предлогом сбора на войну местная администрация буквально грабила население.

Как и по всей стране, в Киргизии в связи с войной начался хозяйственный упадок. Стали сокращаться посевы, приходило в упадок животноводческое хозяйство. В Семиреченской области общий сбор урожая главных хлебов снизился с 38.744.585 пудов в 1914 г. до 21.947.269 пудов в 1916 г. На севере Киргизии также шло резкое падение сбора урожая: в Пишпекском уезде с 9.074.734 пудов сбор урожая снизился до 5.839.715 пудов, а в Пржевальском — с 4.374. 746 пудов до 818.891 пуда.

Все это сопровождалось ростом цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Достаточно сказать, что цены на хлеб в крае в 1916 г. выросли более чем в 6 раз по сравнению с 1914 годом.

Буржуазия всячески скрывала действительный смысл войны, выдавая её за оборонительную. Ей вторили оппортунистические партии и группы, возглавляемые предателями международного рабочего движения из II Интернационала. В России это были меньшевики и эсеры, поддерживавшие в войне царизм и буржуазию.

Единственной партией, оставшейся до конца верной делу революционного пролетариата, делу народа, была партия большевиков.

Большевики разъясняли народным массам, что война, затеянная эксплоататорскими классами империалистических стран,

является антинародной, захватнической, и повели решительную борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую.

«Рабочий класс поддерживал партию большевиков»[1].

Рост революционного движения в стране и проявление его в Киргизии.

Вступая в войну, царизм, помимо захватнических целей, стремился использовать военную обстановку и для подавления революционного движения в стране. Прежде всего он обрушился на большевистские организации, чтобы лишить революционное движение руководящей силы.

Гибель многих сотен и миллионов человеческих жизней в антинародной войне, поражение на фронте, хозяйственная разруха, резкое снижение жизненного уровня трудящихся — все это вызывало ненависть к самодержавному строю, толкало массы на борьбу с царизмом. Среди населения росло антивоенное настроение. На почве дороговизны и голода по всей стране начались забастовки. В крупных промышленных центрах стали проводиться и политические забастовки. В январе 1916 г. под руководством петроградских большевиков рабочие провели политическую забастовку. Особенно мощная политическая забастовка состоялась в Петрограде в конце октября 1916 г. Она была проведена в знак протеста против суда над группой матросов-большевиков за их участие в революционной деятельности. В борьбу втягивались солдатские массы. В стране назревал революционный кризис.

Как и всегда, во главе революционной борьбы масс шли большевики, являясь организующей и руководящей силой.

Движение против войны, против царизма развернулось и на окраинах. Захватило оно Туркестан, в том числе и Киргизию.

Ярким примером антивоенного настроения является волнение в первые дни войны среди запасных Пишпека. Собравшись 21 июля 1914 г. на казарменном плацу, призванные нижние чины запаса в числе до 300 человек, раздраженные грубым отношением офицерского состава, заявили военному начальству, что они не пойдут в армию до тех пор, пока их семьи не получат пособия. Большинство из призванных были еще не устроенные новосёлы. Волнение усиливали женщины, заявившие, что они не отпустят своих мужей. Попытка удалить с плаца женщин и детей вызвала возмущение, и толпа женщин, окружив подполковника Писаржевского, оборвала на его мундире пуговицы. Женщины протягивали ему своих детей, крича: «На, корми их!» Вмешавшегося пристава Грибановского женщины хотели избить. Когда же штабс-капитан Рещиков начал выталкивать женщин с плаца, то группа запасных бросилась на него с криками: «Бей его! Бери камни!» Штабс-капитану пришлось спасаться бегством в поме-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 157

щение управления воинского начальника. Волнения запасных Пишпека продолжались два дня.

Все чаще стали раздаваться голоса против самодержавия и войны и среди гражданского населения. В августе 1915 г. крестьяне села Барскаун Пржевальского уезда избили казака Лазарева за то, что он высказался за войну и царя. В своем донесении властям Лазарев показывал, что крестьянин Наякшин говорил о царе: «Он нас посадил на камень, и нам нет расчета служить ему и защищать его, хотя он нас и собирает».

Агентура охранного отделения, характеризуя настроения в народе, писала: «Отношение к войне отрицательное, всем она надоела, говорят лишь о дороговизне жизни».

В 1916 г. на почве дороговизны в Туркестане начались выступления голодающих женщин-солдаток, которые требовали снижения цен на предметы широкого потребления. В Ташкенте, Верном, Пржевальске, в селах Глинковском, Андреевском и Михайловском Лепсинского уезда Семиреченской области выступления сопровождались разгромом лавок. В селе Преображенском Пржевальского уезда толпа женщин разбила лавки ввиду отказа их владельцев вести торговлю.

Антивоенные выступления и волнения на почве дороговизны были характерны для всей России. Народные волнения в Туркестане отражали назревавший в стране революционный подъем. Революционной борьбой трудящихся России руководили большевики, возглавляемые В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Царизм усиленно преследовал большевиков, но задушить социал-демократическое движение как в центре, так и в Туркестане ему не удавалось. Это вынуждена была признать царская охранка, отмечавшая в 1916 г., что если в Туркестане «появятся организаторы партийной работы, то найдется кому их поддержать». Авангардом революционного движения в Туркестане попрежнему оставались большевики Ташкента.

Как и в центре России, в Туркестане империалистическая буржуазия и чиновничьи бюрократические круги всеми мерами старались разжечь шовинистические военные настроения. Буржуазия по примеру центра организовывала военно-промышленные комитеты и комитеты союза городов. В союз городов входили и города Киргизии, даже такой отдаленный, как город Пржевальск. Но все эти организации не были поддержаны местным населением и влачили жалкое существование. В сведениях охранки, сообщавшей о работе этих комитетов, отмечалась их слабая деятельность. В целях пропаганды войны буржуазия и чиновничьи элементы создавали черносотенные организации. Такими, например, были: кокандское «Общество 1914 года»; родственное ему по духу было верненское «Общество здравия и просвещения» и др.

Первая мировая империалистическая война усугубила тяжесть колониальной политики и национального угнетения народов

Средней Азии и повлекла за собой резкий упадок хозяйства, снизила жизненный уровень населения. Все это привело к массовому восстанию в 1916 г., проявившемуся с огромной силой в северных районах Киргизии.

§ 25. ВОССТАНИЕ 1916 г. В КИРГИЗИИ

Предпосылки восстания. Киргизский народ, находившийся под двойным гнетом — под гнетом баев и манапов и царских колонизаторов, — в период войны оказался в особенно тяжелом положении. Неимоверно возросший налоговый гнет, произвол и насилия царских чиновников, принявшие в годы войны неслыханные размеры, тяжелым бременем легли на плечи трудящегося киргизского населения.

Особенно страдали киргизы от проводимой земельной политики царского правительства. В этом вопросе царскими колонизаторами вопиющим образом попирались самые минимальные права киргизов. Несмотря на резкое уменьшение притока переселенцев в Киргизию в годы войны, царское правительство продолжало насильственный захват киргизских земель.

Этот захват киргизских земель продолжался вплоть до свержения царизма. Переселенческое управление в начале войны намечало к изъятию в Семиреченской области 4 млн. десятин удобных земель. До конца 1916 г. по Семиреченской области было насильственно отобрано земли у местного населения 4.193.520 десятин.

Малейшие попытки к сопротивлению насилию и произволу, чинимому царскими чиновниками, кулаками-колонизаторами и местными баями и манапами, беспощадно подавлялись. Еще в самом начале войны туркестанский генерал-губернатор в своем секретном циркуляре предлагал:

«Ввиду появившихся известий о неблагоприятном настроении туземного населения... в случае малейших враждебных выступлений, немедленно подавить таковое самым беспощадным образом».

Все это ускоряло взрыв народного возмущения, которое в 1916 г. вылилось в национально-освободительную борьбу киргизского народа. Основными причинами этого восстания были:

переселенческая политика царского самодержавия, в результате которой местное трудовое население лишалось земли;

безжалостная эксплоатация дехкан-хлеборобов и скотоводов и скупка сырья: хлопка, шерсти, кожи, скота и т. д. — по очень низким ценам;

открытое и скрытое ограбление местного трудового населения путем различных поборов, налогов, взяток и т. д.;

необузданный произвол и насилия царских чиновников, кулаков-колонизаторов, баев и манапов над бесправными трудящимися массами киргизского населения.

В период войны к вышеуказанным причинам прибавились еще таксация цен на хлопок, насильственная реквизиция скота, вздорожание цен на зерно и на продукты промышленности, сборы на нужды войны и т. д.

Характер и движущие силы восстания.

Вооруженное восстание киргизского народа в 1916 г. было национально-освободительным восстанием. «Всякий национальный гнет, — писал В. И. Ленин, — вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание».[1]

Восстание было направлено против колониального режима царизма, а также против баев и манапов. Началось оно на третьем году империалистической войны 1914—1918 гг., когда самодержавие, истощив материальные и людские ресурсы страны, переживало глубокий экономический и политический кризис. Восстание ослабляло позиции царизма в Средней Азии и объективно помогало российскому пролетариату в его революционной борьбе. Основной движущей силой восстания были бедняцко-середняцкие слои киргизского дехканства.

Это было стихийное выступление народных масс. Оно выражалось в форме разновременных, разобщенных вооруженных выступлений народа, не имеющих единого центра и руководства. На юге Киргизии восстание началось и закончилось в июле, на севере Киргизии оно происходило в августе и сентябре, а на территории современной Таласской области — в конце августа и в начале сентября.

Разрозненность и стихийность движения объясняются в основном малочисленностью и разрозненностью в то время пролетариата в Киргизии.

Вместе с киргизским народом в восстании приняли активное участие трудящиеся слои узбеков, казахов и дунган, проживавшие в сельских местностях Киргизии. Городские жители местной национальности, главным образом мелкие торговцы, ремесленники, мелкие чиновники и пр., оставались нейтральными.

Большинство киргизских баев, манапов и купцов выступило против восставшего народа. Особенно характерно это проявлялось в Южной Киргизии, где баи и манапы открыто выступили против восстания, активно участвуя в его подавлении. Здесь национально-освободительный характер восстания выступил отчетливо.

Не так было в Северной Киргизии, где часть манапов в ходе событий была вовлечена в восстание, некоторые же из них пытались

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 49.

стать руководителями движения (Канаат Абукин, Мукуш Шабданов, Батыркан Ногаев и др.).

Участие некоторой части баев и манапов в восстании ничего общего с интересами народа не имело. Баи и манапы пытались использовать восстание народных масс в своих классовых интересах.

Административное устройство, заведенное в Киргизии после присоединения ее к России, ущемляло интересы манапов-родоуправителей. В случае победы они рассчитывали восстановить свое прежнее безраздельное господство над киргизским народом. Не случайно, что повстанческую деятельность они начали с объявления себя ханами. Кроме того, отказ от участия в восстании грозил им потерей влияния на массы, озлоблением восставшего народа, который мог обрушить свой гнев и действительно обрушивал и на их голову.

Важнейшей характерной чертой восстания 1916 г. в Киргизии, как и в других областях Средней Азии, являлось то, что оно протекало изолированно от революционных выступлений рабочих, солдат, крестьянской бедноты русского населения. Это объяснялось тем, что связи киргизского народа с русским пролетариатом были еще очень слабыми. Причиной изолированности являлось и господство патриархально-родового быта, который обусловливал значительное влияние на трудящихся киргизов со стороны баев и манапов. Последние стремились направить возмущение трудящихся масс киргизов против всех русских, пытались притупить классовые противоречия, смягчить ненависть киргизской бедноты к «своим собственным» эксплуататорам. Байманапское руководство восстанием привело к тому, что в ряде районов Северной Киргизии движение пошло по пути национальной розни т. е. пошло по реакционному пути. Но солидарность трудящихся масс русских и киргизов в ходе восстания все же проявлялась. Киргизский народ находил сочуствие среди русских крестьян-переселенцев. Имели место даже открытый переход некоторых из них на сторону повстанцев и активное участие в восстании.

Непосредственный повод к восстанию.

В ходе войны людские резервы царского правительства были в значительной мере истощены. Затянувшаяся война требовала новых пополнений действующей армии. Это пополнение можно было черпать из царских колоний, еще не тронутых мобилизацией: в Туркестане, Казахстане, местами в Сибири, на Дальнем Востоке и др. Но царское правительство боялось, и не без основания, вооружать народы своих колоний. Оно опасалось, что это оружие может быть использовано против него.

25 июня 1916 г. Николаем II был подписан указ о мобилизации на военно-тыловые работы «мужского инородческого насе-

ления империи», в том числе узбеков, казахов, и др., в возрасте от 19 до 43-х лет включительно.

По Туркестанскому краю подлежало мобилизации 250 тыс. человек, в том числе по уездам Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей, куда входила Киргизия, намечено было мобилизовать 58.648 человек. Характерно то, что во многих официальных документах слово «мобилизация» заменялось термином «реквизиция», как будто бы речь шла о реквизиции скота.

Указ царя, последовавший в самый разгар полевых работ, взволновал все местное население. Недовольны были и трудящиеся, и баи, и манапы, и духовенство.

Опубликованный указ не имел никаких оговорок в отношении льгот каким-либо лицам. Всем казалось, что набор касается всех «туземцев», но вскоре — 11 июля 1916 г. — от правительства поступила инструкция, согласно которой некоторая категория «туземцев» освобождалась от мобилизации. В ней говорилось:

«В отношении отдельных категорий туземцев — освобождаются должностные лица общественных (волостных, сельских и аульных) управлений, нижние полицейские чины из туземцев; имамы, муллы, их мударрисы при условии проверки местной администрацией, действительно ли данное лицо исполняет обязанности его звания; счетоводы или бухгалтеры в учреждениях мелкого кредита; обучающиеся в правительственных и частных высших и средних учебных заведениях, туземцы, занимающие классные должности в правительственных учреждениях; туземцы, пользующиеся правами дворян и потомственных почетных граждан».

Кроме того, было разрешено «любому туземцу» нанять другого человека и послать его вместо себя. «Нанять за себя», разумеется, мог только тот, кто имел большие деньги, т. е. баи и манапы.

Вся тяжесть мобилизации, таким образом, легла на плечи трудящихся дехкан. В Киргизии практическое осуществление «реквизиции» и прежде всего составление списков было поручено волостным управителям и их помощникам—«почётным» киргизам. Это открывало возможность для всякого рода махинаций, взяточничества, укрывательства своих близких, родственников, сыновей баев, купцов и т. д.

Все это не могло не вызвать глубокого возмущения среди дехкан-бедняков и середняков, особенно среди молодёжи.

Начальник Туркестанского районного охранного отделения 10 июля 1916 г. доносил, что «среди туземного населения замечается сильное возбуждение вследствие распространившегося слуха, что состоятельным интеллигентным туземцам будет предоставлена возможность сделать денежный взнос взамен личной явки по выбору в команды для окопных работ. В чайханах и т. п. заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу бо-

гачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами».

Повсеместно начались стихийные сборы подлежащей мобилизации молодёжи. Усиливалась ненависть батраков, бедняков и средних слоев дехканства к баям и манапам и царским чиновникам, готовая вылиться в форму открытого выступления. Один из крупных манапов Пишпекского уезда, Мамбеталы Мураталин, допрошенный царскими властями в качестве свидетеля во время восстания в 1916 г., говорил о настроениях, царивших тогда среди трудящихся киргизов: «Когда я убеждал своих киргизов прекратить сии глупые затеи, они отвечали мне, что мы не пойдем воевать, пока не попробуем крови почетных киргизов вообще и твоей в частности».

Подготовительный этап и начало восстания.

В июле волнение охватило все районы Киргизии. Дехкане прекратили выводить свой скот на базар. Опустели общественные места: базары, чайханы.

В Пржевальском уезде из некоторых волостей, например, из Мариинской, Тюпской, Тургеновской начались побеги в пределы Китая.

Боясь возмущения масс, манапы—противники восстания искали защиты у царских властей. 25 июля манап Пржевальского уезда Кыдыр Байсарин во главе манапов—волостных управителей Заукинской, Курментинской, Семизбельской и др. волостей обратился к пржевальскому уездному начальнику с просьбой посадить их в тюрьму, пока стихнет волнение. Они заявили: «Если мы дадим согласие дать рабочих, то киргизы призывного возраста и их родственники перережут всех нас».

9 августа 1916 г. военный губернатор Семиреченской области генерал Фольбаум в телеграмме туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину доносил: «Бесспорно известно, что много благомыслящих киргизов против мятежа, но как они, так и почетные лица и волостные управители бессильны».

Восстание в Южной Киргизии.

Восстание в южных районах Киргизии произошло значительно раньше, чем в северных. Оно возникло одновременно с восстанием узбеков и других народов, населявших Ферганскую долину. Началось оно 11 июля 1916 г. с выступления дехкан селения Ходжа-Абад Ошского уезда.

11 июля к Булак-Башинскому волостному управителю явились дехкане в количестве 800 человек и потребовали от него именные списки мужского населения. Волостной управитель отказался им выдать списки и, ввиду явной угрозы народного возмущения, вынужден был бежать в город Ош. Волнение в этой волости продолжалось до 15 июля. За эти дни повстанцами были разгромле-

ны дома пятидесятников и волостного управителя. Сами пятидесятники спаслись бегством в город Ош.

22 июля началось восстание в Араванской волости. Здесь жители селений Араван, Кашгар-Кыштак, Тюркмен и др. собрались в селении Гази-Яглык и потребовали от волостного управителя выдачи списков призывников. После того, как волостной управитель уклонился от выполнения этого требования, он и его писарь были убиты восставшими. Тем временем царскими властями были посланы воинские части из города Ош, которые тут же арестовали 356 человек. Дела восставших позже были переданы в суд.

24 июля жители селения Уч-Курган также потребовали выдачи списков призывников, но волостной управитель успел убежать, после чего восставшими был разгромлен его дом.

Недовольство росло. 25 июля в Уч-Кургане восставшие разгромили магазины, но подоспевший сюда с воинским отрядом пристав рассеял восставших, причем в столкновении были убиты три повстанца, а 15 человек были арестованы.

Такие же волнения произошли в городах Ош и Узген и в Гульчинской и Алайской волостях.

На юге Киргизии гнев восставшего народа был направлен главным образом против местной администрации: волостных управителей, пятидесятников и их джигитов, т. е. против баев, манапов и их сподручных. Требования восставших выражались в уничтожении списков подлежащих призыву на военные и тыловые работы.

Местные баи, волостные управители выступали против восстания. Помощник начальника туркестанского охранного отделения в рапорте своему начальнику писал: «Волостные управители, старшины и аксакалы оказались на высоте своего призвания, и многие кровью запечатлели свою преданность России».

Наличие в Ферганской области большого количества вооруженных сил дало возможность царским властям быстро подавить очаги восстания и не дать волнению превратиться в народное вооруженное восстание.

В конце июля восстание в южных районах Киргизии царскими властями было подавлено.

Восстание в Северной Киргизии.

Иной характер приняло восстание в Северной Киргизии. Здесь во многих районах руководство борьбой было захвачено бай-манапами, которые разжигали национальную вражду, натравливали массы против всех русских. Восстание началось 7 августа 1916 г. Инициаторами восстания явились киргизы Сарыбагышской и Атекинской волостей Пишпекского уезда, начавшие свое выступление с нападения

7 августа на почтовую станцию Джил-Арык, расположенную на тракте Пишпек—Пржевальск, и на переселенческое село Новороссийское, расположенное в ущелье р. Большого Кемина.

Все горы Большого и Малого Кемина до Боомского ущелья были заняты повстанцами 8 августа.

Одному из пикетов, выставленному в Боомском ущелье, удалось захватить транспорт оружия, отправленного из города Верный в Пржевальск. Повстанцы захватили 170 винтовок и 40 тыс. патронов к ним. Сарыбагышцы и атекинцы дали клятву: «Рабочих не выставлять, а лучше умереть в борьбе».

Вскоре к атекинцам и сарыбагышцам присоединились киргизы Буранинской, Нурманбетовской и других волостей Чуйской долины. Тогда же восстание распространилось на Загорные области Пишпекского уезда, долину озера Иссык-Куль и на районы Кочкорки, Нарына, Атбаши, Пржевальского уезда, а также на ряд волостей Пишпекского уезда.

Дальше волна восстания перекинулась в долину р. Талас.

Напуганные широким масштабом начавшегося восстания царские власти приняли экстренные меры к укреплению наиболее важных русских населенных пунктов. Из числа мужского населения создавались пешие и конные боевые дружины, которые вооружались огнестрельным и холодным оружием.

Приказом генерал-губернатора Куропаткина для подавления восстания в Северной Киргизии были высланы воинские части.

Ход восстания в Пишпекском уезде.

В ночь с 7 на 8 августа переселенческое село Новороссийское, расположенное в глубине Б. Кемина, было сожжено и полностью уничтожено повстанцами. Жители села бежали в г. Токмак.

После взятия с. Новороссийского повстанцы двинулись в район станиц Самсоновской и Михайловской, расположенных в Кеминской долине. Вся долина Большого и Малого Кемина, за исключением станиц Самсоновской и Михайловской, была занята повстанцами. Был занят также почтовый тракт от Белого Пикета до Рыбачьего включительно. Все почтовые станции, мосты, ирригационные сооружения, телеграфные линии, расположенные на тракте, были уничтожены. Уничтожен был и Кеминский лесопильный завод. Царские власти Пишпекского уезда, напуганные широким размахом начавшегося восстания, спешно высылали воинские силы для подавления восстания.

Между тем повстанцами были сожжены селения: Орловка, Белый Пикет, Быстрорецкое и другие русские населенные пункты и почтовые станции, расположенные в Чуйской долине, к югу от Токмака. Население этих мест в панике бежало частью в Токмак, частью в станицу Самсоновскую и в селение Олихановское.

В горах повстанцами были организованы специальные мас-

терские по изготовлению боеприпасов и холодного оружия. Дети и женщины были отправлены в горы, где создавались базы снабжения продуктами; там же лечили раненых.

9 августа началось восстание киргизов в загорных волостях Сусамырской, Джумгальской, Кочкорской долин Пишпекского уезда. Инициатором восстания в этом районе явились киргизы Абаильдинской волости под руководством манапа Канаата Абукина, провозглашенного повстанцами «кочкорским ханом».

В этот же день к абаильдинцам присоединились киргизы Карачекинской, Темерболотовской, Кочкорской и других волостей. Вскоре волна восстания распространилась на все районы Центрального Тянь-Шаня до Нарына и Атбаши включительно. Канаату Абукину удалось в короткий срок создать и вооружить крупный отряд повстанцев, в количестве до 50 тыс. человек.

10 августа повстанцы загорных областей нанесли серьезное поражение отряду царских войск, после чего двинулись на переселенческое село Белоцарское. Село это было уничтожено. Одержав победу в этом районе, Канаат повел свой отряд через Шамшинский перевал в Чуйскую долину, где соединился с повстанцами, наступавшими на Токмак. Канаату удалось направить восстание по националистическому пути, разжечь национальную рознь.

10 августа началось восстание киргизов в районе Беловодского участка. Но здесь, как и в Южной Киргизии, манапы не стояли во главе движения, вследствие чего восстание приняло более яркий классовый характер.

Инициаторами восстания киргизов Беловодского участка были жители аилов Токтинского и Чининского Тлеубердинской волости. Они выступали под руководством дехканина Малика Момондарова, Сарымолдо Артыкбаева и других. К тлеубердинцам присоединились киргизы Джамансартовской, Бакинской и Карабалтинской волостей. Повстанцы, состоявшие преимущественно из молодежи, подлежащей призыву, свой гнев направили, главным образом, на представителей местной администрации: волостных управителей, старшин, баев и манапов.

Восстание в районе Беловодска продолжалось до 12 августа. Оно было жестоко подавлено командой солдат и дружиной, составленной из крестьян-кулаков с. Беловодска.

В тот же день в Беловодске, во дворе канцелярии участкового пристава Грибановского, было совершено избиение дружинниками и собравшимися кулаками 517 киргизов Тлеубердинской, Джамансартовской и Карабалтинской волостей.

11 августа восстали киргизы Иссык-Атинской и Булякбаевской волостей и в количестве 500 человек напали на переселенческие селения Юрьевку и Ивановку. Селение Юрьевка было унич-

тожено, жители его бежали в село Ивановку, в которое также пришли повстанцы.

Осада села Ивановки и сражение между повстанцами и царскими войсками продолжалось до 22 августа, пока из Ташкента не прибыл отряд, вооруженный пулеметами и артиллерией, под командованием подполковника Гейцига. Услышав о приближении большого количества войск, повстанцы частью ушли в горы, частью к городу Токмаку на соединение с киргизами, осаждавшими этот город.

К середине августа восстание охватило 19 волостей Пишпекского уезда. Главные силы повстанцев были сосредоточены в районе города Токмак.

12 августа киргизы Пишпекской, Буранинской, Нурманбетовской и Бейсеитовской волостей начали наступление на Токмак и село Покровское, расположенное рядом с ним.

Токмак, считавшийся одним из важных стратегических пунктов, еще до начала наступления восставших был укреплен. В окрестностях его была установлена охрана, население было вооружено, созданы дружины, сооружены баррикады. Гарнизон Токмака, помимо местных дружинников, состоял из отрядов верненской вольной и карательной дружины в 70 человек и 108 казаков с пулеметами, кроме того, из 350 человек пешей и конной дружины добровольцев, прибывших из Пишпека.

С 12 вплоть по 22 августа ежедневно с 9 часов утра до 7 часов вечера повстанцы штурмовали город.

Окрестное село Покровское было полностью уничтожено. Всякая связь между Токмаком и другими городами была прервана. Гарнизон города в основном придерживался оборонительной тактики, ожидая подкрепления, высланного из Ташкента.

Особенно ожесточенную атаку вели повстанцы на Токмак 20 августа. В этот день, несмотря на губительный огонь пулеметов, киргизы три раза ходили на штурм города. Им удалось проникнуть на окраины некоторых улиц. Но они понесли большие потери и вынуждены были вернуться на свои исходные позиции.

22 августа в Токмак прибыл отряд, высланный из Ташкента; несмотря на такое усиление гарнизона города, в этот день в 9 часов утра повстанцы, собрав все имеющиеся силы, снова бросились на приступ. Их встретил сильный пулеметный и артиллерийский огонь. После больших потерь они вынуждены были отступить. Преследуемые отрядами царских войск, перешедшими в наступление, они ушли через перевал Шамсы в долины Кочкорки и Джумгала и в сырты Александровского хребта.

Результаты боев под Токмаком решили судьбу всего восстания в Северной Киргизии. С этого момента начинается период постепенного затухания восстания в Пишпекском уезде, хотя отдельные отряды все еще продолжали борьбу. Так, на-

пример, в Карабалтинской волости 1—2 сентября киргизы напали на отряд, охранявший район почтовой станции Чалдывар. 9 — 10 сентября состоялось нападение части иссыкатинцев на с. Ивановку. Большое количество царских войск, стянутых к тому времени в район Токмака и Пишпека, дало возможность царским властям быстро подавить отдельные вспышки восстания. Эти выступления киргизов в Пишпекском уезде, по существу, были последними.

Восстание в Пржевальском уезде.

Такой же характер национальной розни, как в большинстве районов Пишпекского уезда, приняло восстание в Пржевальском уезде. Оно началось с нападения повстанцев на переселенческие селения, расположенные по северному берегу озера Иссык-Куль: Григорьевка, Семеновское, Курское и Долинка и на станицу Столыпино в долине Кочкора.

Волна восстания, шедшая с запада на восток, охватила весь Пржевальский уезд. Восстание началось 10 августа и настолько внезапно для царской администрации, что первые дни весь уезд был охвачен паникой.

В ходе восстания силы повстанцев сосредоточились, главным образом, вокруг крупных русских населенных пунктов: Сазановка, Преображенское (Тюп) и города Пржевальска.

В селении Сазановка сконцентрировались жители сожженных восставшими русских сел: Курского, Долинки, Григорьевки и Семеновки.

Десять тысяч повстанцев осаждали Сазановку в течение 4-х дней — с 15 по 18 августа. В помощь осажденным была выслана сотня под командой Овчинникова, прибывшая в Пржевальский уезд из города Верного. В результате сражения гарнизон Сазановки, потеряв 13 человек убитыми и 21 раненым, вынужден был под покровом ночи отступить в с. Преображенское (Тюп), где к этому времени сконцентрировались жители всех русских сел от Сазановки до Преображенского, включая и монахов Иссык-Кульского монастыря.

Бай-манапское руководство восстанием, разжигавшее национальную рознь, и здесь мешало проявлению солидарности между трудящимися массами русских и киргизов. Все же отдельные проблески такой солидарности пробивали себе дорогу.

Некоторые русские жители Пржевальского уезда открыто сочувствовали восставшим киргизам. Были случаи, хотя и немногочисленные, выступления некоторых русских на стороне повстанцев.

Фальбаумовский крестьянин (селение Кутурга) — георгиевский кавалер трех степеней Марк Давыдович Власенко 11 августа открыто перешел на сторону повстанцев, передал им две винтовки, два дробовика и во время наступления на с. Фольбаумовку

руководил группой повстанцев. Впоследствии Власенко был убит в бою с царскими отрядами.

В селении Александровском на сторону повстанцев перешел русский крестьянин Тимофей Лобзов с братом Афанасием и со всем семейством.

12 августа к повстанцам перешли крестьяне этого же села Степан Коваленко и Филипп Петрович Павлов. Эти крестьяне впоследствии были пойманы и убиты дружинниками. Преображенский волостной старшина И. В. Кошаев в начале восстания помогал повстанцам, снабжал их порохом и свинцом и впоследствии присоединился к их отрядам. Во время подавления восстания Кошаев был захвачен в плен и казнен.

16 августа началось наступление повстанцев на село Преображенское. Осада длилась до конца августа, до подхода крупных сил царских войск. Но главные силы повстанцы направили на овладение уездным центром—городом Пржевальском. Здесь были сконцентрированы жители всех переселенческих сел южного берега оз. Иссык-Куль. Повстанцы начали наступление 10 августа, 11-го к ним присоединились дунгане с. Мариинского (Ирдык).

Гарнизон города был очень слаб. Он состоял главным образом из дружин, сформированных из местных жителей. Их вооружение состояло из 135 винтовок и охотничьих ружей. В городе было только 80 солдат. На улицах были устроены баррикады. Телефонная связь между Пржевальском и областным центром г. Верным была прервана. Город был объявлен на осадном положении.

Обеспокоенный угрожающим положением города, губернатор Семиреченской области направил в Пржевальский уезд большое количество войск. С их приходом повстанцы, после больших потерь, вынуждены были снять осаду города.

Инициатива из рук повстанцев перешла в руки царских войск. Начались активные действия карательных отрядов по подавлению восстания.

23 августа в районе Рыбачье произошло большое сражение, в результате которого карательный отряд, под командованием хорунжего Берга, нанес повстанцам сильное поражение. С их стороны было убито до 800 человек.

Одновременно с восстанием в Иссык-Кульской долине началось восстание в районах Нарына. Здесь восстание началось 9 августа разгромом селения Куланак, расположенного в 40 километрах от Нарына.

Восставшими были разгромлены также селения Титовка и Атайка в долине Тогуз-Торо. Ими был сожжен мост через реку Атбаши. После ряда неудачных попыток взять укрепление Нарын, повстанцы откочевали к китайской границе.

Последнее крупное сражение восставших с карательным отрядом произошло 28 августа в ущелье Тогуз-Торо. Киргизы были разбиты и рассеялись в горах.

Восстание в Аулиэатинском уезде.

Восстание киргизов на территории современной Таласской области началось 11 августа в восточной части Аулиэатинского уезда, граничащей с Семиреченской областью. Восставшие нападали на почтовые станции, на лесообъездчиков, на отдельные хутора и поселки. 29 августа в районе селения Мерке киргизы и казахи, в числе около 1.000 человек, вооруженные пиками, топорами, ножами и самодельными кинжалами, совершили нападение на отряд пристава Меркинского участка. Пристав со своим отрядом вынужден был бежать в Мерке. После этого повстанцы разделились на несколько групп и напали на селения Каменку и Луговую. Здесь они подожгли несколько строений, забрали скот крестьян-переселенцев и ушли в горы.

Русские населенные пункты, расположенные по тракту Аулиэ-Ата—Пишпек и в районе уездного центра Аулиэ-Ата, охранялись достаточным количеством войск. Кроме того, по этому тракту через Аулиэ-Ата продвигались войска, высланные из Ташкента на подавление восстания в Северной Киргизии. Все это давало возможность быстро подавлять всякое выступление киргизов и казахов и уничтожить очаги восстания в их зародыше.

Не имея достаточной силы и вооружения, повстанцы вынуждены были уйти в глубокие ущелья гор. Некоторая часть через горные перевалы ушла в районы Тянь-Шаня.

В 20-х числах сентября волнения в Аулиэатинском уезде были подавлены. К середине октября 1916 г. восстание в Киргизии было подавлено повсеместно.

Причины поражения восстания.

Восстание потерпело поражение в силу стихийности, неорганизованности, значительного превосходства царских войск в вооружении, слабости техники вооружения повстанцев и отсутствия настоящего руководства, которое мог осуществить лишь рабочий класс и его партия. Бай-манапское руководство отрывало трудящихся дехкан от русских рабочих и крестьян и тем самым обрекало восстание на неизбежное поражение.

Оно потерпело поражение в силу отсутствия исторически сложившихся необходимых предпосылок, обеспечивающих успех национально-освободительных восстаний.

«Национальные войны против империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны, хотя, конечно, для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо особо

благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)»[1].

Успехи и неудачи многому научили киргизский народ. На опыте восстания стало очевидным, что сбросить цепи гнета баев и манапов и царских колонизаторов без помощи великого русского рабочего класса киргизский народ не сумеет. В этом историческое значение восстания 1916 г.

Политическое значение восстания киргизского народа в 1916 г. заключается также в том, что оно было направлено против русского самодержавия, подрывало устои царской империи, нанося чувствительные удары по глубоким тылам русского империализма.

Восстание помогало русскому рабочему классу в его революционной борьбе. Таким образом, колониальный Киргизстан из резерва империализма превращался в резерв пролетарской революции.

Разорение хозяйств повстанцев и репрессии против них.

В результате беспощадного действия карательных отрядов восставший киргизский народ понес большие потери людьми и материальными ценностями. В Северной Киргизии значительная часть киргизских аилов из-за страха перед карателями и очень часто под влиянием агитации манапов откочевала в Китай; в Южной Киргизии откочевка не имела такого массового характера.

Хозяйство кочевников было подорвано. Трудящиеся киргизы, как ушедшие в Китай, так и оставшиеся на родине, обречены были на смерть от голода и начавшейся эпидемии сыпного тифа.

Следующие цифры достаточно ярко характеризуют страшную картину разорения и бедствия, понесенных киргизским народом. В Пишпекском уезде из 21.813 хозяйств, имевшихся до восстания, к 1 января 1917 г. осталось 12.513 хозяйств: убыло 9.313 хозяйств, т. е. 42,66 процента. В Пржевальском уезде из 34.594 киргизских хозяйств, числившихся до 1916 г., убыло 24.252 хозяйства, т. е. 70,21 процента от числа всех хозяйств. Убыль киргизского населения к 1 января 1917 г. составляла в Пржевальском уезде 123.685 человек из имевшихся до восстания 176.429 человек, т. е. более 70 процентов. В Пишпекском уезде из 111.338 человек, числившихся до восстания, убыло 63.842, т. е. более 57 процентов.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 298.

Потери киргизских хозяйств в скоте (сюда не входит количество скота, погибшего во время бегства повстанцев в Китай) в Пишпекском уезде исчислялось в 44 процента из общего числа 984 тысячи голов; по Пржевальскому — 78 процентов от 1.485 тысяч голов.

Туркестанским генерал-губернатором был издан приказ, согласно которому все убытки, понесенные русским населением во время восстания, должны были возмещаться из сумм, вырученных от продажи имущества, конфискованного у участников восстания. К числу имущества, за счет продажи которого покрывались убытки, относился скот, отнятый у повстанцев в период военных операций, недвижимое и движимое имущество в виде домов, насаждений, посевов, запасов сена, лесных материалов и проч. Кулаки-переселенцы продолжали «возмещать свои убытки» вплоть до конца 1917 г.

В качестве одной из крупных репрессивных мер, которую предполагалось принять в отношении киргизов за восстание 1916 г., явился план генерал-губернатора Куропаткина о выселении киргизов из районов Пржевальского уезда, долины Кемина и части Чуйской долины и других мест в Нарынский край, с образованием там особого Нарынского уезда. На отобранных у высланных киргизов землях Пржевальского уезда предполагалось поселить только русских. Осуществлению этого плана помешала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Судьба беженцев-киргизов в Китае.

Повстанцы были пропущены китайскими пограничными властями в пределы Китая после того, как были полностью обезоружены. Основная масса беженцев была расселена в Уч-Турфанском и Аксуйском оазисах, часть — в Кашгарской провинции и часть — в районе Кульджи.

В общей сложности в Китай перешло около 30 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. человек. Особенно тяжелая участь постигла беженцев, перешедших в район Кульджи. Здесь они подвергались открытому ограблению со стороны феодалов и чиновников. Отсутствие подножного корма и неимоверная дороговизна сухого корма в районах расселения беженцев, при общей природной бедности западных районов Синьцзяня, довершили разорение беженцев. Рогатый скот их погиб целиком, лошадей осталось не более 10 процентов, баранов — 25 процентов и верблюдов — 50 процентов.

Страшную картину разорения и бедствия киргизов-беженцев в Китае рисуют участники восстания.

«Несмотря на преграду китайских пограничников, — рассказывает участник восстания, житель села Ново-Вознесенского Бегельдиев, — в конце сентября мы ринулись в пределы Китая. Здесь на нас напали калмыки и начали нас грабить, отобрали

имущество почти у всех киргизов, молодых женщин и девушек взяли себе в жены. Оказывать сопротивление было невозможно, так как мы были обезоружены при переходе границы китайскими солдатами и чиновниками. Лишенные всего имущества и скота, мы начали голодать, тут еще разразилась эпидемия сыпного тифа, люди начали умирать десятками и сотнями, например, из 11 человек моей семьи погибло 10 человек, остался я один»

Вести о свержении ненавистного «белого царя» и особенно о происшедшей в России Великой Октябрьской социалистической революции, об уничтожении власти помещиков, капиталистов, колонизаторов и установлении власти рабочих и крестьян были встречены трудящимися киргизами с небывалой радостью. С этого времени началось их массовое возвращение на родину.

Как только была установлена власть Советов в Туркестане, Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской Советской Социалистической Республики принял экстренные меры к спасению бедствующих киргизов-беженцев и к возвращению их на Родину.

§ 26. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Канун революции.

Лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую, выдвинутый большевиками во время первой мировой войны, нашел свое осуществление в России. Восставший пролетариат в союзе с крестьянством, под руководством большевистской партии, сверг самодержавие. Власть перешла к народу в лице Советов. Пользуясь недостаточной сознательностью и организованностью пролетариата и крестьянства, буржуазия и помещики, при помощи меньшевиков и эсеров, образовали свое правительство. Создалось двоевластие.

Революция, начавшаяся в Петрограде, быстро ширилась по всей стране, втягивая в борьбу самые отдаленные районы. «С быстротой молнии, — писал 14 марта 1917 г. в «Правде» И. В. Сталин,— двигается вперёд колесница русской революции. Растут и ширятся повсюду отряды революционных борцов. В корне расшатываются и падают устои старой власти. Теперь, как и всегда, впереди идёт Петроград. За ним тянется, спотыкаясь подчас, необъятная провинция»[1].

Уже в первые дни революции был охвачен борьбой весь Туркестанский край и самая восточная его окраина — Киргизия.

Ко времени февральской буржуазно-демократической революции хозяйственная и политическая обстановка в Киргизии была

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 1.

исключительно напряжена. Резкий упадок сельского хозяйства, проявившийся в снижении посевных площадей, в катастрофическом сокращении поголовья скота; необычайная дороговизна на продукты питания и промышленные товары; голод среди значительной части населения, потеря людей за время войны; бесчеловечная расправа царизма с киргизским народом после восстания 1916 г. — все это усиливало ненависть к царизму. Городская беднота и трудящееся русское и киргизское дехканство, составляя силы революции в крае, вступили в борьбу за свое освобождение.

Но условия для победы революции в Киргизии были значительно сложнее, чем в центре и таких городах, как Ташкент. Пролетариат Киргизии был малочислен, распылен и не имел, как пролетариат центра, опыта революционной борьбы. Еще менее были организованы трудящиеся массы крестьянства. Киргизское дехканство, обескровленное при подавлении восстания 1916 г., придавленное продолжавшимися расправами и голодом, опутанное сетью родовых пережитков, не могло без помощи русского народа самостоятельно выступить.

Кроме всего, сказывалось отсутствие местной большевистской организации, которая стала оформляться только к концу 1917 г.

Все же сила большевистского слова, большевистской правды проникала в народ. Её несли рабочие-большевики, насчитывавшиеся тогда в Киргизии единицами, несли большевистски настроенные солдаты, возвращавшиеся с фронта, несли с тыловых работ киргизы.

Силы контрреволюции составляли царские чиновники, торговцы и промышленники, финансисты, националистическая буржуазия, манапы, реакционное духовенство, кулачество и казачьи верхи.

Главными центрами борьбы были города, среди которых в революционном движении в Киргизии ведущую роль играл Пишпек. Являясь узлом дорог, связывавших его с Ташкентом, Верным, Токмаком, Пржевальском, Нарыном, Пишпек оказался местом большого скопления людей. Через него отправлялись мобилизованные на фронт и на тыловые работы, ехали отпускники-солдаты, имевшие семьи в Киргизии. Значение Пишпека усиливалось еще и тем, что в его районе к этому времени сконцентрировались рабочие, занятые на работах по орошению Чуйской долины. На чуйском строительстве одних служащих и квалифицированных рабочих было свыше 200 человек, а занятых на земляных работах — свыше 2 тысяч мобилизованных на тыловые работы киргизов и казахов.

В первые же дни революции из рабочих Чуйского управления по строительству канала и ремесленников Пишпека сложилась рабочая организация, сыгравшая большую роль в развитии революции и в установлении советской власти в Пишпеке. Потребность в квалифицированных рабочих и отсутствие их на месте

заставляли начальство Управления приглашать их из Центральной России. Ехали из Луги и Петрограда, Киева и Москвы, из Поволжья и Прибалтики. Среди них были кадровые и потомственные рабочие, как, например, Василий Осетров, работавший более 40 лет слесарем и механиком на Балтийской и Псково-Рижской ж. д. и Путиловском заводе. Поэтому не случайно, что среди рабочих строительства имелись социал-демократы. Был здесь и организатор пишпекских большевиков А. И. Иваницын. Чуйская организация рабочих явилась одним из очагов проникновения большевистских взглядов в народные массы Киргизии.

На юге Киргизии пролетариат был представлен шахтерами угольных копей Кызыл-Кия, Сулюкта, Кок-Янгак и др. Преобладающее число шахтеров были киргизы. Рабочие-угольщики являлись основной опорой в революционной борьбе против царизма и буржуазии. Но отдаленность от городов, почти полное отсутствие социал-демократических рабочих ко времени февральской революции ослабляло их роль. Город Ош, хотя по численности населения был много больше Пишпека, играл менее заметную роль в революционной борьбе. Влияние революционного Ташкента сюда проникало меньше, нежели на Пишпек. Большее влияние на него оказывал областной центр Скобелев. В последнем преобладали чиновничьи элементы, банковские дельцы, юристы и адвокаты, предприниматели и торговцы, военные чины и духовенство. Там было незначительное число рабочих и дехканской бедноты.

Крестьянская масса в Киргизии по своему экономическому и социальному положению так же, как и в центре России, делилась на три основные группы, из которых среднее и бедняцкое крестьянство составляли трудовую часть, а кулачество—эксплоататорскую. Кулачество концентрировалось преимущественно в старожильческих селах; имелось значительное количество там и бедноты, но основная ее масса находилась в переселенческих селах, возникших в годы столыпинской реакции. В условиях Киргизии, где политика колониального и национального гнета царизма предоставляла кулачеству неограниченные возможности для эксплоатации киргизской бедноты, выработался тип беспощадного эксплоататора-колонизатора. Подчеркивая эту сторону, И. В. Сталин называет его хищным великорусским кулачеством[1]. Являясь опорой самодержавия в проведении политики колониально-национального гнета, кулачество в то же время, как и в 1905 г., было непрочь принять участие в свержении самодержавия при условии установления «твердой» власти, которая обеспечила бы дальнейшее укрепление его привилегий и открыла бы новые пути капиталистическому развитию.

Трудящаяся масса крестьянства, особенно беднота, испытавшая на себе тяжесть царского гнета, безземелье, в силу чего

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 26.

пришлось с родных мест переселяться за тысячи верст, разорявшаяся и не вылезавшая из нужды и на новых местах, была наиболее активной силой в борьбе с царизмом. Среди нее раздавались голоса возмущения против царизма и его политики охраны помещичьего землевладения, против войны. Эта часть деревни восприняла Советы, как свою родную власть. Но трудящееся крестьянство было недостаточно сознательно, поддавалось буржуазному влиянию, не умело само правильно разбираться в вопросах классовых и национальных взаимоотношений. Поэтому оно после свержения царизма оказалось в плену меньшевистско-эсеровского влияния и поддерживало Временное правительство, пока большевистская партия не провела большой разъяснительной работы.

Свою революционную роль трудящиеся слои могли выполнить лишь в общей борьбе всех народов России при гегемонии пролетариата и под руководством большевистской партии. Восстание 1916 г., как и другие, показало, что изолированные выступления киргизских трудящихся масс обречены на неудачу. Большой помехой ясному пониманию киргизскими трудящимися своих классовых и политических задач, его сближению с русским народом были темнота, забитость, придавленность страшной нуждой и страданиями, которые они испытывали, особенно после подавления восстания 1916 г. Немалое значение имели также влияние родовых пережитков и религиозных предрассудков, национальная отчужденность, которая усиленно разжигалась манапами и баями и подкреплялась царской политикой национального гнета.

При таких условиях решающими моментами для объединения всех сил трудящихся Киргизии в единый поток борьбы за свое освобождение была победа революции в центре России и Ташкенте и большая разъяснительная работа, которую могли выполнить только большевики, что ими и было с честью осуществлено.

Февральская революция в Киргизии.

Известие о свержении самодержавия, полученное краевой царской администрацией вечером 28 февраля, было для нее неожиданностью. Боясь народных выступлений и надеясь на восстановление монархии, она скрыла от народа полученное известие о революции в Петрограде. Генерал-губернатором Куропаткиным было дано распоряжение не публиковать «....никаких сведений о происшедших в Петрограде событиях». И только 4 марта появились сообщения об этом в газетах. Стремясь всячески ослабить влияние революции на массы, контрреволюционеры пытались объяснить все происшедшее, как результат деятельности Государственной Думы, как добровольное отречение Николая II, как реформу, а не революцию. «Радуюсь столь сознательному отношению граждан Туркестана к великой реформе», — писал 10 марта военный министр Гучков Куропаткину.

В таком же духе объяснял события и Куропаткин в приказе по краю от 4 марта, в котором говорилось, что Николай II, в це-

лях сплочения всех народных сил для военной победы, «признал за благо отречься от престола». При этом проводилась мысль о преемственности власти Временного правительства от самодержавия с санкции царя. Монархическая буржуазия и помещики надеялись с помощью Временного правительства и Учредительного собрания восстановить монархию.

Временное правительство, в целях борьбы с революцией, хотело сохранить в неприкосновенности аппарат управления, руководство армией, оставляя последнее в руках царского генералитета, офицерства, о чем совершенно ясно свидетельствовал приказ Гучкова от 4 марта. В Туркестане этот приказ распространялся и на гражданское управление, где оставалась власть в руках царской администрации. Требуя себе подчинения на местах, Куропаткин ссылался на то, что Временное правительство сохранило его как командующего и дает ему распоряжения как генерал-губернатору.

Надежды контрреволюционеров на политическую изоляцию Туркестана не оправдались. В борьбу втягивался весь Туркестанский край, самые глухие его углы. Известие о свержении самодержавия народ встретил всеобщим ликованием. По городам проходили митинги, демонстрации, собрания. По примеру рабочих и солдат Петрограда, Москвы стали образовываться Советы, которые глубоко вошли в сознание и жизнь народа как органы народной власти. 2 марта был организован Совет рабочих депутатов в Ташкенте, а затем и в других городах края. В это же время стали возникать и Советы мусульманских рабочих депутатов и другие организации, объединявшие трудящиеся массы.

Опасаясь возрастающего авторитета Советов в народе, буржуазия, с помощью меньшевиков и эсеров, стала в противовес им создавать исполнительные комитеты и комитеты общественной безопасности, вводя в них своих представителей. Первоначальное назначение этих комитетов заключалось в поддержке оставшейся у власти царской администрации.

Но народ не желал мириться с тем, что у власти оставалась царская администрация. По инициативе рабочих и солдат царские чиновники стали смещаться и арестовываться. Некоторые из них бежали в Ташкент под защиту Куропаткина. Недолго оставался и он. Решением Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов от 30 марта Куропаткин был отстранен от власти и арестован. Правительство было поставлено перед фактом, что революционный народ лишал власти царскую администрацию и даже арестовывал ее представителей. Поэтому, боясь, как бы власть не оказалась в руках народа, Временное Правительство постановлением от 7 апреля создало Туркестанский комитет во главе с кадетом Щепкиным. Активную поддержку при этом оказали Временному Правительству меньшевики, эсеры и буржуазные националисты. В состав Туркестанского комитета они ввели своих

представителей. Опорой Временному Правительству в Туркестане являлись также, возникшие в ходе Февральской революции, националистические союзы, организаторами которых была националистическая буржуазия, реакционное духовенство и феодальные слои. Они мечтали об образовании национального государства, которым всецело управляли бы они, рост же классового самосознания в народе пугал их и заставлял держаться Временного Правительства и помогать ему бороться с революцией. Так наметились два лагеря: революционный и контрреволюционный.

В Киргизии первые Советы возникли в городах Пишпеке и Оше; в Пишпеке — в первых числах марта, а в Оше — 14 марта. Инициаторами были революционно настроенные солдаты. В первые дни в Пишпеке Совет солдатских депутатов назывался Союзом солдатских депутатов. Наряду с Советом солдатских депутатов, в Пишпеке образовался Совет депутатов рабочих и ремесленников. То же самое было и в Оше. Там переименование из Союза в Совет было принято на пятом заседании Союза 24 марта. В других городах Киргизии Советы появились позже.

Возникновение Советов в первые же дни революции в таком отсталом районе, как Киргизия, свидетельствовало о силе и размахе революции, о том, что идея Советов как органов народной власти жила после революции 1905—1907 гг. в народе. В этом сказывалось большевистское влияние. Особенно важно то, что идеи большевизма проникали и в среду трудящихся киргизов. В списке служащих и рабочих Чуйского строительства за апрель 1917 г., наряду с русскими, которые по партийной принадлежности отмечались как коммунисты, имелись и киргизы, например, чернорабочий Байтырбеков, кирпичник Бакиев, Ортай Ченыльбаев, Ахметбек Мокишев и др. Киргизы-рабочие Чуйского строительства также состояли в чуйской рабочей организации.

Стремясь не допустить народ к активному участию в политической жизни, городская буржуазия вкупе с царскими чиновниками решила сама провести установление «нового режима», отводя трудящимся массам роль пассивного наблюдателя. В Пишпеке, прежде чем довести до сведения народа о падении самодержавия, городские заправилы в лице так называемого Собрания уполномоченных, существовавшего при городском управлении, обсуждали 7 марта, как это сделать. Было решено 10 марта провести народное гулянье, где и объявить об отречении Николая II и о создании нового правительства, а чтобы народ не смог вмешаться в дела управления городом, тем более, что уже существовал Совет солдатских депутатов, было решено создать Временный Исполнительный комитет в составе 10 человек. В этом комитете половина мест должна была принадлежать представителям от Собрания уполномоченных, остальные пять отводились «Обществу Взаимного кредита», Кредитному товариществу, Чуйскому потребительскому обществу и Совету солдатских депутатов.

С представителями кредитных обществ цензовые элементы города получили бы в таком случае абсолютное большинство. Такой состав Исполнительного Комитета предполагалось утвердить на городском митинге.

10 марта на церковной площади города было открыто народное гулянье, превратившееся в политический митинг. Народные массы, ненавидевшие царизм, в его падении видели свое освобождение. Заблуждаясь, они считали Временное Правительство революционной властью. Хотя митингом и руководили представители городских верхов и чиновничества (председательствовал воинский начальник—подполковник Писаржевский), но в полной мере буржуазным верхам и чиновничеству города не удалось осуществить своего плана. Присутствовавшие рабочие, солдаты и служащие на митинге стали выдвигать новых кандидатов в Исполнительный Комитет и открытым голосованием утвердили его состав. Результатами этих выборов цензовики из городского управления были недовольны, тем более, как заявил городской староста Васильев на Собрании уполномоченных, что Исполнительный Комитет выделил 3-х комиссаров для контроля над деятельностью городского общественного управления. Сами затеяв создание Исполнительного Комитета, градоуправители после того, как состав оказался не совсем угодным для них, стали говорить о неправомочности не только комиссаров Комитета, но и самого Исполнительного Комитета. Из 15 членов Собрания уполномоченных против признания полномочий комиссаров и Исполнительного Комитета голосовало 7 человек, остальные же 8 голосовали за признание лишь из-за того, чтобы, как говорилось в постановлении, не «создавать опасного для общественного порядка и спокойства прецедента».

За вывеской таких же комитетов, как якобы органов новой власти, эксплоататорская верхушка вкупе с царской военщиной пыталась сохранить свою власть во всей Киргизии. В то же время сохранялся старый царский аппарат управления, в руках которого находилась официальная власть. В Пишпекском уезде до 20 марта управлял уездный начальник Рымшевич, известный своим зверским отношением к киргизскому населению. До конца марта в Ошском уезде управлял полковник Бржезицкий, а в Пржевальском — пристав Самойлов.

Однако волна народной революции разрасталась. В Пишпеке и других городах и селах агитаторы призывали к полному свержению власти старорежимников и к повсеместному созданию органов народной власти. Особенно бурно развернулись события в Пишпеке. Здесь рабочие и солдаты, возглавившие 29 марта революционную часть города, арестовали и посадили в Пишпекскую тюрьму уездного начальника Рымшевича. Это выступление показало, что народ не признает старой власти. Напуганные народным выступлением буржуазия города и царские чиновники в

страхе сообщали о происходившем в города Верный и Ташкент. Из Пишпека полковник Рукин передал в Верный телеграммою военному губернатору Алексееву, а последний—в Ташкент Куропаткину, что в Пишпеке власть в руках народа, что арестован Рымшевич и свергнут Временный комитет. Рымшевич в это время умолял Алексеева: «Прошу перевести тюрьму в Верный. Здесь моей жизни угрожает опасность».

Такая же борьба шла и на юге Киргизии. Решением Ошского Совета солдатских депутатов от 31 марта были отстранены от управления уездом полковник Бржезицкий и его помощник Городысский. Совет решил «заменить вообще постепенно всю администрацию в уезде новым составом...» Вопреки Временному правительству, народ уничтожал царскую машину управления.

С образованием Туркестанского комитета Временного Правительства были назначены комиссары Временного Правительства по областям и уездам, чем и завершалось установление власти Временного Правительства в Киргизии. Как и во всей стране, здесь установилось двоевластие.

Известие о свержении царизма киргизский народ встретил, как и все угнетенные народы России, с большим ликованием. С свержением царизма киргизский народ связывал свое освобождение от гнета и эксплоатации.

Мобилизованные царским правительством на тыловые работы киргизы стали возвращаться по домам, покидая работу. В отдельных местах на почве тяжелой работы и голода происходили волнения среди мобилизованных киргизов. Такое же положение было и среди киргизов и казахов, работавших на Чуйском строительстве, общее число которых к марту 1917 г. превышало 2 тысячи человек. Плохое питание и тяжелые земляные работы приводили к сильному истощению, заболеваниям и частым случаям смертности среди мобилизованных киргизов. Уже в первых числах марта подавались прошения об отпуске домой, о замене их другими, но прошения оставались без удовлетворения. Под влиянием революции в Петрограде, событий в Пишпеке и агитационной работы среди киргизов-рабочих начались волнения. В середине марта, когда в Пишпеке хозяином города был по сути народ, с магистрального канала ушли почти все рабочие-киргизы. Так, из ста рабочих Восточно-Сукулукской волости ушло в период с 16 по 21 марта 73 человека, из Кунтуевской из 100 человек ушло 78. Волновавшаяся в конце марта Канаевская сотня почти полностью оставила работу.

Общение с русскими рабочими и солдатами повышало политический уровень рабочих-киргизов, формировало в них революционное сознание. Все большие массы киргизского народа включались в революционную борьбу.

В развернувшемся национально-освободительном движении в отдельных местах руководство захватили представители национа-

листической буржуазии и маналства. Указывая на это, как на общее для всех российских окраин явление, И. В. Сталин писал: «В эпоху буржуазной революции в России (в феврале 1917 г.) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплоатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнёта» — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция»[1]. «Общенациональные» организации возникали и на территории Киргизии, причем в значительной мере при большом влиянии казахской и узбекской буржуазии. В первые же дни буржуазно-демократической революции в Ташкенте образовалась организация «Шуро и Исламия», ответвления которой стали создаваться в городах Ферганы, Семиречья и других областях края. Появились они и в Киргизии—в Пишпеке, Оше, Токмаке, Пржевальске и Нарыне. Организатором этих союзов вначале была узбекская торгово-промышленная буржуазия. Одновременно образовались организации, создававшиеся казахской, киргизской, татарской и дунганской буржуазией. В первой половине марта 1917 г. в Верном был образован Общемусульманский комитет. В конце марта из него выделился Киргизский общественный комитет, возглавляемый буржуазным националистом Джайнаковым. В апреле образовался Киргизский общественный комитет в Пишпеке, а затем и в других городах Северной Киргизии. Основателями их была киргизская феодально-буржуазная верхушка, преимущественно из бывшей царской киргизской администрации, вроде волостного управителя Сатыркула Джангарачева, и из буржуазной интеллигенции, как студент Казахского университета Сарыкулаков. На юге были созданы союзы «Илятия», «Туран» и ряд других организаций.

Все эти националистические организации могли задержать, но не предотвратить пробуждение классового самосознания трудящихся коренного населения. Способствовало пробуждению классового самосознания масс также нежелание Временного Правительства разрешить национальный вопрос — важнейший вопрос революции в национальных окраинах государства. Все осталось по-старому: киргизам не были возвращены их земли, в том числе и земли, захваченные у них колонизаторскими элементами в результате подавления восстания 1916 г. Участники восстания преследовались. Предполагалось даже осуществить жестокий проект Куропаткина о выселении киргизов в Нарынский район. В первые месяцы революции трудящиеся киргизы много-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 155—156.

надежд возлагали на Временное Правительство. Когда весть о свержении самодержавия проникла в северо-западные районы Китая, беженцы-киргизы потянулись обратно на свои родные пастбища Тянь-Шаня и Семиречья. В этом стремлении возвратиться на родину стихийно проявлялось понимание трудящимися массами киргизов, что их враг не русский народ. Киргизы надеялись, что с падением самодержавия будет уничтожен тот колониально-национальный гнет, который привел их к нищете и поставил в 1916 г. на край гибели. Но киргизский народ был жестоко обманут Временным Правительством и его агентами на местах.

«Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело, однако, к уничтожению национального гнёта. Старая грубая форма национального гнёта сменилась новой, утончённой, но зато более опасной формой гнёта», — писал И. В. Сталин[1].

Временное Правительство не сделало ничего для возвращения беженцев на родину, никаких мер оно не предприняло, чтобы пресечь вымогательства, а порой и прямой грабеж имущества беженцев, которые стихийно возвращались из Китая. Ничего не сделали для облегчения участи беженцев и «общенациональные» организации местной буржуазии. «Становилось очевидным,—писал И. В. Сталин, — что освобождение трудовых масс угнетённых национальностей и уничтожение национального гнёта немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами»[2]. Эта мысль все более и более проникала в сознание трудящихся масс киргизского народа.

Период Февральской буржуазно-демократической революции в Киргизии так же, как и в центральных районах страны, закончился установлением двоевластия: с одной стороны, власти буржуазии и помещичьих элементов края, с другой — власти народа в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако слабость в Киргизии пролетариата и революционной социал-демократии, предательство агентов буржуазии, т. е. эсеров и меньшевиков, предательская политика национальной буржуазии сделали невозможным тогда решить коренные вопросы революции: национальное освобождение киргизского народа, аграрный вопрос, бытовое устройство киргизов-беженцев и др.

Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую становилось неизбежным. Но осуществить это киргизский народ мог только лишь под руководством и при прямой поддержке его со стороны героического русского рабочего класса.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 156.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 158.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.

II — начало I тысячелетия до н. э.	— Век меди и бронзы на территории Киргизии.
IX в. до н. э.	— Начало века железа в Киргизии.
VII — III вв. до н. э.	— Господство племенного союза саков.
III в. до н. э.	— Создание на Тянь-Шане усунского племенного союза.
201 до н. э.	— Подчинение киргизов Енисея гуннам. Первое упоминание о стране киргизов — Гэ-Гунь в произведениях китайских историков.
I в. до н. э.	— Вторжение на Тянь-Шань северных гуннов.
36 до н. э.—156 н. э.	— Свержение енисейскими киргизами гуннского владычества.
36 до н. э.	— Независимое существование страны киргизов на Енисее.
156 — сер. III в. н. э.	— Киргизы в вассальной зависимости от сяньбийцев.
Середина III в. — конец VI в.	— Независимое существование страны киргизов на Енисее.
Середина VI в.	— Образование Тюркского каганата.
581	— Распад Тюркского каганата на Восточный и Западный и включение Семиречья в состав Западного каганата.
Конец VI в.	— Подчинение киргизов Енисея Восточно-тюркскому каганату.
682 — 693	— Освободительные войны киргизов против тюркских каганов.
745	— Начало борьбы между двумя дофеодальными объединениями — киргизским и уйгурским.
748	— Вторжение китайских войск в пределы Семиречья и разрушение ими ставки тюргешей гор. Суяба.
758 — 808	— Вассальная зависимость киргизов на Енисее от уйгуров.
766 — 940	— Господство карлуков в Семиречье и на Тянь-Шане.
847	— Разгром киргизами уйгуров и перенесение главных кочевий киргизов с р. Енисея на р. Орхон.
847 — 924	— Раннефеодальное кочевое государство киргизов в Центральной Азии.
924	— Нападение на киргизов кара-китаев и вытеснение уйгурами киргизов из Восточного Туркестана Утрата киргизами господства в Мон-

голии и перекочевка основных масс киргизов вновь к верховьям р. Енисея.

942 — Завоевание караханидами города Баласагуна.

999 — Завоевание караханидами Мавераннахра.

Начало XI в. — Распад государства караханидов на феодальные уделы.

1069 — Хаджи Юсуф, выходец из Баласагуна, написал первое дошедшее до нас литературное произведение на тюркском языке «Кудатгу — Билик» — «Знание, дающее счастье».

1121 — 1124 — Кратковременное вторжение кара-китаев в страну киргизов на р. Енисее.

1125 — 1137 — Падение власти караханидов в Северной Киргизии.

1207 — Вторжение монгольского отряда под командованием Джучи в страну киргизов на р. Енисее.

1211 — Вторжение в северное Семиречье монгольских отрядов под начальством Хубилая.

1212 — 1218 — Правление Кучлука в Семиречье.

1218 — Свержение Кучлука монголами и разрушение ими города Баласагуна.

1220 — Завоевание монголами Семиречья и Восточного Туркестана.

1221 — Путешествие в Семиречье китайского отшельника Чан-Чуня.

1227 — Включение Киргизии в состав владений сына Чингиз-хана — Джагатая.

1251 — Крупное восстание киргизов Енисея против монгольского ига и жестокое подавление его.

1259 — Свидетельство китайского путешественника Чандэ о разрушении монголами многих городов в стране между Чу и Таласом.

XIII в. — Упадок земледелия в Семиречье и возрастание роли пастбищного хозяйства монголов-скотоводов.

XIII в. — Переселение значительной массы киргизов с Енисея на Тянь-Шань.

Середина XIV в. — Свержение енисейскими киргизами монгольского ига.

Середина XIV в. — Включение Семиречья в состав Могулистана.

1370 — 1371 — Поход Тимура на Кочкорку.

1375 — Второе вторжение Тимура в Киргизию.

Середина XV в. — Расселение калмыков в Иссык-Кульской котловине.

Середина XV в. — Образование Казахского государства.

1503 — 1508 — Борьба киргизов против войск могулистанского хана Мансура.

1510 — 1512 — Вытеснение киргизов из Могулистана и Аксу в западный Тянь-Шань и к озеру Иссык-Куль.

1517 — Борьба киргизов под водительством Махмуд-хана против Саид-хана могулистанского. Пленение Саид-ханом Махмуд-хана киргизского.

1522 — Возвращение Махмуд-хана на Тянь-Шань и восстановление его власти над киргизами.

1524 — Отстранение Махмуд-хана от власти над киргизами и увод его в Кашгар по приказу Саид-хана.

1524 — 1550	— Существование киргизско-казахского военного союза.
1526	— Свержение объединенными силами киргизов и казахов владычества могулистанских ханов на Тянь-Шане и в прилегающих степях.
1546	— Поражение объединенных войск киргизов и казахов могулистанским Рашид-ханом.
1550	— Падение киргизско-казахского военного союза на Тянь-Шане.
1557 — 1560	— Окончательное падение власти могулистанских ханов в Семиречье.
1606 — 1608	— Первые переговоры киргизских князей Енисея с русскими воеводами в городе Томске.
1620	— Набег тяньшанских киргизов на Могулистан.
1636	— Переселение 12 тыс. кибиток тяньшанских киргизов в Гиссар.
1652	— Нашествие могулистанского хана Алтына на енисейских киргизов и освобождение их от гнета Алтына с помощью русских.
1684	— Посольство в Москву князя енисейских киргизов Иренака.
Конец XVII в.	— Нашествие калмыков в Семиречье.
Перв. полов. XVIII в.	— Вытеснение калмыками части киргизов в Фергану, Памир и Кашгар
1758	— Разгром китайскими войсками калмыцких тайщи в Киргизстане.
1770	— Крупный набег казахского хана Аблая на киргизов, кочевавших в южном Семиречье.
1760 — нач. XIX в.	— Возвращение киргизов из Ферганы на Тянь-Шань и окончательное заселение ими современной территории.
1786	— Первое посольство племени сарыбагыш к Екатерине II.
1799 — 1809	— Правление в Коканде хана Алима.
1810 — 1842	— Завоевание Киргизии Кокандским ханством.
1814	— Посольство племени бугу к русским с просьбой об оказании помощи в борьбе против китайских феодалов и кокандских ханов.
1816	— Восстание киргизских родов турайгур и чонбагыш в Ташбалыке против гнета китайских феодалов.
1821	— Восстание северных киргизов и казахов против Коканда.
1822	— Война киргизов (племени чонбагыш) во главе с Суранчи против Кашгара.
1825	— Второе посольство бугинцев к русским властям Сибири с просьбой о помощи в борьбе с Кокандским ханством.
30 гг. XIX в.	— Восстание киргизов во главе с Тайлаком против кокандских ханов.
1835 — 1855	— Войны между сарыбагышами и бугинцами.
1842	— Восстание киргизов Иссык-Кульской котловины (племен бугу, саяк и сарыбагыш) против кокандских завоевателей.
1843	— Изгнание восставшими киргизами кокандских гарнизонов с берегов озера Иссык-Куль

и уничтожение на некоторое время кокандского гнета.

1845 — Восстание ошских киргизов против Коканда.

1846 — Подчинение казахов Старшего жуза России.

1847 — Борьба Кенесары против киргизов и его гибель.

1854 — Образование Сыр-Дарьинской укрепленной линии.

1854 — Основание укрепления Верного (ныне города Алма-Ата).

1855 — Принятие бугинцами русского подданства.

50 гг. XIX в. — Феодально-племенные войны между манапами племен солто и сарыбагыш, солто и багыш, сарыбагыш и саяк, сарыбагыш и бугу.

1856 — Первая экспедиция русского ученого П. П. Семенова на Тянь-Шань.

1857 — Вторая экспедиция П. П. Семенова на Тянь-Шань.

1857 — Первая запись (сокращенная) эпоса «Манас» Чоканом Валихановым.

1857 — Восстание киргизов против Коканда.

1858 — Составление первой карты всего Тянь-Шаня.

1860, 26 августа — Взятие царскими войсками кокандской крепости Токмак.

1860, 4 сентября — Взятие царскими войсками кокандской крепости Пишпек.

1860, 22 октября — Узунагачское сражение.

1860 — 1942 — Жизнь и деятельность Тоголок Молдо.

1862 — Новое наступление русских войск против Коканда в Чуйской долине. Участие киргизов в борьбе с Кокандским ханством.

1862, 24 октября — Вторичное взятие русскими войсками совместно с киргизскими отрядами Пишпека

1862 — 1877 — Народное восстание в западнокитайских провинциях.

1863 — Взятие русскими войсками кокандских крепостей Джумгал и Куртка.

1863 — Принятие русского подданства племенем чирик.

1864 — Путешествие русского ученого Н. А. Северцева в Северную Киргизию.

1864 — *Взятие русскими войсками Чимкента, Туркестана и Аулиэ-Ата.*

1864 — 1933 — Жизнь и деятельность Токтогула Сатылганова.

1865, 17 мая — Взятие Ташкента.

1866 — Завершение включения Северной Киргизии в состав России.

1867 — *Образование Туркестанского генерал-губернаторства.*

1867 — Путешествие Н. А. Северцева на Тянь-Шань.

1868, 29 января — Заключение между генерал-губернатором Кауфманом и Худояр-ханом мирного договора и превращение Кокандского ханства в вассальное владение царской России.

1868 — Прибытие в Киргизию первой партии русских переселенцев.

1868, 21 октября — «Временное положение об управлении в степных областях».

1870 — Исследование Памиро-Алайской системы

и изучение фауны Средней Азии Н. А. Северцевым.

1871, 26 июня — Занятие русскими войсками Илийского края.

1873 — 1876 — Восстание трудовых масс киргизов, кипчаков и узбеков против кокандских феодалов и местных эксплоататоров.

1876, 18 февраля — Упразднение Кокандского ханства и включение его в состав Туркестанского генерал-губернаторства.

1876 — Включение Южной Киргизии в состав России.

1876 — 1886 — Путешествие и исследование Тянь-Шаня Н. М. Пржевальским.

1877 — 1883 — Переселение уйгуров и дунган в Киргизию.

1878 — Преобразование поселения Пишпек в уездный город.

1879 — Создание в Пишпеке первых школ.

1880 — 1888 — Постройка Закаспийской железной дороги.

1881 — Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей.

1885 — Год рождения в Пишпеке выдающегося деятеля большевистской партии и талантливого полководца Советской Армии М. В. Фрунзе (умер в 1925 г.).

1885 — Запись и первые издания отрывков из эпоса «Манас» В. В. Радловым.

1885 — 1889 — Создание первых больниц и врачебных пунктов в Киргизии

1886 — «Положение об управлении Туркестанским краем».

1896 — Прокладка Сибирской железнодорожной магистрали по территории Казахстана

1897 — Открытие Туркестанского отдела Русского географического общества.

1898 — 1899 — Открытие каменноугольных копий в Кызыл-Кия.

1899 — Закончено строительство железнодорожной магистрали от Самарканда до Ташкента с ветвью на Андижан.

1899 — 1905 — Постройка железной дороги Оренбург—Ташкент.

1900 — Основано первое оседлое киргизское поселение Таш-Тюбе.

1904, 1 мая — Первая маевка в Ташкенте.

1904 — Организация Переселенческого управления.

1905 — 1907 — Первая буржуазно-демократическая революция в России.

1905 — Волнения рабочих Кызыл-Кия.

1905 — Аграрное движение в Туркестане.

1905, 15 — 17 октября — Октябрьская стачка в Туркестане.

1906 — Волнения крестьян в Пишпекском уезде.

1906, февраль — Первая социал-демократическая конференция в Туркестане.

1907, июнь — Волнения дехкан Джузан-Арыкской волости Пржевальского уезда.

1907, 3 июня — Избирательный закон о выборах в третью Государственную думу, лишивший избирательных прав народности Сибири, Средней Азии и Казахстана.

1907	— Объявление всей Семиреченской обла военном положении.
1911	— Образование социал-демократического к в Пишпеке.
1912	— Волнения дехкан Чаткала.
1914, 1 августа	— Начало первой мировой войны
1914	— Организация в селе Беловодском С. Гайв ским социал-демократического кружка.
1916, 25 июня	— Указ Николая II о мобилизации в арми тыловые работы киргизов, узбеков, каза туркмен, дунган и уйгуров.
1916, июль — октябрь	— Национально-освободительное движение в гизии.
1916, октябрь	— Подавление восстания и массовый уход киргизов в Китай.
1917, 27 февраля	— Февральская буржуазно-демократическая ре волюция в России
1917, 2 марта	— Организация Ташкентского Совета рабоч путатов.
1917, 8 марта	— В Пишпеке стало известно о свержении державия.
1917, март	— В Пишпеке, Пржевальске, Оше и друг стах Киргизии возникают Советы солдатских депутатов.

Ответ. редактор *И. А. Батманов*
Техн. редактор *С. И. Лесничий*
Отв. корректор *Н. П. Шумова*

Сдана в набор 9/VIII 1951 г. Подписано к печати 15/VII 1952 г. Форма маги 60 × 92 1/16. Всего 8,12 бумажных листов 16,25 печатных листов. 17 изд. л. Д — 06108 заказ № 2424. Тираж 200 экз. Бесплатно.

г. Фрунзе, Типография № 1.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка сверху	Строка снизу	Напечатано	Следует читать
4	—	13	Чон-Узгенгегуш	Чон-Узенгегуш
18	—	11	Ансу	Аксу
20	2	—	11 тыс. до н. э.)	11 тыс. до н. э.)
24	—	15	Кудадгу-Билик"	„Кутадгу-Билик"
26	—	10	продолжал	продолжил
28	5	—	четырехтысячный	четырехтысячелетний
32	5	—	вают	ваются
32	10	—	Сибирьи	Сибири
47	10	—	Мархамаусное	Мархамауское
77	—	7	„Кудатгу-Билик"	„Кутадгу-Билик"
78	21	—	Хаджи	Хаджиб
80	—	15	нестериане	несториане
95	16	—	Кочкара	Кочкора
167	3	—	Джеты-Шарра	Джеты-Шаара
171	—	3	шансийских	шэнсийских
246	—	9	хищным	хищническим
256	7	—	Хаджи	Хаджиб
256	9	—	„Кудатгу-	„Кутадгу-
258	26	—	Узунагаческое	Узунагачское
259	—	6	Джузан-	Джуван-

Бесплатно